

Мария Сараджиишвили

Однажды в Грузии...

(Записки очевидца)

Оглавление

Часть первая. Рассказы про Варвару.....	5
Любопытная Варвара и ее друзья.....	5

Меморандум.....	6
Княжна-дровосек.....	12
Сердце, надрезанное ножницами.....	19
Благоразумный разбойник.....	24
В осаде.....	26
Письмо из Небесной канцелярии.....	31
Маляр Вова.....	35
Елена в больнице.....	37
Знатоки благодати.....	43
Благословение.....	46
Часть вторая. В поисках прозорливцев.....	50
Просто священник.....	50
Про отца Вячеслава.....	61
Случай на похоронах.....	72
Про архимандрита Филарета.....	75
Часть третья. В поисках справедливости в несправедливом мире	
.....	86
Не смогла оттолкнуть.....	86
Про возможного террориста.....	95
Про козла Василька и «русских оккупантов».....	102
Бумеранг.....	109
Неверующий верующий.....	111
Вверх по лестнице, ведущей вниз.....	118
Метод воздействия.....	125

Не спеши осуждать.....	130
Про Нону-бурчунью и духовную брань.....	131
Нет худа без добра.....	138
Часть вторая. Современные были.....	140
Молитва по соглашению.....	140
Оптимист Лука.....	146
После Светлой Заутрени.....	152
Инопланетянка.....	156
Из «совкового» поколения.....	164
У песочницы.....	177
Нет ничего тайного.....	181
Сила Евангелия.....	185
О святой Варваре и девочке Хатии.....	188
Шекспир не понял.....	191
Кран потек, или Необъяснимое вокруг нас.....	204
У Распятия.....	211
Народное средство от депрессии.....	219
Уроки русского и новое мышление.....	226
В паломничестве.....	234
Другая дверь.....	239
Это старомодное слово «верность».....	244
Обида.....	247
Глава третья «Записки Антивируса».....	252
Хатуна.....	252

Радость одна на всех.....	257
Кому хуже.....	261
Шалва и слепой.....	264
Робик приехал!.....	266
«Американец угощает!».....	272
Как Николай Чудотворец помог.....	275
Глава четвертая. Мемуары дипломированной уборщицы.....	286
Жужа из Парижа.....	288
Блаженная кончина.....	293
Жертвы имиджа.....	296
Игблиани дарткма (1). Удачный удар.....	300
Заменитель эхоскопии.....	304
Батумский плацкарт.....	309

Глава первая. Рассказы про Варвару

Часть первая. Любопытная Варвара и ее друзья

Случалось ли вам, читатель, встречать несерьезных людей? Если нет, то вот вам такой экземпляр — Варвара многогрешная и, само собой, любопытная. В вере не тверда, страстями обуреваема, духом противоречия гонима. Грехов много, а спасительного покаяния — ноль с копейками, со смирением тем паче — полная напряженка.

Круг общения у любопытной Варвары самый что ни на есть от церковной ограды далекий. А потому сбываются на ней слова псалмопевца Давида: *«Со избранными избран будешь, а со строптивым развратишься»* (Пс 17, 27). Поэтому если какое крепкое словечко Варвара и вернет, не обессудьте.

Словом, Варвара — ходячее недоразумение и сплошной соблазн. Люди новоначальные, читайте осторожно, в голову особо не берите, но на ус мотайте. А вы, рабы Божии, в вере утвержденные, сотворите молитву о грешнице. Авось, в разум истинный придет, иначе беда.

Меморандум

Туман висел над головой, как косматая папаха, — в двух метрах ничего не видно. Пила упрямо не хотела «грызть» мокрое бревно, а норовила пройтись по пальцам. Время от времени опилки фонтанчиком падали на ватники и сапоги пильщиков. Варвару распирала злость на весь мир: на гнилую погоду, на зубатую пилу, изгибающуюся змеей, и на всех верующих в целом. С того конца пилы раздался тихий совет-наставление:

— Варя, работай с молитвой. Даже в этом тебе гордыня мешает.

— Да при чем здесь гордыня? — огрызнулась Варвара, хотя в более спокойной обстановке легко бы согласилась со своей духовной матерью. — Вы тут жилы из себя тянете, а вашим братьям и сестрам во Христе до лампочки. Вот вы полжизни церкви посвятили, и что?

Ходят взад-вперед зубья по дереву. С того конца опять медленный и взвешенный ответ Елены:

— Достойное по делам моим приемлю. Значит, я тоже в свое время кому-то не помогла. Все, что Господь посылает, надо принимать со смирением.

— Ну ничего себе! — не выдержала Варвара. — Почему сейчас нет в церкви общего имущества, как у первых христиан? Только на словах «возлюбим друг друга», а на деле — ах, они, видите ли, молятся.

— Не грехи и перекрестись лучше! Это тебя темные силы смущают.

Зубья пилы злобно рвали древесину. Варвара не унималась:

— Во, научились все на масонов да на темные силы сваливать! Вот погодите, я открытое письмо напишу. Меморандум!

— Ты устала, наверное, бедная, — вздохнула Елена, опуская пилу. — Отдохни лучше. Я уж как-нибудь сама потом закончу.

Спор этот был давний и по-своему обоснованный. Вот уже два года Елена мужественно тянула лямку беспросветной жизни на безлюдной горе в окрестностях Тбилиси — ухаживала за парализованной матерью и инвалидом-отцом. Единственным источником существования было стадо из шести коз.

Несмотря ни на что, Елена не унывала, да еще и посмеивалась:

— Мы как отшельники. Молитвы читаем при керосинке, воду с крыши по желобу собираем. Сами пьем и скотинку поим. — И, помешивая кочергой головешки в проржавевшей печке-буржуйке, неизменно утверждала: — Слава Богу за все!

Варваре суемудрой такое смирение и не снилось. Вместо спасительной веры в Промысл Божий в голове совсем другие мысли роятся: как бы в церкви мужичков подловить и на гору к Елене заманить, чтоб женщина на непосильной работе не надрывалась. Но увы! Представители сильного пола, во-первых, все наперечет, а во-вторых, готовы помочь лишь на словах. Как услышат о Елене, только охают:

— Как она там, бедная? Передайте Елене — мы молимся о ней.

Вот на эту кислятину глядячи, и решила Варвара написать открытое письмо — призыв к решению общих проблем в приходе. Наспех накатанный меморандум выглядел так:

«Дорогие братья и сестры во Христе! Мы долгое время ходим в один и тот же храм, но не знаем ни адресов, ни конкретных нужд стоящих рядом. Как же нам исполнить закон Христов, если не помогаем друг другу? Чем мы хуже **евреев, католиков, иеговистов**, имеющих налаженную систему сведений друг о друге?

Поэтому предлагаю:

1. Сдать наши адреса священнику с кратким описанием, кто что может делать, чтобы выявить самых беспомощных и прикрепить их по месту проживания к дееспособным.
2. Сдавать всем 10% заработка или другого рода доходов в общую кассу на решение общих проблем прихода.
3. Вывешивать в притворе еженедельные сообщения о событиях прихода и возникающих проблемах.
4. Собираться после воскресной службы для обсуждения того, что надо сделать».

И так далее, все в том же духе. Вручила Варвара это рукописание священнику. Тот ознакомился с хартией и сказал:

— Что ж, зачитаю я это на проповеди. Посмотрим, что будет.

Сказано — сделано.

Прихожане в относительной тишине прослушали меморандум Варвары, не выразив особых эмоций. Священник в заключение вызвал инициатора из толпы, перекрестил и сказал:

— Благословляю тебя, Варвара, на это богоугодное дело.

Основная масса слушателей тут же спокойно разошлась, логично рассудив, что это конец проповеди. Никому и в голову не пришло написать свои адреса. Подошли только две бабки и один мужик с недавно отпущенной бородкой. Пенсионеры с ходу стали излагать свои беды.

— Вот я, — жаловалась первая, — в прошлом году как руку сломала, полгода дома валялась. Ко мне ни одна живая душа из церкви не пришла. Спасибо, соседи-мегрелы кормили, а то не знаю, что бы я делала.

— А у меня дом сгорел, — дребезжащим голосом докладывала вторая. — Беднее меня никого здесь нет. Запиши, деточка: Валентина Ивановна Сундукова. И никто-то обо мне не думает. У соседей второй год из милости живу.

Варвара в темпе записала координаты страждущих, обнадежив их, что «как только, так сразу», и приготовилась выслушать бородача в очках. Медленно выговаривая каждое слово, бородач — он назвался Семеном — сообщил фантастическое:

— У меня есть лишние деньги. Не подскажете, кому их дать?

Варвара оценила рыцарство. Надо же, одет человек в какой-то жуткий плащ «времен очаковских и покоренья Крыма», а туда же — «есть лишние деньги». Денег, правда, тут же не стало: их разделили между собой давешние пенсионеры «во славу Божию».

В последующие недели ничего интересного не произошло. Иногда подходили старушки, диктовали свои адреса (среди них кто-то пустил утку, будто Варвара главная по «гуманитарке»). Семен продолжал рассовывать по карманам их кофт свои лишние капиталы.

Варвара еще пыталась раскошегарить среднее поколение, но неизменно наталкивалась на туманные рассуждения:

— Сейчас время такое. Всем трудно.

В общем, меморандум Варвары порос мхом забвения.

Можете себе представить, в какое уныние впала Варвара из-за крушения своей великой идеи? Елена, улыбаясь, успокаивала ее:

— А ты не скорби. Кого надо, Господь Сам приведет. У меня и так есть два Симона Киринейских¹ — Элисо да ты. Чего же больше? Когда я в последний раз в Троице-Сергиевой Лавре была, архимандрит Кирилл (Павлов) мне мое сегодняшнее положение предсказал. Увидел вьаве, что меня ждет, и даже зажмурился. Но потом утешил: «Милость Божия все покроет». Так что все в порядке. Комфортно спастись невозможно.

В одно из воскресений Семен отправился с Варварой к Елене. Внял, бесхитростная душа, ее увереньям: «Там от тебя будет наибольшая польза».

По дороге, увязая по колено в снегу, рассказывал неторопливо:

— Я очень Ксению Петербургскую почитаю, она мне всегда с работой помогает. И еще Николая Чудотворца... Я в свое время институт иностранных языков окончил. Как Советский Союз развалился и работы совсем не стало, я пристроился окна в офисах мыть. Потом в азербайджанские деревни ездил лук собирать.

— Не страшно было туда с армянской фамилией ехать?

¹ Симон Киринейский (I в.) — один из иудеев, понесший Крест Спасителя, когда Он пал под его тяжестью (ср.: Мф 27,32). — (Здесь и далее — *примеч. ред.*)

— Они на мою работу не жаловались, а я — на их гостеприимство. Ездил, молился. Мне на хороших людей везет. Именно азербайджанцы меня подтолкнули фотоделом заняться.

Так, с пространными разговорами, дошли до ворот с проволочной оградой. Глядь, у порога Елена в ватнике стоит, собак унимает.

— Христос посреди нас! — приветствовала гостя с улыбкой. А улыбка у неё такая, что голливудские стандартные ухмылки перед нею — ничто.

Семен растерялся с непривычки:

— А что мне сказать?

Елена рассмеялась:

— Скажи: «Был, есть и будет!»

Семён послушно повторил. (Позже признался, что именно это приветствие произвело на него огромное впечатление.) Елена тем временем повела его в дом — с родителями знакомить, по пути поясняя:

— Мы здесь живем по-простому, все в одной упряжке. С Каркушей нашей, — кивая на Варвару, — ты уже знаком. Тайн друг от друга никаких не держим. Друг дружке помыслы открываем, чтобы темные силы искушить не могли.

Семен это слушал-слушал, а как переварил, оглоушил выводом:

— Раз я к вам сюда попал, то и у меня и никаких тайн от вас не должно быть. Можно я вам про свою личную жизнь расскажу?

Елена растерялась. Потом перекрестилась, быстро сказав: «Пусть Господь это примет как исповедь». И Семен стал подробно докладывать про свои пробные браки и кто когда от него аборт сделал. От такого послужного списка Елена пригорюнилась и спросила:

— Ты сколько лет в церковь ходишь?

— Лет четырнадцать.

— А на исповеди в этом каялся?

— Нет. А разве надо? Я там про другое говорю, про то, что мало молюсь.

— Обязательно на исповеди батюшке скажи, чтоб он тебя от греха разрешил.

В общем, уходил Семен от Елены какой-то обновленно-радостный:

— Сколько лет в церковь хожу, а такой женщины не встречал, — пояснял он Варваре на обратном пути.

После этого Семен стал у Елены бессменным помощником и со своими многочисленными талантами и трудолюбием был просто незаменим.

Княжна-дровосек

Эту квартиру Варвара всегда старалась обходить стороной. Что хорошего можно ждать от хозяев, если в окне, в глубине комнаты виднеется огромное бордовое знамя республики? «Националисты, наверное», — думала Варвара, поминая недобрым словом митинги времен Гамсахурдиа с их бешеным дыханием ненависти.

И вот как-то Нино, хозяйка бордового стяга, зазвала Варвару на огонек. Пьет Варвара чай из сушеного инжира и удивляется, как с Нино легко говорить. Веселая, общительная, лицо открытое, со здоровым крестьянским румянцем во всю щеку. И не скажешь, что шестой десяток разменяла. А логически ожидаемого национализма и в помине нет. Так и пошло у них: как свободный вечер, так совместное чаепитие и изба-читальня по совместительству. Благо, что у Нино для чая заготовлен солидный запас липового цвета и высокогорных лечебных трав.

Как-то, просматривая свежие газеты, Нино задержалась на одной статье.

— Как это страшно, — сказала она, указывая на статью об абортах. — Какое счастье, что я этого избежала.

— А как избежала? — полубопытствовала Варвара.

— Мы с мужем держали все посты, в среду и в пятницу включительно.

— Это сложно, наверно?

— Ничего сложного. Он был верующий, много молился и знал все эти правила лучше меня. Я просто соглашалась с ним. У нас и знакомство-то началось Великим постом. Сидели за столом у общих знакомых. На столе жареный поросенок, чахохбили, хачапури, все гости с аппетитом уничтожают это, и только мы вдвоем едим постное: он — пхали², я — лобио. Завязался разговор.

Уже при третьей за неделю встрече он сделал мне предложение: «Не могу жить без тебя». Я задумалась: ему сорок восемь лет, мне тридцать восемь; он никогда не имел семьи, я тоже. Он многие годы ухаживал за своими родителями, я много работала и растила своих племянников. Я задала себе вопрос: смогу ли всю жизнь прожить с этим человеком? И поняла, что да, и с большой радостью. Через неделю мы отнесли заявление в загс, а в первую же субботу после Пасхи отпраздновали свадьбу. У нас было очень весело. Мои подруги говорили мне: «Стоило ждать столько лет, чтобы найти такого человека». То же самое, как выяснилось, говорили ему его друзья обо мне.

И вот начались семейные будни. Я работала по своей специальности, он занимался своими пчелами. С деньгами всегда было туго, но мы были очень счастливы. Когда я забеременела — это была огромная радость для нас. Врач предупредил, что мне нельзя мыть полы, дышать стиральным порошком во время стирки, вешать белье и так далее. Все это делал муж, и без малейшей просьбы с моей стороны. Он по каким-то своим рецептам постоянно готовил мне фруктовые коктейли. Следил, чтобы я не простудилась и чаще отдыхала. Когда через полтора года после венчания родилась девочка, все удивлялись,

² Грузинская овощная закуска.

какой это здоровый и спокойный ребёнок. Я до сих пор храню его письма, полные любви, — он писал мне их трижды в день, когда я находилась в роддоме. Дочку крестили в той же церкви, где мы венчались. Ребенок рос. Мы почти круглый год проводили в деревне, где у мужа была пасека. Я занималась ребенком и делами по хозяйству, которых в деревне непочатый край. Виноградник, участок с кукурузой, сбор фруктов — всего не перечислишь. По воскресеньям ходили вместе в церковь. Муж пересказывал дочке Библию, читал сказки, пел народные песни, а он их очень любил. У нас всегда было много гостей. Иногда в день по три смены. Одних встречали, других провожали. Мне было спокойно и хорошо с мягким, любящим человеком.

Мы уже готовили дочку к школе, когда муж неожиданно тяжело заболел и на святую Варвару скончался. Я очень любила мужа, но ропота на Бога у меня не было.

На первых порах я была в отчаянии: как жить, не имея работы, с пятилетним ребенком на руках и старушкой-тётёй? Уход мужа что-то переключил в душе. Все сорок дней через каждые три часа я читала Псалтирь. Не помню, чтоб меня этому кто-то учил, просто хотелось это делать. Каждую субботу заказывала панихиды. Причащалась сама и подводила к Чаше ребенка. Быстро пролетели сорок дней.

Постепенно наладилось наше материальное положение. Наступила весна, и мне пришлось заняться пчелами, с которыми прежде возился мой муж. Весна — тяжелое время для меня. Расцветает все вокруг, и душа начинает мечтать о любви. Зная это за собой, стала я просить Бога: «Пусть душа моя станет, как дерево. Избавь меня, Господи, от этих мечтаний, чтобы я думала только о ребенке». Был у меня страх, что вдруг потянется сердце к какому-то мужчине. Прощение мое исполнилось. Душа очерствела, и целый год я была как бесчувственная.

Потом испугалась своего окаменения и попросила: «Верни мне, Господи, чувства». Вернулись прежние чувства, а вместе с ними проблема — излишнее мужское внимание. И тогда на молитве о новопреставленном я стала просить мужа: «Защити нас, убереги от всего этого». И почувствовала его помощь. Как-то раз призадумалась об одном очень настырном претенденте, предлагавшем сойтись с ним: может, стоит согласиться? И в ту же ночь вижу сон. Будто входит в спальню мой муж, срывает с моего свадебного платья бутон и выходит, не взглянув на меня. Этого было достаточно, чтобы определиться. И еще удивительно, что после смерти мужа не было ни одного дня, когда бы я осталась без денег, всегда в доме что-то есть. Стала я замечать и такое: стоит кому-нибудь меня обидеть, как муж незримо вступается за меня.

Как-то возвращалась я с пасеки. Ульи мои стоят в пяти километрах от дома, в лесу. Притормозил знакомый тракторист: «Садись, подвезу». Села в кабину, поехали. Дорога — одни булыжники, трясет из стороны в сторону. Он меня за плечи обнял. Я не ханжа — двадцать пять лет проработала в геологических экспедициях, и друзей-мужчин у меня много. Но было в этом заигрывании молодого парня что-то такое стыдное, что я потребовала: «Останови машину!» Пошла дальше пешком, и обида душит: был бы жив мой муж, да разве бы этот молокосос посмел! Через месяц встречаю тракториста с женой на улице. Смотрю, рука перевязана. «Что случилось?» — спрашиваю. «Да вот, — говорит, — попала рука в машину, и кончики пальцев срезало». Я даже испугалась — это была та самая правая рука, которой молодой ловелас пытался приласкать вдову.

А было и такое. В конце августа отмечали мы на пасеке день рождения мужа. Сбор меда был уже закончен, и все ульи стояли у меня во дворе. Мы сидели за столом, пили домашнее вино (я сама его делаю) и поминали моего пчеловода. Вдруг откуда-то прилетел рой пчел и сел на мой участок. «Давай

скорее пустой улей!» — кричат мне друзья. Я поставила улей, и пчелы охотно поселились в нем. Через год этот улей дал меда больше всех остальных.

Говорят, у Бога все живы, и наши усопшие родные молятся за нас. Во всяком случае, наша духовная связь с мужем не прервалась. Мы с дочкой молимся о нем на земле, а он, я чувствую, молится за нас там.

* * *

Нино однажды спросила у Варвары, откуда у нее царапины и мозоли на руках. Пришлось рассказать про Елену — отшельницу поневоле.

— Они кто, грузины? — заинтересовалась Нино.

— Нет, русскоязычные.

— А-а, значит, им вдвойне тяжело. Родственников наверняка нет. Все, кто мог, давно уехали.

Чем больше Нино вникала в ситуацию, тем больше переживала:

— Да как они вообще там живут? — И тут же предложила: — Давай в это воскресенье туда ходим.

— Это далеко, — отнекивалась Варвара. — От Мухиани пять километров пешком.

— Ну и что? Я геолог, меня этим не напугаешь. Только продукты соберу, и пойдем.

До воскресенья, небось, сто раз забудет, подумала Варвара и не стала её разубеждать.

В воскресенье в семь утра Варвару разбудил звонок.

— Где ты? Я уже готова и все собрала.

Под «все собрала», как выяснилось, подразумевалась внушительная спортивная сумка, под завязку набитая хачапури, чурчхелами, пхали и вином.

— Куда столько? — скривилась Варвара. — Не на свадьбу идем.

— Неудобно в первый раз с пустыми руками идти, — пояснила Нино. — Это всё моё, из деревни, не покупное.

Пока преодолевали крутые ухабы, Нино рассказывала про свою деревню в Кахетии. Подразумевалось, что это лучшее место на земле.

— Она находится недалеко от Кварели — родины Ильи Чавчавадзе. Обязательно тебя к себе на лето заберу. Увидишь, какая там красота. До Алазани рукой подать, а вокруг голубые горы уходят вершинами в небо. Именно о них Илья Праведный сказал: «...со мною вы, горы, повсюду, — сын ваш мятежный, ужели я вас позабуду...»³

И давай дальше наизусть шпарить. Варвара слушала недоумевая: и не лень было учить?

— Мне от мужа несколько ульев досталось, — продолжала Нино. — Со мной там недавно один случай вышел. Шла я с моими односельчанами на пасеку. Дорога пролежала через ущелье. Ребята перешли по перекинутому через него старому дереву и ждут меня на той стороне. Двинулась и я за ними. В какой-то момент мой рюкзак перевесил, и полетела я с десятиметровой высоты вниз, прямо на огромные валуны. И знаешь, будто меня кто-то подхватил и мягко на землю опустил. Мои друзья в ужасе сверху кричат: «Нино, что у тебя сломано? Спина цела?» А у меня ни царапинки!

Я это к тому отношу, что в этот день Богородичное правило полностью прочитала. Где-то слышала, что святой Серафим Саровский — я его так люблю! — говорил: кто «Богородице Дево, радуйся» сто пятьдесят раз в день читает, с тем удивительные вещи происходят.

Варвара не переставала удивляться: вот тебе и сельская жительница со знаменем в обнимку. На минуту представила себе объем работ в деревне — даже дурно стало неженке-горожанке. Вот и предложила:

³ Чавчавадзе, Илья (Илья Праведный). Горам Кварели / И. Чавчавадзе. Стихотворения и поэмы. Пер. Н. Заболоцкого. — М.: Советский писатель, 1950.

— Может, лучше продать этот дом с виноградником? Возни много, а толку мало.

Благодушие Нино как ветром сдуло. Ястребом кинулась она к Варваре, только что за грудки не схватила, и — в крик:

— Как продать? Зачем продать? Как мне, грузинке, без своего вина? Шах-Аббас⁴ не смог до конца уничтожить наши виноградники! А ты хочешь, чтоб я, княжна, кому-то продала свою землю? Вот, смотри, — и она выставила вперед свои широкие, шершавые руки. — Я ведь всё сама делаю: и опрыскиваю, и окучиваю, и обрезаю свой виноградник. А знаешь, как правильно надо обрезать лозу весной? Каждую веточку надо перебрать с молитвой: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» А четвёртый отросток срезать.

— И сколько литров вина в год выходит? — не унималась «акула капитализма», уже прикинув про себя, что вино — хороший бизнес и можно получить барыш.

— Когда двести, когда пятьсот литров получается. Это все для дома. У меня каждый день гости.

Так, кипя и бурля эмоциями, дошли до пункта назначения. За ворота на лай собак выбежала Елена:

— Христос посреди нас!

— Аминь! — просияла Нино, подтверждая приветствие троекратным поцелуем.

Варвара только хмыкнула: вот бы правителям такую любовь и единомыслие, как этим двум политическим противницам! Нино всей душой за

⁴ Аббас I (1571 – 1629) – шах Ирана (с 1587 г.) из династии Сефидов. Отличался особой жестокостью, предпринял несколько разорительных походов на Грузию. По его приказу были разрушены церкви и монастыри, вырублены сады и виноградники, а двести тысяч грузин было угнано в рабство в Иран. По приказу шаха за отказ принять мусульманство была замучена царица Кетеван и на Пасху 1616 г. были обезглавлены шестьсот монахов в Гареджи

независимую Грузию времён Давида Строителя, а Елена — за Союз нерушимый республик свободных, но без коммунистов.

После трапезы Нино приступила к заготовке дров. Огромный топор, который Варвара еле-еле могла оторвать от земли, летал как молния в ее руках. Хрясь-хрясь — и через минуту кругом лежали нарубленные поленья. Дядя Коля, баюкая парализованную нерабочую руку, даже прослезился:

— Нино, родненькая, кто тебя научил так рубить? Это, поди, не каждый мужик сможет.

А Нино только улыбалась и яростно крушила остатки пней и коряг. Остальные наблюдатели еле успевали таскать дрова. Само собой, княжна-дровосек прочно вписалась в общий состав.

Сердце, надрезанное ножницами

1999 год. Пасхальная служба закончилась. Все спешно кинулись разговляться яйцами, сыром и только что освящёнными куличами. Голубоглазая высокая девчонка кивнула Варваре:

— Ну, чё? Христос воскрес! — и протянула руку с малиновым пасхальным яйцом.

«Наш кадр», — растаяла Варвара. Слово за слово, Лика, так звали новую знакомую, нравилась Варваре всё больше и больше. Ни тебе показных молитвенных поз, ни благочестивого елеса в речах — живой человек, и все просто. Разговор перекинулся на общих знакомых по церкви и на Елену, «по жизни в скорбях пребывающую». Лика наострила уши:

— А чё? Если надо помочь, я с удовольствием. Все равно от скукидохну. Я медик. Чесслово! Я раньше в русском госпитале работала. Ты не смотри, что я шкиля-макарона. Я там, знаешь, каких бугаев ворочала! Короче, когда пойдем?

На место встречи Лика явилась в полной экипировке: на спине рюкзак, с ремня на плече завывает транзистор, в руках альбом с рисунками, тут же врученный Варваре с пояснениями:

— Здесь душа моя и моя жизнь поломатая.

На черном фоне было нарисовано ярко-красное сердце, надрезанное ножницами. По лезвию стекала кровь. Второй рисунок был еще абстрактнее. Белая и черная полосы, на белой — черные следы, ведущие в никуда.

— Это моя клиническая смерть. Когда я на том свете была, — бойко продолжала Лика тоном экскурсовода, — вышла моя душа из тела, а эти черные меня к себе тащили. И звуки такие: чав-чав. Будто кто по грязи шлепает. У меня такое два раза было.

Варвара слушала зачарованно. Хотела уже сунуться с советом продать рисунки подороже, но интерес к потусторонней жизни взял верх:

— И как там? На том свете?

— Ничего конкретно сказать не могу. Меня скоро назад вернули. По чьим-то молитвам. Наверное, матушка Аскитрия за меня молилась. Помнишь такую?

— Помню. Всегда в храме у иконы Георгия Победоносца стояла. Тихая такая, со светлым лицом.

— Во-во! А добрая — слов нет. Сама голодала, на хлебе и луке сидела, а последний кусок тебе могла отдать. И, прикинь, никогда не жаловалась. Мы за ней ухаживали, когда она заболела, а она нам свою однокомнатную отписала... Матушка Аскитрия мне столько всего про веру рассказывала, что я в церковь пришла. Царство ей Небесное, — и Лика перекрестилась.

Тем временем доплелись до ворот с изображением креста. Встретила их Елена со словами:

— Христос посреди нас! — А потом почему-то стала молитву читать:— Отрицаюсь тебе, сатана, гордыни твоей и служению тебе, и сочетаюсь Тебе, Христе, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

И только после этого нас, лягушек-путешественниц, в дом завела. Транзистор, впрочем, сразу попросила выключить, чтобы «молитвенному настроению не мешал». Ликуша ошалело таращила глаза, но потом быстро освоилась и начала генерировать идеи:

— Чем помочь? Давайте я навоз у козочек почищу.

Варвара стала попутно тарахтеть про Ликины посмертные приключения, а сама участница дополняла их новыми душераздирающими подробностями.

Елена слушала, не перебивая. Потом обратилась к Лике:

— Ты понимаешь, какая на тебе ответственность? Это большая редкость, чтобы человека два раза назад возвращали.

Лика почему-то скисла и вздохнула:

— Знаю.

— Впрочем, — продолжала Елена, — с меня тоже двойной спрос будет. В тридцать лет у меня был инсульт. Моя душа тоже вышла из тела. Я хорошо помню, как меня поднял белокрылый Ангел и понес куда-то.

— А какого размера был Ангел? — восторгалась Варвара, любительница подробностей.

— Сейчас мне трудно сказать. Но явно выше человеческого роста. Он поставил меня перед иконой Казанской Божией Матери. Больше ничего не помню. Потом пришла в себя.

— При чем тут икона? — спросила Лика.

— Я родилась на Казанскую, — как бы не слыша вопроса, рассказывала Елена. — Потом сама стала всем этим интересоваться, так к Богу и пришла. Мне как инженеру-программисту много чего вначале казалось странным:

догматы, молитвы на церковнославянском языке. Потом постепенно все в голове улеглось и появилось восхищение логичностью законов Божиих. Я их сравнивала с моей любимой математикой.

Много чего еще было тогда рассказано, и Лика при прощании стала обговаривать время следующего похода.

На второй поход Лика явилась под градусом и сразу ошарашила Варвару требованием:

— Дай денег!

Получив просимое, Лика тут же купила бутылку пива и опустошила половину. Дальше стало твориться что-то невообразимое: песни и пляски народов мира по всему маршруту следования. Временами репертуар сменялся слезами. Ликуша, вращая совершенно безумными глазами, несла околесицу:

— Это они меня заставляют... Я ведь слово давала... Что же я делаю? — Слезы тут же сменялись яростью, и она начинала боксировать воздух. — Они, красноглазые твари, мне жизнь поломали! Порвать бы их на части!

Елена, увидев перекошенные лица гостей, бросилась кропить их святой водой. Кое-как Лика утихла и заснула. А проспавшись, уже рассказывала более или менее связно:

— Стоит мне стопку выпить, все — мозги набекрень. Не могу с собой совладать. Матушка Аскитрия это знала и всячески меня поддерживала. Только с ней мне было хорошо. У нее, наверно, аура такая.

— Благодать, — тихо поправила Елена.

— Поговоришь с ней — и уходишь другим человеком. Если бы вы знали, как мне ее не хватает! Искала я таких людей в церкви, да куда там: каждый сам по себе. Батюшки-то у нас хорошие, но занятые очень. Причащаться мне, говорят, почаще надо. А у меня когда получается, когда нет. Нервы на нуле. Чуть что — психую, с родителями грызусь, а потом плачу. А у вас, Елена

Николаевна, мне нравится. Спокойно... Можно, я к вам приходить буду? Даже после этого?

Елена кивнула и, глядя куда-то вдаль, задумчиво сказала:

— Тебя ко мне явно матушка Аскитрия привела. В свое время она и мне помогала в моих бедах и скорбях. А когда я узнала о ее переходе в вечность, то все думала: кто же ее досмотрел? Она же была совершенно одинокая. Оказывается, за ней ухаживала ваша семья. Не устаю поражаться, как мы все незримо связаны. — И, доставая свой пухлый синодик и ручку, спросила: — Как, говоришь, твоих родителей зовут?

Ли́ка назвала. А Варвара уже знала: если Елена кого в свой помяник занесет, то это на всю оставшуюся жизнь.

Так собиралась группа дорогих Варваре людей. Почему-то тянулись к Елене такие несхожие, а иногда странные люди.

Благоразумный разбойник

Однажды у Елены на даче появился новый человек — Гоча. И случилась с ним такая история.

У Гочи было уже две дочери-школьницы, когда Мерико снова забеременела. На эхоскопии узнали, что будет девочка. «Зачем нам третья дочь, вот если бы сын, тогда другое дело», — решил Гоча, давая «добро» на аборт. И вдруг кто-то сказал Мерико, что у неё родится особенный, чудесный ребенок и нельзя его убивать. Так это было или иначе, но родилась у Мерико и Гочи удивительная дочь.

— Кого ты больше любишь: маму или папу? — приставали к ней взрослые.

— Бога, — отвечала двухлетняя кроха, выросшая в неверующей семье.

Это сейчас, когда Гоча уверовал в Бога, он уже не удивляется, что его младшенькая любит молиться и бегом в церковь бежит. А тогда ему было странно — почему эта кроха к иконам тянется и откуда ей ведом Бог?

— А Гоча-то сам чем дышит? — приставала к Елене с вопросами любопытная Варвара, как всегда жадная до всего нового.

— Гоча раньше был бандитом, долго сидел, — неохотно отвечала Елена, избегая осуждения ближнего. — Было у него всякое.

— Ну и?.. — давила на нее Варвара.

— Потом Господь ему послал отца Лаврентия, и человек начал новую жизнь.

— Вот бы расспросить его подробно! — загорелась Варвара новой идеей.

— Не вздумай приставать к человеку! — встрепенулась Елена, зная, чем обычно кончается такой азарт. — Неисповедимы пути Господни. А любопытство — грех. Все никак твой зуд журналистский не выветрится. Ты молилась бы лучше, а?

Прошло какое-то время, на горе начался сенокос. Явился и Гоча — высокий черноволосый мужчина лет пятидесяти — запасать сено для своей коровы. Варвара, уловив подходящий момент, поспешила к Гоче утолить свое любопытство:

— Батоно Гоча, как вы к Богу пришли?

— А так и пришёл, — с ходу ответил Гоча. — Мне Бог до сорока пяти лет всю земную мерзость показал. Когда я этим во как объелся, — полоснул он рукой по горлу, — тошно стало. Захотелось другого.

— А какие конкретно мерзости вы наблюдали?

— Вот сидел я как-то в Минске за грабеж...— начал, было, Гоча, опершись на косу.

Варвара уже приготовилась услышать нечто супердетективное, но тут подоспела Елена в сбившейся косынке с тяжелой охапкой сена на спине и бросилась извиняться за сестру во Христе:

— Прости ты ее, Гоча, и не обращай внимания. Она ко всем вот так, со своими вопросами... Никак не отучится.

Гоча только засмеялся и рукой Варваре махнул:

— Потом как-нибудь расскажу. Меня хлебом не корми — дай потрепаться. Я же лентяй неисправимый, не люблю работать! — И пошел косить.

Не вышло, в общем, в этот день интервью с раскаявшимся разбойником.

В осаде

Осень сменила лето и принесла новые проблемы. На соседней горе появились экологические беженцы — хевсуры⁵ с огромной отарой овец, которую пригнали сюда со своих снежных вершин на зимовку. Овцы, как саранча, сжирали остатки жухлой травы, не оставляя ничего для Елениных коз. Но это о еще полбеда. Вокруг овец носились огромные кавказские овчарки. Приходить к Елене стало небезопасно. Собаки кидались на каждого прохожего, норовя порвать на куски. Все просьбы привязывать их хотя бы ненадолго оставались без отклика.

Елена, призывая на помощь всех святых, теперь редко спускалась в город, чтобы причаститься и закупить продукты. Все, кто был в курсе этой истории, смотрели на ее измученное лицо, жалостливо охали и качали головами:

— Ну, как вы там? Вот искушение-то!

— Помоги тебе Господи!

⁵ Этнографическая группа грузин, коренное население горной области Хевсурети.

— Может, в полицию заявить?

Елена терпеливо выслушивала бесполезные советы и только смиренно отвечала:

— Господь выше сил креста не дает. Иду с молитвой: «Да воскреснет Бог» и двумя палками от собак отбиваюсь. Кое-как прохожу.

Поохав и поругав хозяев овчарок, прихожане мирно расходились — дескать, что тут поделаешь, каждому свое. А те, кто не уходил, предлагали разное. Элисо, как и подобало верующей со стажем, говорила:

— Надо усилить молитву. Давайте Псалтирь все вместе читать..

Семен, и в хорошее время немногословный, теперь просто убито молчал. Тамара, как человек здравомыслящий, робко заикнулась:

— А может, коз продать и в город спуститься? Хевсуры там надолго.

Но Елена грустно вздыхала:

— На что мы жить будем? У меня на это нет благословения.

— Нет, потому что не умеете настоять на своем, — влезла бесцеремонно Варвара. — Надо Гочу к этой разборке привлечь! Куда он, кстати, делся?

— Гоча очень серьезно постится. На хлебе и воде сидит. — Елена осенила себя крестом. — Грехи замаливает. Его беспокоить сейчас никак нельзя. Первый пост в его жизни. Он очень ослаб и дома молится.

— Нашел время лоб расшибать?! — разозлилась Варвара. — Лучше бы вам помог на гору хлеб таскать и хевсуров на место поставил. Фанатизм какой-то!

Тут еще Лика — одного ума с Варварой — свой вариант выдала:

— Давайте, Елена Николаевна, я своих ребят-гвардейцев приведу. Они им живо рога обломают! А чё?

Елена замахала на них руками:

— Да что с вами, девочки? В Рождественский пост и столько грехов набирать? Я уж как-нибудь сама, с Божией помощью.

А тут еще Элисо подлила невзначай масла в огонь, шепнув кому-то: «У Гочи от старой жизни где-то пистолет припрятан». Варвара неумная это «запеленговала» и давай вперед с новой идеей:

— Вот и шикарно! Пусть меня стрелять научат. Я всех собак перебью, раз хозяева без понятия. А Гоча, нехай себе, пусть дальше постится.

Елена чуть не заплакала с досады:

— Да что ты несешь сегодня? Причем здесь бедные животные? Все! Кончено! Пусть все будет, как было. От своего креста не побегу, — взвалила она на спину набитый хлебом рюкзак, перекрестилась и пошла к выходу.

Состав болельщиков долго так и сяк рядил, пока не пришел к консенсусу: ждать Рождества, когда Гоча окрепнет. А потом собраться всем вместе, закупить продуктов, сколько можно на себе унести, вооружиться палками и идти на прорыв.

Так все и вышло.

После Рождества пошли сначала в полном боевом порядке к Гоче на его гору. Варвара, мало надеясь на свои молитвы, прихватила кухонный нож подлиннее. Элисо и Нино запаслись дубинками. Только Лика была без оружия, но угрожающе-нервно сжимала кулаки.

Для Элисо, которая панически боялась даже тараканов, а уж собак тем более, такая экспедиция была верхом героизма. Вот уж воистину — любовь сильнее страха. А для Нино, привыкшей в своей деревне с собаками воевать, наоборот, плевое дело.

Гоча, как увидел их у ворот своей фазенды, расцвел майской розой:

— Ва-а! Мои сестрички пришли! Давайте заходите.

Зашли. Небольшая комната, железная печка в углу, дощатые крашеные полы, у окна грубо сколоченный стол и вокруг него табуретки. Мерикомолчунья быстро выставила на стол самодельный сыр, только что испеченные мчади (кукурузные лепешки), домашнее вино и зелень.

И пошло-поехало. Гоча дорвался до тостов:

— За Рождество!

— За Грузию — удел Божией Матери!

— За всех хороших людей, где бы они ни были!

Чем дальше, тем цветистее:

— Хочу этот маленький стакан выпить за то, чтобы Господь дал нам такую большую веру, как у преподобного Марка Афинского. Помните, как он объяснял одному монаху силу молитв? «Если скажу горе: «Двинься к морю...». Тут оба видят — гора стала двигаться. — «Э-э, остановись, — говорит святой Марк, — я не с тобой, а с братом разговариваю». И гора послушно застыла⁶.

Для Варвары это было последней каплей. Грузинское застолье — это вам не русское, на скорую руку, «будем здоровы» — и все... Люди тут часами сидят. За каждый тост надо в отдельности выпить, да еще что-то свое красивое сказать. А торопливой Варваре было невтерпеж. Вот и ляпнула она, прервав Гочу:

— Пока мы здесь время теряем, лучше бы у Елены лишнее бревно распилили.

⁶ Ср.: Преподобный Марк Афинянин (конец III — начало IV вв.) долгие годы провел в одной из пещер Фракийской горы (Эфиопия). Во время разговора с пришедшим к нему аввой Серапионом преподобный Марк спросил: «Есть ли ныне среди мира святые, творящие чудеса, как сказал Господь в Евангелии Своем: *Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда» и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф 17, 20)?» В то время как святой произнес эти слова, гора сдвинулась с места и придвинулась к морю. Преподобный Марк увидел, что гора двигается, и обратился к ней: «Я тебе не приказывал сдвинуться с места, но беседовал с братом; поэтому встань на свое место!» После этого гора вернулась обратно. Авва Серапион в страхе упал ниц. Преподобный Марк взял его за руку и спросил: «Разве ты не видел таких чудес за свою жизнь?» — «Нет, отче», — ответил Серапион. Тогда преподобный горько заплакал и сказал: «Горе земле, потому что на ней живут христиане только по имени, а не по делам».

Тут уже взвились Нино с Элисо:

— Тамаду перебивать — последнее дело! Совсем в тебе веры нет. Конечно, где твоим армянским мозгам оценить наши грузинские обычаи и вино, которое человек от души выставил. Постыдилась бы!

В общем, с канителью, но все же вышли из дома и через час, миновав собачий кордон, были у Елены. У отшельницы при виде каравана с «большой земли» радостно засияли голубые глаза. Толстушка Элисо — бессменный казначей — с порога стала рапортовать о закупках и тратах. Елена отмахивалась от дотошной Элисо:

— Потом, потом! — и жадно выпрашивала: — Что нового в храме? Как наши батюшки? — И, поворачиваясь к Гоче: — Как отец Лаврентий в Сиони?

Ей отвечали вразнобой. Много чего при «встрече на Эльбе» было рассказано, обсуждено и осуждено в горячем до хрипоты споре. Причем Лика с Варварой за свой экстремизм неизменно оказывались в греховном меньшинстве...

Позже было ещё несколько таких экспедиций во всеоружии. Словом, общими усилиями дождались весны, а там — самоликвидации пришельцев с овчарками, ушли они восвояси.

Письмо из Небесной канцелярии

Стол с нехитрой закуской, горящая свеча посередине. Пятеро за поминальной трапезой девятого дня. После первых традиционных тостов кто-то просит Елену рассказать поподробней о жизни ее матери, уже перешедшей в вечность. И вот что она рассказала.

—...Моя мама осиротела, когда ей было три года. Однажды мой дед, ее отец, в приступе ярости хотел изрубить все иконы. Мама рассказывала, что у

нас были большие старинные иконы в серебряных окладах. Несколько из них маме удалось спасти. Она, трехлетняя кроха, стала перетаскивать их на берег реки, пускала вплавь по воде и смотрела, как их медленно уносит течение. Вскоре дед мой привел сожительницу. Мачеха стала требовать: «Убери детей. Девай их куда хочешь». И вот как-то ночью маму разбудила кошка, дико мяукнув и оцарапав ей руку. Проснувшись, она закричала брату: «Колька, бежим, папка нас зарубить хочет». Дед мой от неожиданности выронил топор, который был уже занесен над ними, спящими ребятами... Дети убежали. Вот почему мама так кошек любила. За спасение жизни.

Через какое-то время дед зарубил топором уличенную в изменах сожительницу, а сам пошел и сдался властям. Его осудили на двенадцать лет. Мама с братом остались совсем одни.

Мне сейчас даже страшно представить, как она, совсем ребенок, ходила босиком по снегу и просила милостыню. Несмотря на суровое детство и непростую юность, мама была на редкость жизнелюбива, никогда сама не унывала и нам этого не позволяла, говорила: «Ничего, Господь не оставит».

Потом сироту приютила одна раба Божия, хотя и сама бедствовала. Затем маму удочерила одна грузинская семья. Я до сих пор поминаю этих людей как дедушку и бабушку. Они дали маме свою фамилию. Отправили учиться в техникум.

Вскоре пришел с фронта брат отца и забрал ее в Тбилиси, в ФЗУ при Трикотажке. С теткой, дядиной женой, отношения не сложились, ей пришлось перейти в общежитие.

Господь незримо вел и оберегал сироту. В девятнадцать лет, в минуту отчаяния, она взмолилась: «Господи, если Ты есть, дай мне счастье!» И во сне услышала голос: «Исправь свои грехи, тогда будешь счастлива». Проснувшись,

первое, что она сделала, — бросила в печку карты. (До этого она часто гадала.) И пошла в церковь. Стала ходить, молиться, исповедоваться.

Есть в Александро-Невской церкви большая старинная икона «Смоленская». Мама молилась перед ней, чтобы Пресвятая Богородица устроила ее жизнь. Вскоре она познакомилась с моим отцом, и они поженились. Папа, демобилизовавшись из армии, устроился учеником мастера на Трикотажку, где мама уже работала прядильщицей. Она проработала на комбинате сорок лет. Тот, кто знает эту профессию, поймет, что такое сорок лет напряженного физического труда.

Это были послевоенные годы. Всем было трудно, а моим родителям тем более, потому что начинать приходилось с нуля: обедали на подоконнике, спали на полу. Тут возникла новая проблема. У них три года не было детей. Перед той же иконой мама вымаливала ребенка. И как-то увидела сон, будто стучится к нам в дверь старец в белом подряснике и говорит маме: «Вам письмо из небесной канцелярии». — «Какое письмо? — удивилась мама. — Ничего не понимаю». — «Вам его прочтут на втором этаже», — сказал старец и исчез.

Проснувшись, мама вспомнила, что на втором этаже нашего общежития живет монахиня, и пошла к ней. Монахиня выслушала маму и утешила ее: «Похоже, что молитва твоя услышана и у тебя будет ребенок».

Вскоре родилась я. Много позже, я уже школьницей была, пришли мы с мамой в церковь. И вдруг мама оствновилась, как вкопанная, перед иконой преподобного Серафима Саровского, узнав нем того самого старца...

Питались мы скудно... Даже хлеба не было вдоволь. Но мама никогда не жаловалась. Вдруг приходит к нам в общежитие бедно одетый священник и просит маму: «Дай мне кусочек хлеба и стакан воды».

Мама отдала ему двести граммов хлеба — дневную норму, больше не было. Священник помолился, но хлеб почему-то не тронул и говорит маме:

«Хлеб у тебя всегда будет». И поспешил уйти. Мама бросилась за ним, обегала все улицы, но он куда-то исчез. Мама плакала потом: «Не накормила я батюшку, голодный ушёл. Кто это был? Кто приходил?»

Странный случай, но хлеб после этого в доме был всегда. Вскоре после этого события папиных друзей-летчиков перевели в Вазиани, и они часто бывали у нас. Настелят шинели на пол и ночуют, а свои пайки отдавали нам. Когда мне исполнилось двенадцать лет, мои родители обвенчались. Все эти годы они копили деньги на обручальные кольца. Оба очень хотели принять это Таинство.

Мама была на редкость добрым человеком. Не было случая, чтобы она о ком-то отозвалась плохо. А еще у нее был дар любви к Богу, к людям, ко всему живому. Мне до нее далеко. Даже парализованная, тяжело больная, она безропотно несла свой крест и умела радоваться. Царство ей Небесное, вечный покой.

Пусть мамочка, если имеет дерзновение перед Господом, помолится обо всех нас, чтобы и у нас была бы та же любовь к людям и безропотность в несении своего креста.

— Аминь, — перекрестились мы.

Елена в больнице

Однажды Варвара в споре так перегнула палку, что долготерпению Елены пришел конец. И в один прекрасный день Элисо поставила Лику с Варварой перед фактом:

— Нет вам благословения ходить к Елене. Но она просит, чтобы вы почаще ходили в церковь и исповедовались.

Для обеих, что называется, мир треснул пополам. Кинулись с расспросами, но Элисо отвечала загадками:

— Раз вы сами не понимаете, тем хуже для вас. Никакого желания исправиться у вас нет. Только искушаете всех праздными разговорами.

Варвара и Лика отправились со своими недоумениями к духовнику, но выяснилось, что он никому подобных указаний не давал. Бес гордыни был тут как тут и давай нащёптывать: «Вы для Елены тельняшки рвали, а она вас взяла и кинула!» Само собой, обе девушки смертельно обиделись. Лика стала утешать Варвару, доставая трясущейся рукой сигарету:

— Да наплюй ты. Они же фанатики!

— Как наплевать? — растерянно спрашивала Варвара. — Елена мне как духовная мать. Кому тогда верить?

В общем, переживали они так сильно, что Нино, не выдержав, отправилась к Елене восстанавливать мир:

— Да как же так? Разве можно в людях любовь убивать? Ну, не святые они, конечно. Такие же грешные, как и мы. Но мы должны быть все вместе!

Мир кое-как был восстановлен. Попросили друг у друга прощенья, но прежняя радость общения куда-то исчезла. Что-то сломалось. Осталась только суховатая вежливость при встречах.

Прошло время...

Широко распахнутые глаза Нино смотрят с испугом на Варвару:

— Елена в больнице! Элисо только что звонила! Совсем плоха! Несколько дней ничего не ела, постоянная тошнота. Глаз вылез из орбиты. Гоча, как узнал, помчался за отцом Лаврентием. Взял его из церкви, быстро в машину и — к Елене домой. Потом прямо в больницу повезли.

— Да что с ней?

— Опухоль в мозге. Нужна срочная операция. Это все от неподъемных тяжестей. Доконала себя, несчастная.

На больничной замызганной койке безо всякого намека на постельное белье лежала исхудавшая Елена с багрово-красным лицом. Неестественно огромный левый глаз был закрыт. Правый с трудом раскрылся — взглянуть, кто пришел. К Варваре потянулась слабая рука, которая тут же упала:

— Умираю я, родная. Прости меня, Христа ради... Сообщите всем нашим... Попрощаться хочу.

Рядом всхлипывала Элисо. Снаружи, у дверей палаты, собрались все остальные, потрясённые случившимся. Рассматривали томографический снимок, на котором было видно небольшое, 3 на 4 сантиметра, затемнение — опухоль, давящая на глаз. Обсуждали вытекающий отсюда расклад. Срочная трепанация стоит около двух тысяч долларов. Каждый день пребывания в больнице обходится больше ста долларов. Для всех, стоявших у дверей, это были нереально огромные деньги. Выяснилось также, что пока Елена лежит здесь как бы нелегально, из уважения к отцу Лаврентию. Платить не надо, но и лечить ее, пока не появятся реальные деньги, тоже никто не кинется.

Вот и плакали от бессилия матушка Лали и Элисо:

— Господи, Ты Сам управь! Не отнимай ее от нас!

— Давайте акафист Божией Матери читать! — предложили Нана, Гочина дочка.

А Варвара по своему греховному обыкновению злилась:

— Не молиться тут надо, а действовать! Почему эти козлы, врачи, ей даже болеутоляющего не дают?!

На нее привычно фыркали:

— Помалкивай. Ты как неверующая себя ведешь! Раз отец Лаврентий ее сюда привез, значит врачи помогут. Надо просто ждать.

Но Варвара уже помчалась к эскулапам — права качать:

— Почему вы ее не лечите? Она от боли уже говорить не может!

Белые халаты только отмахивались от нее с умным видом:

— Мы делаем, что можем.

Как после этого не озвереть? И Варвара понеслась за «тяжелой артиллерией» — Верой. Уж она-то наведет здесь гвардейский порядок! Пятнадцать лет Верка уличной торговлей занимается, всякое обращение знает. Где надо, и гавкнуть может, плюс в медицине разбирается.

— Ах, скотобаза какая! — разразилась «тяжелая артиллерия» первым залпом, сразу вникнув в суть дела. — Они ее точно в гроб загонят!

И вскоре железные ступеньки старинной больницы уже гнулись под ее поступью. Вера рванула дверь в палату, оставив за собой удивленно-испуганных посетителей, упала на стул у койки и заголосила:

— А-ва-ва, это что за беспредел такой! Что с тобой случилось?! И куда Бог смотрит? А? Сколько тварей по земле ползают, и никакая холера их не берет! А-ва-ва, а ты, такой Божий человек, и...

За дверью сестры возмущенно зашипели на Варвару:

— Зачем нам здесь неверующая? Да еще и такая? — намекая на моральные устои Веры.

А Вера вышла, утерла слезы и, оглядев заплаканных сестер, изложила свой стратегический план:

— Значит, так. Я буду сама уколы делать. Буду еду готовить, а эта (кивок на Варвару) таскать. На большее она всё равно не способна. Буду раньше всех с утра приходить и врачей за глотку брать. Тут без контроля нельзя!

В общем, кое-как все утряслось. Вера приходила первая, сменяла бессменную ночную дежурную Нану. Дальше приходили по уговору, кто когда мог. Элисо вела переговоры с сыном Елены в Москве на предмет денег. Гоча с Семеном по очереди пасли коз. Каждый день приходил отец Лаврентий — проведать и причастить Елену.

Ко всем приходящим у Елены была одна просьба — постоянно читать акафист, а из еды приносить виноград. Вот и читали навещавшие, почти не переставая, акафист Божией Матери.

Вера в этом благом деле по неверию не участвовала, шушукалась с Варварой:

— Состав еще тот, я тебе скажу! Я для нее все, что хочешь, сделаю, но вот эти «ижи еси на небеси» выше моих мозгов! А Гоча ничего из себя, видный клиент. Жалко, верующий, а то бы пообщались.

В день операции произошло неожиданное. Варвара была на работе, когда ее выловила Нана и, с перепугу путая грузинские и русские слова, сообщила:

— Елену воруют с операции! Срочно звони ее сыну в Москву!

Варвара набрала номер Элисо и узнала от нее, задыхающейся от слез и обиды, подробности «воровства»:

— Пришла Капитолина с Александро-Невской церкви и переубедила Елену делать операцию. Святые отцы, дескать, не благословляют вскрывать черепную коробку. И Елена отказалась. Мы попытались спорить, и отец Лаврентий как священник пытался воздействовать. Но Капитолина подняла крик: «Вам лишь бы человека под нож положить. Вы убийцы! Зачем привели сюда грузинского священника? Пусть русский батюшка этим делом займется!» Мы стояли как оплеванные. Это мы-то убийцы? Мы ли ночей не спали из-за Елены? И нас еще в национализме обвинять?

Из трубки доносился долгий тихий плач, потом Элисо продолжила:

— Откуда нам взять русского священника, если их раз-два и обчелся? Кроме того, отец Лаврентий специально к отцу Филарету ходил советоваться. Ты же сама видела, как отец Лаврентий свою паству оставлял и к Елене спешил.

— Что же вы ей морду не набили за поклев на батюшку? — разъярилась экстремистка Варвара. — С Елены спрос не велик. У кого крыша не поедет перед лицом смерти?

— Что ты, — убито отвечала Элисо. — Мы просто онемели от обиды. Капитолина тут же забрала Елену к себе домой. «Я, — говорит, — буду ее мазями лечить». Но это не поможет. Опухоль огромная. Сама не рассосется. Теперь не знаем, что делать. А Вера сказала, что будет ездить к Капитолине домой и делать Елене болеутоляющие уколы. Сама-то Кпиталина — самоучка, колоть не умеет.

Через две недели из Москвы приехал сын Елены и, поговорив с врачами, повёз мать на операцию в ту же больницу.

Как только Елена отошла от наркоза, к койке хлынула куча народа. Больная открыла один глаз, и слабая улыбка появилась на бескровных губах.

— Дорогие мои... — Голос Елены то и дело прерывался. — Я молилась перед операцией: «Господи, молитвами Богородицы и всех любящих меня людей продли мне жизнь!» И вот я с вами.

Знатоки благодати

Из алтаря уже вынесли записки и выгрузили их шуршащей кучей на стол в притворе. Варвара пыталась сосредоточиться на словах, которые пел хор, но куда там. **Тверди-не-тверди** себе: «любопытство — грех», а против натуры не пойдешь. Борется Варвара с грехом, повторяя Иисусову молитву, а уши, как локаторы, ловят каждое слово из разговоров в храме.

За спиной Варвары шло тем временем живейшее обсуждение.

— Вчера на вечерне такая благодать была — слов нет! — говорит одна прихожанка и от избытка чувств закатывает глаза к потолку.

— Когда отец Павел служит, всегда такое испытываешь, — поддакивает другая.

— А вот когда отец Георгий служит, пустота какая-то. Как мёртвая домой ползёшь, — жалуется третья.

— Нет, это вы зря на отца Георгия наговариваете, — вмешивается дама с хорошо поставленным голосом, видимо учительница или бывший партработник. — Я от его служб наполненная благодатью выхожу.

Все. Это было последней каплей. Природное желание всюду совать свой нос взяло вверх над насильно прививаемым смирением, и Варвара нарушила эту идиллию:

— Объясните подробнее, что в вашем понимании «благодатная служба»? Я, например, ничего не чувствую.

У обсуждавших на лицах — весь спектр эмоций: удивление, недоумение, подозрительность и желание отойти от греха подальше.

— Как? Ты не чувствуешь благодати?

— Не чувствую, — подтвердила Варвара, получив тут же ворох объяснений.

— Благодатная служба — это когда ты в хорошем настроении выходишь из церкви.

— И усталости не чувствуешь!

— Благодать, например, есть у отца Филарета. Он идет, и от него как теплый шар отходит.

Варваре эти объяснения про «теплый шар» ясности не прибавили. Наоборот, только смущение усилилось, тем более что со знатоками благодати ей приходилось сталкиваться и раньше.

* * *

Однажды случилось вот что. Звонит Варваре подруга Катя (было время, когда Катя за ней, как теленок на веревочке, в церковь пришла, правда ненадолго). Позвонила и оглоушила новостью:

— У меня дом сгорел!

— Шутки шутишь?

— Да нет, — прозвучал в трубке убитый голос. — Керосинку зажженную заправляла. Она возьми и полыхни до потолка. Еле выскочить успели, в чем были. — Тяжелый вздох. — Ты же знаешь мое цыганское счастье. Чтоб на святую Нину у человека дом сгорел?!

Цыганское счастье было налицо. Месяц назад Катя, выкладываясь из последних сил, отремонтировала свою хибару — самострой у мусорной свалки. Земляной пол застелила досками, стены отштукатурила, а крышу новой жестью обили соседские ребята «из уважения». И на тебе — вместо дома куча углей.

— Где ты сейчас?

— У девочек с нашей улицы. Они тут же примчались и забрали к себе меня, мать и Бэлу. Шмотки дали — у кого что нашлось.

— Молодцы девчонки! Как они там?

Трубка невесело хмыкает.

— Да без изменений. Работы-то нет. Не всем же, как тебе, в уборщицы идти. Скажи там нашим в церкви, что у меня беда. — Катя поспешила закруглиться. — Ладно, пока. С чужого телефона звоню, а тут другим надо звонить.

Сестры во Христе, узнав про Катину беду, естественно, ужаснулись, поохали и вскоре успокоились. На все, дескать, воля Божия.

Через месяц Катя появилась в церкви — и прямиком к одной из наших прихожанок с просьбой:

— Пустите нас к себе на один месяц. У вас ведь все равно квартира закрытая стоит. Вы не бойтесь, мы ничего не испортим. Я ручаюсь. Потом через месяц мы снова к моим подругам перейдем. У них сейчас временные проблемы.

Просьба застала женщину врасплох.

— Ты не обижайся, — последовал ответ. — Не могу я вас пустить. У меня квартира освященная, а твоя мама курит, Бэла вообще не церковный человек. Вся благодать из-за вас отойдет!

Ясное дело, продолжать просить было бессмысленно. Катя извинилась и отошла, но потом с удивлением спросила Варвару:

— Это правда, что благодать из-за нас отойдет?

Нашла, у кого спрашивать! У Варвары и так голова гудит от вопросов: почему «девочки с улицы» пришли на помощь погорельцам, а благодатные люди — нет? «Помоги, Господи, не осуждать никого», — молится Варвара. И опять срывается в осуждение: где же наше церковное братство? Меморандум, что ли, опять написать?..

Благословение

Служба уже закончилась. Несколько человек в очереди, каждый со своим делом, ждали у алтаря отца Филарета. Хвост очереди оккупировал скамейки у стены. Варвара скучающе разглядывала прихожан и, по обыкновению, препиралась с Еленой и Элисо:

— Неужели нельзя поехать в этот Ольгинский монастырь без благословения? Только зря время теряем.

Елена, поблескивая очками, строго сказала:

— Нет, никак нельзя. Сколько раз тебе повторять: прежде чем начать какое-то дело, надо взять благословение, а тем более на поездку в монастырь.

Элисо подтверждающе кивала. У нее, в отличие от Варвары, никаких таких сомнений не возникало. Раз надо, значит надо. И точка.

Варвара — новичок в церкви — и раньше наблюдала эти смиренные подходы к священнику со сложенными лодочкой руками. «К чему эта проформа?» — протестовало все в ней. А теперь ради «проформы» надо стоять в очереди, томиться и неведомо сколько батюшку ждать. И все-таки Варвара решила не возникать — уж очень ей хотелось поехать в монастырь. Вон Елена побывала во многих монастырях России и так интересно рассказывала о них. Но до России далеко, как до Луны. А тут под носом, во Мцхета, единственный русский женский монастырь в Грузии — Ольгинский. Просто грех не поехать.

Наконец из алтаря появился отец Филарет, держа крест и Евангелие. К нему навстречу рванулась фигурка в берете, известная всем как «маленькая Нонна в черных очках». Фамилий друг друга никто не знает, вот и описывают по приметам типа «Лида с пером» или «Валя с цветочками». Нонна подхватила священника под руку и зашептала театральным шепотом:

— Ой, батюшка, у меня опять смертельное искушение. Благословите в дом котеночка взять. Я женщина одинокая. Мне общение как воздух нужно! Все же тварь живая. Мяукать будет.

— Возьми.

— Значит, благословляете мне котеночка, батюшка? В утешение?

— Возьми, возьми, — заторопился отец Филарет, увидев, как прихожане красноречиво поглядывают на часы

— А если котенок у меня святую воду выпьет? — не унималась Нонна. — Вот грех какой страшный будет!

— Тогда не бери.

— Но если я его не возьму, жестокосердие с моей стороны выходит. Котеночек-то уличный, кушать хочет. Все ж тварь Божия.

— Тогда возьми.

— Взять-то недолго, — тянула свое Нонна. — Я же, знаете, все по благословению делаю, с духовным рассуждением. А вдруг котенок в доме пакостить начнет? Или, не дай Бог, святое Евангелие порвет? Меня аж в жар бросает от одной мысли!

— Тогда не бери, — терпеливо отвечал ей батюшка.

В очереди уже изнемогают — когда же конец? А Нонна еще двадцать минут выясняла участь «бедной животинки», пока не отбыла домой. Радостно вздохнув, Елена кинулась с поклоном к отцу Филарету:

— Благословите нас в Ольгинский монастырь съездить.

— Бог благословит! — ответил отец Филарет и, взглянув на набычившуюся Варвару, добавил: — И ее с собой возьмите. Полезно будет.

Елена поблагодарила и повела сестер к выходу, а Варвара скептически бубнила ей в спину:

— Ну и что? Какой толк от этого благословения — мне что, от него ума прибавится или денег?

Елена весело взглянула на непутевую сестру и засмеялась счастливым смехом:

— Почему ты как Фома неверующий? Раз батюшка благословил, значит поедem. В общем так, встречаемся в воскресенье в семь утра на Боржомском вокзале.

— У меня денег на дорогу нет, — буркнула Варвара и отвернулась.

— Ах, какая ерунда! — отмахнулась Елена и заверила: — Господь подаст. Потом наскоро поцеловала сестер и побежала к метро.

Вечер пятницы пролетел быстро. У Варвары еще была надежда — может, кто из старых клиентов позовет ее на уборку в субботу (другого заработка не

было). Увы, телефон молчал. Прошла половина субботы, и Варвара с горечью заключила: все глухо, как в танке. Туфта это все — благословение.

В ответ на ее мысли тренькнул телефон.

— Вы можете прийти ко мне помыть окна после ремонта прямо сейчас?
— прозвучал в трубке незнакомый женский голос и начал диктовать адрес.

Через полчаса она уже мыла окна, разглядывая квартиру, куда попала. Шкаф, набитый медицинской литературой, говорил сам за себя. Рядом полка с духовными книгами: тисненные издания «Добротолюбия», Феофана Затворника. Над полкой несколько икон. Разговорившись с клиенткой, выяснила: Этери — потомственный врач, лет десять ходит в соседний с Иоанно-Богословской церковью Лурджи Монастыри⁷

На прощанье Этери вынесла Варваре обговорённые «оконные» деньги и добавила ещё от себя со словами:

— Возьмите, вам они больше пригодятся, чем мне.

Потом достала деревянный крестик:

— Мне несколько штук с Афона привезли. Вот, последний остался. Возьмите в честь нашего знакомства. Мы же сёстры во Христе.

На другой день Варвара, обнимая рюкзак, тряслась в электричке в обществе Елены и Элисо. За окном уходили в небо величественные голубые горы. И только тут запоздало она догадалась: «лишние» деньги Этери — это точная цена билета туда и обратно, и Бог воистину благословил её в путь. Нет, благословение священника — это серьёзное дело.

* * *

Вот так и живёт Варвара, набивая синяки и шишки и постепенно обретая духовный опыт. Самое главное, у неё есть общинка близких ей людей, где,

⁷ Грузинская церковь св. Андрея Первозванного.

бывает, спорят и ссорятся, а только связаны они незримой нитью — любовью, дарованной нам во Христе.

Часть вторая. В поисках прозорливцев

Просто священник

– Короче, так, – уже будучи на взводе, сказала Варвара Елене. – Мне нужен прозорливый священник. Я должна точно знать, что меня ждет.

– Отец Филарет тебя уже не устраивает? – у Елены слегка задрожал голос.

– Он не отвечает на прямо поставленный вопрос.

– Значит, бесполезное спрашиваешь. Я же тебе объясняла: надо помолиться и так подходить к батюшке, чтоб Господь через него открыл Свою волю.

– Ну, не получается у меня.

– Надо верить – и все получится.

Спорили они так минут десять. В итоге Елена сдалась и предложила:

– Тогда тебе к отцу Павлу.

Варвара смерила ее красноречиво-уничижительным взглядом. Ей про дело толкуют, а она кого предлагает...

Отец Павел вполне бы сгодился как натурщик для плакатов «Окна РОСТА». Маяковский именно так изображал служителей культа: тучный, необъятный, медленно и важно ходит... Еще и транспортное средство имеет – «жигуль» с проржавевшими колесами.

И слухи о нем, «словно мухи по углам», соответствующие: интрижки... сон в алтаре... охота за панихидной едой... анекдоты...

– Он роскошь любит, – говорила как-то Варваре одна прихожанка. – И вот это вот, – зашелестела тремя пальцами, изображая дензнаки. – И с настоятелем у него контры!

Несмотря на это, Варвара рискнула исповедаться у раскритикованного в пух и прах священника.

Вышла пораженная. Поняла: отец Павел, который на скамейке сидит и певчей анекдот рассказывает, – это одно, а тот, который на исповеди, – совсем другое. А добил он Варвару окончательно тем, что, когда давал крест целовать, попросил:

– Прости меня, грешного!

Да таким тоном, что артистизм начисто исключался.

Вскоре как раз еще случай вышел. У Варвариной подруги Иветы сложная ситуация возникла. Ее отец, живущий в Тбилиси, стал давить на психику: возьми да возьми его к себе в Минск. «Я один, за мной уход нужен. Вот я повешусь от безысходности – и не будет у тебя в жизни счастья».

Ивета, конечно, в панике. А Варвара тут со встречной идеей:

– Давай к отцу Павлу сходим посоветоваться.

Сходили. Разговор не занял и пятнадцати минут.

– Вот, батюшка, – начала Варвара пересказывать горестную повесть подруги. – Ее отец, который давно в разводе, на старости лет...

– ...вспомнил, что у него есть где-то дочь? Так?

– Ну, в принципе, он и не забывал о ее существовании. Алименты платил. Зачем плохо говорить?

– Алименты алиментами, а основное мать делала. Так?

– Так. Теперь он болеет и...

– ...просит, чтоб она взяла его к себе? Точно?

– Точно! – восхитилась Варвара. – А Ивета не может, так как замужем в Минске, и мать с ней, и...

– ...все вместе не поместятся, и мать не будет в восторге.

Отец Павел скользнул взглядом по Ивете, молча стоящей рядом.

– Батюшка, отец даже говорит: не возьмешь к себе, повешусь.

– Так вот. Ехать ему смысла нет. Во-первых, возникнут проблемы с гражданством. Если его квартиру здесь продать, то там все равно равноценное не купит. Деньги уйдут меж пальцев как вода. Плюс климат другой. На новом месте быстрее умрет. – И перечислил как по писанному разницу в ценах на квартиры в Тбилиси и в Минске, будто к этой встрече заранее готовился. В конце резюмировал: – Здесь ему Господь кого-нибудь в помощь пошлет. Квартира, говоришь, трехкомнатная? Все уладится. А насчет самоубийства – пустословие это. Кто вешается, тот заранее не объявляет. Идите с Богом!

Ивета вышла потрясенная:

– Вот это священник! Жалко, что скоро уезжаю. А то я бы только к нему ходила!

Для истории надо отметить, что слова отца Павла исполнились в точности. Умер отец Иветы, досмотренный другим человеком, в своей квартире, не испытав потрясений на новом месте.

Еще случай подвернулся. Позвонила подруга и прерывающимся голосом еле выговорила:

– Я тебе из больницы звоню. У мамы ботулизм. Баклажанами отравилась, врачи не уверены, что выживет. Под капельницей лежит, не видит, не слышит. Сегодня написала вслепую: «Молебен закажите». Ты займись этим делом. Мне от мамы не отойти...

Отслужил отец Павел заказанный Варварой молебен и очень уверенно заявил:

– Она встанет. Все будет хорошо!

На следующий день после молебна больная встала.

Привела как-то Варвара к батюшке очередную страждущую подругу с семилетним сыном. Кошмарные сны мать замучили. Сумятица какая-то про церковь и сына. И хотя обычно на сновидения отец Павел плохо реагировал, а тут отнесся серьезно:

– Ничего тут страшного нет. Просто сын твой слуга Божий будет.

Забылась бы и эта мелочь, как вдруг тот самый мальчик через десять пошел учиться в семинарию.

Варвара еще не раз притаскивала своих подруг на «консультации», и все уходили очень довольные. Жизненные рецепты и никаких нравоучений. Словом, даже у нецерковных подружек реакция была одинаковая:

– Наш человек!

– Как это у него так получается? – допытывалась Варвара у Елены. – Он ведь просто священник, а не старец прозорливый.

– На нем благодать священства, – тихо отвечала Елена. – Потому и берегись осуждать любого священника. Я тебе про свое расскажу. Пришла я к нему как-то на исповедь. А он мне: «Почему ты за меня не молишься? Мне ведь так нужны ваши молитвы!» Я и правда не поминала его, а ведь батюшка очень больной. Одно время по немощи даже сокращал службы. Многим это не нравилось. Потом как-то исправился, но ведь служил из последних сил. Кто не знает, думает: «Вон живот какой наел!» А он диабетик, в легких вода скапливается, да и принимает все близко к сердцу.

Помню, привела крестить сына моей сотрудницы по НИИ. У ребенка было редкое кожное заболевание, он все тело расчесал в кровь. Отец Павел крестил и плакал. Мальчик после крещения исцелился, а отец Павел, говорят, слег. Вот так-то. Благодать Божия, говорят, и через недостойных священников

изливается. Хотя это не нам решать, кто достоин, а кто нет. Мы, как в оптической физике говорится, очень малый спектр цветов видим...

Со временем у Варвары собралась целая коллекция подарков от отца Павла. Причем происходило это примерно так.

Идет Варвара по церковному двору, а в голове – очередная каша из помыслов и всякой ненужной дряни. Подзывает ее батюшка со своей скамейки и подает иконку:

– На, держи, благословляю!

– Да не надо, – смущается духом противления «по жизни гонимая». – Это ж дорогая икона. Может, кому нужнее.

– Бери, говорю, тебе она точно нужна. – И подаёт ей образок преподобной Марии Египетской, помогающей в духовной брани против блудных помыслов.

Совпадение или батюшка почувствовал смятение Варвары? Вот и мучает Варвару любопытство: как бы побольше узнать о батюшке? Вскоре случай представился. Поехала она с отцом Павлом на его дребезжащем «жигуленке» за гуманитаркой. Нельзя же упускать возможность расспросить батюшку или, как сформулировала для себя Варвара, взять у него интервью.

– Расскажите, пожалуйста, как ваша семья оказалась в Грузии? – спросила она тоном заправского журналиста.

Отец Павел ответил, будто только того и ждал:

– Мой отец был кадровым военным, и его вместе с семьей переводили с места на место... Ахалкалаки, Батуми, где я родился, Тбилиси. В начале войны отца призвали на фронт. Он ушел, успокаивая мать и жену: «Война долго не продлится. Максимум два-три месяца». И погиб, защищая Северный Кавказ.

– А как вы стали священником?

– Наверное, в этом был Промысл Божий. В 1950 году зашел я как-то после школы в церковь святого Александра Невского. Меня кто-то очень сильно обидел. Я стоял у иконы Матери Божией и плакал, – рассказывал отец Павел, оглядываясь на обгонявшие их «жигуленок» машины. – Тогда там служил архимандрит Зиновий, впоследствии ставший митрополитом. Он подошел ко мне и стал расспрашивать... Узнал, что мой отец погиб на фронте, мать сутками работает в больнице. Стал утешать меня по-отечески. Потом поговорил с моей матерью и предложил мне служить в церкви, быть его келейником. И у меня появилось желание поступить в семинарию. Отец Зиновий был против и советовал мне идти в университет. Время тогда было беспокойное, и путь священника был чаще трагическим. У меня и так многие товарищи прошли через тюрьмы, у многих была исковеркана жизнь. И все-таки после десятилетки я поступил в Ставропольскую семинарию. Потом, когда ее закрыли, меня перевели в Одессу. Началась хрущевская оттепель, а с ней новые гонения на верующих.

С четвертого курса меня забрали в военный стройотряд – валить лес на Крайнем Севере. Когда вернулся оттуда, мама меня не узнала. Похудел на сорок килограммов, хотя раньше был пончиком.

Устроился я работать на инструментальный завод в Сабуртало. После лесоповала работа там мне казалась игрушкой. На заводе было правило: если выполняешь план на сто процентов, то тебе полагается двадцать пять процентов премии. Так я им выдал семьсот процентов и тем самым остановил работу на заводе. Премии такого размера мне, конечно, отказались выдать. Я тогда стал говорить рабочим: «Вас обманывают!» Вскоре явились ко мне люди из органов. В общем, пришлось уйти с завода...

Варвара покосилась на «непролетарские» ухоженные руки батюшки, уверенно державшие руль. Лесоповал, инструментальный завод. Кто бы мог подумать?

– В 1973 году патриарх Давид рукоположил меня в священники. До 1985 года я служил в церкви святого Александра Невского...

Говорят, там какой-то конфликт был, припомнила Варвара, но не стала углубляться. Конфликты есть везде.

– Потом меня перевели сюда, в церковь Иоанна Богослова. Жена у меня – регент в церкви Александра Невского. Ты, наверное, о детях хочешь спросить? Старшая дочь – регент церкви в Вологде, младшая – регент церкви в Нью-Йорке.

Ну да, все сходится, думала Варвара, вспомянув очередного обвинителя: дескать, в Америку раз в год как к себе домой ездит, а там на каждом углу масоны и сатанисты. Недоброжелателей у отца Павла хватало.

– Отец Павел, – придумала она следующий вопрос, – а каковы, на ваш взгляд, особенности грузинской религиозности и общины в целом?

– Думаю, что это выражается в особой сплоченности прихожан вокруг своего духовника. Понятие «мревли» – «приход» – не проформа, а особенно близкие отношения прихожан друг с другом и с духовником.

– Какие черты грузинского характера играют значимую роль в приверженности ко Христу? – спросила Варвара и сама поразилась: как это она такое умное выдала?

– Я бы назвал горячность веры. Если уж верят, то всей душой. Видишь иной раз, как тот или иной человек припадает к иконе, отойти не хочет. И это не показное благочестие, а характер народа. Люди-то все горячие, любвеобильные.

Между тем Варваре очень хотелось «расколоть» батюшку хотя бы на примере смутившей всех истории с «пришельцами». А история была такая.

В Богословскую церковь неожиданно-негаданно явился отец Арчил со своей огромной паствой, слаженным мужским хором и «своими» клиросными в придачу. Точнее, не сам по себе явился, а его сюда перевели. Прибытие «пришельцев» не вызвало духовного подъема у клира. Даже совсем наоборот.

У отца Павла был просто убитый вид. Иные нашли этому простое объяснение: всё дело в деньгах. За требы и так платят по принципу «сколько дашь». Тарифов определенных нет. Да и много ли могут заплатить люди, если большинство прихожан безработные? Варвара по неумности своей даже полезла утешать отца Павла:

– Да вы не переживайте, батюшка. Если вас сократят или еще чего, мы к вам на дом будем ходить и заказывать требы.

Но священник только отмахнулся с досадой.

У «русскоязычных овец» была своя головная боль. Они возмущенно поглядывали на «пришельцев». Те хоть и ловили на себе косые взгляды, но вымуштрованно хранили молчание, уткнувшись в молитвословы. Причем стояли они четко по гендерному признаку: мужчины по одну сторону, женщины по другую. По окончании службы так же организованно, без толкотни подходили к кресту. «Дисциплина, как в армии!» – восхитилась Варвара.

Еле отстояв длиннющую, как показалось многим, службу, «свои» стали яростно обсуждать «стихийное бедствие»:

– Все, захватят теперь нашу церковь, и служба на грузинском будет идти!

– А я не понимаю-ю-ю!

– Мы не обязаны!..

– Надо патриарху жаловаться...

– В Москве и Питере есть грузинские церкви, и никто к ним не лезет!

Тут еще Варвара подлила масла в огонь:

– Зря пыхтите! Лучше учите «Мамао чвено»⁸! Не растаете. Может, их Господь специально сюда привел – с них пример брать! Они вон какие сплоченные. А вы ходите годами и здороваться друг с другом не умеете!

Читатель может легко себе представить, какие обвинения обрушились тогда на Варвару за ее инакомыслие.

«Свой состав» потом долго бурлил. Собирали какие-то подписи, ходили к патриарху с жалобой, и была большая волокита. В итоге в Тбилиси был направлен отец Роман Лукин служить на русском для «особо невосприимчивых к языкам».

Словом, навели «смирненные овечки» шорох на всю Евразию.

– Каковы типичные искушения для священника в повседневной жизни? – задала Варвара вопрос с подвохом, полагая, что батюшку крайне огорчают нелестные слухи о нем.

– Самое сильное искушение – это исповедь. Столько всего приходится слышать и пропускать через себя, что после исповеди ходишь как пьяный. Хорошо, если придет на исповедь человек духовно подготовленный. А если нет? Бывает, подходит к аналою женщина, мнетя, мучается, а сказать не может. Много есть такого, о чем, как сказал апостол Павел, «срамно и глаголати». Мучаюсь и я. Тянешь из нее клещами по слову, а враг внушает исповеднице ложный стыд. И уходит она, бедняга, из церкви удрученной, и у меня на душе тяжесть. И наоборот, как легко бывает на сердце, когда человек, преодолевая себя, вырвет из себя то, что его гнетет.

– А какое у вас самое любимое место в Евангелии?

– Конечно, слова Спасителя: *да любите друг друга* (Ин 13,34).

А это и Варварино любимое место.

Вдруг батюшка строго взглянул на Варвару:

⁸ «Отче наш...» (груз.)

– Ах, да, ты, кажется, хотела спросить про раскол, когда письма писали и обвиняли друг друга? Так вот, нет ничего тяжелее, чем раскол.

Отец Павел перешел в вечность в 2010 году. У всех, кто его знал, было одинаковое чувство: какого батюшку мы потеряли!

Время от времени прихожане вспоминают отца Павла, каждый по-своему. Что ж, сколько людей, столько и мнений.

Георгий:

– Отец Павел шутил про себя: «А ну, расступись, море! Щепка плывет!..» Он дочку мою крестил. Все время шутил со мной. Устав церковный хорошо знал...

Тамара:

– После рождения дочери у меня началось воспаление костного мозга, были невыносимые боли. Умирала, но Господь чудом вернул с того света. После болезни заново училась ходить. Я очень обрадовалась, когда узнала, что беременна, потому что хотела, чтобы у старшей дочери был в жизни родной человек. Но мне сказали в консультации, что ребенок родится уродом с раком мозга. Я зашла в ближайшую церковь и горько плакала. Подошел ко мне отец Павел и узнав, в чем дело, сказал: «Постоянно читай “Богородицу”, хоть тысячу раз в день». И у меня родился здоровый мальчик. Однажды на исповеди отец Павел мне руки поцеловал, сказал: «За все твои страдания». Может, кто и не поймет такое. Просто он был очень чутким духовником. Всем сердцем сострадал мне тогда. Всегда его поминаю.

Лена, певчая:

– Батюшка с чувством юмора был. Я ему говорю как-то: «Вас женщина ждет!» В смысле, насчет панихиды. А он мне: «Я уже женат». С ним всякое

было... – И понизила голос до шепота: – Его как-то другой священник душить стал, а потом на коленях у отца Павла прощения просил.

Надежда:

– Помните, как отец Павел выходил во время службы и в полный голос начинал не читать, а именно петь «Верую», заставляя нас всех подхватывать. Какое было незабываемое чувство! Благодатный был батюшка. Многие смущались о нем: слишком легкие епитимьи дает. А в этом была своя мудрость. Сейчас время такое: даже малого иногда понести не можем.

Встретила Варвара как-то на улице одну знакомую.

– Что-то вас давно не видно?

– Отец Павел умер. Я только из-за него и ходила. Он в свое время мне помог семью сохранить. Меня мой муж буквально из дома выкидывал. Молитвами отца Павла все управилось. Где такого второго найти?

Варвара ее поняла. Как не понять? Ей самой «просто священник» предсказал сына, и она назвала его в честь батюшки Павлом. Потому и кажется ей иногда: вот-вот откроется боковая дверь в алтаре и выйдет оттуда необъятный отец Павел к очереди исповедающихся. Причем все ждущие знают: да, он не святой, со своими слабостями. Но это и к лучшему. Ему легче немощных людей понять, а им – исповедоваться.

Что ж до слухов разных, то это дело житейское. Чем человек интересней и ярче, тем их больше. Так что – пусть говорят!

Про отца Вячеслава

Восьмого ноября 1994 года был ливень со снегом. Большинству тбилисцев этот день запомнился еще и тихой паникой – ночью отключили газ. Наступал долгий ледниковый период. Тогда только об этом все и говорили.

Для Елены этот день остался в памяти еще одним грустным событием. Ночью парализовало ее мать. Так началось для Елены ее многолетнее вынужденное «сидение» на безлюдной горе, без света и воды, с больными родителями и козами как основой натурального хозяйства.

– Только ты сможешь привести священника и врача, – говорила измученная бессонной ночью Елена приунывшей Варваре. – Кроме тебя, никто не знает дороги на эту верхотуру. Вот, держи записку для отца Игоря. Я буду молиться, чтоб у тебя все получилось...

Когда к машине врача вышел отец Вячеслав в рясе, с крестом и служебником, это было полной неожиданностью для Варвары, поскольку с просьбой о совершении таинства она обратилась к более молодому священнику. Потом, правда, выяснилась причина такой замены. «Когда речь зашла о том, кому ехать, один стал ссылаться на недомогание, другой на головную боль, а я оказался самый здоровый», – улыбаясь, объяснил отец Вячеслав на обратном пути («самому здоровому» тогда было не менее шестидесяти пяти лет, и под внешним спокойствием он успешно скрывал мучившие его сердечные и желудочные боли).

Начался дождь. Выехав из города, машина затормозила перед грунтовой дорогой – грязевым месивом из глины и камней.

– Дальше ехать – машину ломать, – логично заключил врач и остался в кабине.

Отец Вячеслав не стал спорить и пошел вперед под дождем, прижимая одной рукой к груди крест со служебником, а другой – придерживая края рясы. Только спросил у Варвары:

– Далеко ли идти?

– Отсюда третья гора. Вон ее вершина в тумане, – замаявшись, ответила Варвара.

Конечно, ей-то хорошо: у нее и сапоги, и плащ-палатка есть. Ливень ей не страшен. А этому человеку каково?

Отец Вячеслав от Варвариного дождевика отказался и пошел по дороге, утопая по колено в грязи.

Каково это – шагать полтора часа рядом и смотреть, как у человека, идущего вместе с тобой, легкие туфли вязнут в глинистой жиже, а ряса медленно темнеет, впитывая в себя дождевые струи?

– Может, я сбегая туда и назад, вам сапоги и ватник принесу? – порывисто спросила Варвара.

Отец Вячеслав отмахнулся.:

– Не надо никуда бегать. Идем, если не устала.

Через час, даже не передохнув от резкого подъема, он уже читал молитву перед причастием. Затем, отмахнувшись от предложенных денег, пошел вниз. Пока ехали назад, отец Вячеслав всю дорогу поучительно рассказывал Варваре и врачу-водителю о мудрости царя Соломона, о верности молитвенному правилу. (Сам он, не будучи монахом, ни на минуту не расставался с потертыми четками.)

...А у парализованной причастницы после приобщения Святых Таин началось постепенное восстановление речи и двигательных функций.

Через год отец Вячеслав снова поднялся к Елене на гору причастить болящую. Погода в этот день была солнечная, торопиться было некуда. Отец Вячеслав задержался ненадолго и рассказал такую историю:

– Я был тогда чтецом и работал на 31-ом заводе радиосборщиком. Стали меня на работе слегка прижимать из-за пропусков во время церковных праздников. Тогда передо мной возник вопрос: как жить дальше? Остаться на заводе или посвятить себя Церкви?

И как бы в ответ на это настоятель предложил рукоположить меня в священники. Я колебался. Был у меня в то время друг, которого я считал очень близким и вел с ним разговоры на духовные темы. Как-то он поделился со мной тем, что тайно был посвящен в дьяконы.

Потом позвали меня к Патриарху Ефрему, чтобы решить вопрос о моем священстве. Я стал предлагать вместо себя моего друга, как более достойного. Патриарх ответил: «Пока я жив, на него рук не возложу». Сначала мне была непонятна причина отказа, а потом все выяснилось.

Спустя какое-то время вызывают меня на заводе в партком и показывают донос, в котором написано, будто я рассказывал о военных тайнах завода. А за всем этим подпись... моего друга-дьякона.

Что со мной стало, я и описать не могу. Был бы кто другой, мне бы не было так больно.

Парторг и говорит мне:

– Тебе за это светит пять лет, но мы не дадим делу ход. Ведь ты у нас столько лет отлично работаешь. Ты лучше подумай, сто́ит от нас уходить или нет...

В общем, по милости Божией, все обошлось. Но дело не в этом. Я чувствовал огромное смущение из-за того, что произошло. В голове не укладывалось это предательство. Как же, думаю, в церковь ходить, когда там такие люди? И решил для себя, что ноги моей там больше не будет. А внутренний голос как-бы говорит: «Сходи сегодня в последний раз, а дальше уж ходить не будешь».

Пришел я в Александро-Невский собор на службу, а там тогда отец Андроник был, известный своей прозорливостью и мудростью. Подошел я к нему, не выдержал и сказал о том, что меня мучило. А он только воздел руки к распятию и воскликнул:

– Прости нас, Господи, ведь ради меня грешного, ради него, – кивнул в мою сторону, – Ты пролил свою Пречистую кровь.

У меня с глаз как будто какая пелена спала. Сразу стало необыкновенно легко. И ни малейшей обиды на моего друга.

Потом, во время вечерни, друг подошел ко мне и говорит: «Ты меня, брат, прости!» И рассказал, что его толкнуло на донос, почему он хотел вместо меня священником стать. «У тебя, – говорит, – в руках специальность, а у меня ничего. Чем мне семью кормить?» Ну простил я его, конечно. Вскоре меня в священники рукоположили, а потом и моего друга тоже.

Все это я потому вам рассказываю, чтобы вас ничто не могло оттолкнуть от Церкви. Что бы ни увидели, не смущайтесь, продолжайте ходить, потому что там благодать, – закончил отец Вячеслав и взглянул на Варвару.

Варвара, не выдержав его взгляда, отвела глаза. Как раз на днях она с пеной у рта твердила Елене, что нет ей смысла ходить в церковь, ведь ничего в ней самой духовно от этого не меняется и в церкви не нашла она того, что искала – сплоченного братства верующих. Елена, как всегда, возражала и цитировала святых отцов.

Потом еще был один случай. Как-то Варвара стояла в очереди исповед^{ающихся}, поджидала священника, чтобы передать записку на сорокоуст. Отец Вячеслав как раз исповедовал. Стоящая у аналая женщина что-то тихо говорила ему. Неожиданно до Варвары долетели слова:

– А еще, батюшка, так устаю, что вечернее правило лежа читаю. Позволяю себе маленький комфорт...

«Мы с Тamarой ходим парой, – усмехнулась Варвара про себя. – Она еще молодец, хоть лежа читает, а я...»

Отец Вячеслав окинул взглядом очередь исповедников, чуть задержался на Варваре (а может, это только показалось себялюбнице) и сказал громко:

– Вы, наверное, в Царство Небесное на такси хотите доехать? А там в ворота постучите и скажете: «Открывай, Господи, я приехала!» Запомните, комфортно спастись невозможно. Понуждайте себя читать правило стоя, ну, в крайнем случае, сидя. Лежа парализованные читают.

И накрыл исповедницу епитрахилью...

Но все-таки Варвара никак от сомнений избавиться не могла. Нерешенных проблем – выше головы. И все они – мирового порядка, никак не меньше. Как-то на горе, после очередного Причастия, когда отец Вячеслав уже снимал поручи, а Елена вышла за молоком, Варвара, улучив момент, подошла к батюшке и выпалила свой риторический вопрос-обличение:

– Отец Вячеслав! Что же творится такое?! Куда катится Церковь?! В ней совсем нет любви, одно разобщение. Надо принимать какие-то срочные меры!

Батюшка нисколько не смутился, только попросил уточнить, какие конкретно у Варвары претензии к Православию в целом.

Та зачастила, нервничая и слегка заикаясь:

– Во-первых, ну, это, как его... нет адресной базы прихожан. Никто никому не нужен. Тут контроль надо ввести, чтобы люди строго сдавали десять процентов от заработка в общую кассу, а из этих денег помогать, кому надо, у кого есть проблемы. Вот у баптистов, например...

В ответ лаконично и емко прозвучало:

– Я не баптист и не протестант, чтобы бегать, составлять какие-то списки, агитировать. Нашей Церковью Сам Господь управляет. Кого надо, Сам и приводит. Вот скажи, – он обратился к вошедшей с пластмассовой бутылкой молока Елене, – разве кто-то специально звал тебя в Церковь, назначал время, приемный день?

Елена покачала головой. Варвара задумалась. Действительно, никто ей пригласительный билет, как на «елку» в детстве, не вручал. Все произошло само

собой, без ознакомительных брошюр, которые так любят впихивать на улице иеговисты.

И отец Вячеслав удовлетворенно поставил точку на ее «правокачаниях»:

– Ты уж поверь мне, я разговаривал с разными людьми, которые во главе стоят. Наша Церковь никуда не катится, а идет куда надо.

Он уже взялся было за ручку двери, но остановился – благословить Елену, подошедшую со сложенными руками, и мягко сказал ей:

– Ты не скорби, что Господь тебя здесь, в этой глуши, запер, что работы невпроворот и что руки свои инженерные ты в крестьянские превратила. Все это необходимо для спасения души. А вместе с тобой и вот она, – он кивнул на Варвару, не подошедшую под благословение, а стоявшую в сторонке, – тоже спасается. И кто знает, от каких грехов себя уберегает...

Потом попрощался и вышел из храма.

Елена со слезами перекрестилась на бумажный образ Спаса Нерукотворного.

– Господи, продли жизнь отцу Вячеславу ради нас, грешных!

Варвара не поняла и спросила:

– Ты о чем? Он же в прекрасной форме, вон, улыбается, прямо светится весь.

– У него рак желудка, – тихо ответила Елена, занятая своими мыслями. – Это все знают.

– Как же он служит?

– Как видишь, никому не отказывает. Каждый шаг ему с трудом дается. Просто виду не показывает. А ты еще полезла к нему со своими бреднями...

12-го мая 1998 года отец Вячеслав принял монашеский постриг с именем Варсонофий.

Варваре посчастливилось видеть отца Варсонофия за неделю до его отхода ко Господу.

– Не могли бы вы рассказать поподробней про вашу жизнь, – робко заикнулась Варвара.

– А что про нее рассказывать? Тридцать лет отдал крестьянскому труду, столько же заводу. Все как у всех.

О священстве и монашестве он, по своему смирению, даже не упомянул.

Прощаясь, отец Варсонофий протянул своей посетительнице иконку Божией Матери «Всецарица» со словами:

– Ты по ночам ходишь. Пусть Мать Божия тебя хранит.

Варвара потом долго недоумевала, откуда батюшка узнал про ее ночные круизы.

7-го июля 1998 года отец Варсонофий (Величко) перешел в вечность.

Теперь Варваре очень хотелось узнать поподробней о жизни отца Вячеслава, но как? Все окружающие знали о нем лишь отрывочно, каждый – только свой эпизод. И вот в 2013 году ей «случайно» передали только что вышедшую книгу Екатерины Елтышевой «Мои воспоминания». И в ней оказалась глава про отца Вячеслава. Хочется привести ее в сокращении:

«...Трудно решался вопрос о его рукоположении, ведь он много лет работал на секретном заводе, но схииерхимандрит Андроник его всячески утешал, правда, не все слова его были понятны: “8, 7, 7, 7...”. О чем речь, стало ясно позже. Отец Вячеслав родился 8 марта 1929 года, рукоположен во священники митрополитом Зиновием 7 июля 1977-го, и 7 июля 1998-го отошел ко Господу... Как-то, когда отец Вячеслав служил в храме святой великомученицы Варвары, к нему насильно привели парня, который хотел покончить жизнь самоубийством. “Оставьте его”, – обратился он к держащим. Потом сказал: “Только перед тем,

как ты уйдешь и сделаешь задуманное, давай вместе положим несколько поклонов, ведь это не трудно тебе, молодому парню. А вы, ребята можете идти, не трогайте его и не мешайте ему сделать задуманное”. Отец Вячеслав взял его за руку и пошел с ним к алтарю. “Давай, вот так же, сколько я – столько и ты, повторяй”, – сказал он, и, благословив его, начал класть земные поклоны. Вскоре все сбились со счета. Парень изнемог и просил батюшку, чтобы тот остановился. Но отец Вячеслав все продолжал делать метания. Парень этот остался в церкви и стал прислуживать в алтаре...

...Однажды отца Вячеслава попросили причастить умирающую женщину в Загесе. Приехал за ним грузин на “запорожце” со знаком, что машина принадлежит инвалиду. Привез его в большой и красивый дом, но внутри было все предельно просто. Отец Вячеслав исповедовал и причастил русскую женщину, которая готовилась предстать перед Господом. По дороге обратно водитель спросил: “Что такое грех?” Батюшка собрался ему ответить, но тот попросил выслушать его историю. В одной из богатых грузинских семей родился мальчик-калека. Врачи хотели его усыпить, говоря, что он не сможет жить. Рядом с этой семьей жила русская женщина с шестью детьми и она, узнав об этом, попросила отдать калеку ей. Так этот мальчик оказался в семье седьмым ребенком. Его родители по крови, чтобы не видеть, как будет жить их сын, отдали свой большой дом его новой матери, а сами уехали в район. Мальчик долгое время ходил на костылях, потом окончил школу и институт, стал педагогом. Однажды он пошел к зубному врачу удалять зуб. Как только ему сделали укол, он увидел себя сидящим в кресле и вокруг него бегающих врачей и сестер, которые повторяли: “Умер, умер...”. “Я им говорю, – рассказывал он, – что я здесь, что я не умер, а они меня не слышат и не видят”. Потом, пролетев в каком-то коридоре, типа широкой трубы, он оказался на необычайно красивой поляне; впереди он увидел ограду с воротами. Врата

немного приоткрылись, из этого проема показалась необычайно красивых очертаний рука, и он услышал голос: “Ему здесь не место, он – грешный”, – и ворота вновь закрылись. В то же мгновение он оказался в подвальном помещении, где лежало его тело. Тот же голос, который он слышал, произнес: “Войди”. И он очнулся в своем теле к ужасу тех, кто там находился. Как показал лабораторный анализ, в ампуле, из которой был набран обезболивающий препарат, оказался сильный яд, после которого наступает мгновенная смерть. “Так почему же меня Господь не впустил во ворота Рая?” – спросил этот парень. Он все рассказал о себе, что живет честно, урожай с сада раздает соседям, не пьет, не курит, досматривает свою приемную мать, так как остальные его братья и сестры разъехались, – так почему же он грешный?

Батюшка спросил его о личной жизни. Тот рассказал, что жениться на подобной ему калеке он отказался и все эти годы тайно встречается у себя дома с одной женщиной. “Вот этот-то грех блуда был одним из главных и закрыл пред тобой дорогу в Рай”, – сказал ему отец Вячеслав. – Господь по Своей милости, за твои добродетели, не дал душе погибнуть и вернул тебя на землю, чтобы ты, покайся, прожил оставшуюся жизнь в благочестии”. Отец Вячеслав посоветовал ему или жить в чистоте одному, или жениться и обвенчаться. Прошло время, этот мужчина похоронил свою мать, отец Вячеслав обвенчал его с женщиной-калекой. Во время венчания этот человек сидел на стуле, так как долго стоять он не мог.

Как-то один мужчина спросил отца Вячеслава: “Зачем мне читать Псалтирь, если я все равно ничего не понимаю?” – “Главное – что бесы понимают то, что ты читаешь, и бегут от тебя и тех, кого ты поминаешь на Псалтири. Вот если тебе врач выпишет рецепт на лекарство, в состав которого входит несколько компонентов, а рецепт написан на латинском языке – ты ведь не понимаешь, что там написано и что оно значит, но знаешь, что это лекарство поможет тебе от

той болезни, на которую ты жаловался врачу. Так и при чтении Псалтири: душа очищается, и ты получаешь облегчение или исцеление от своих душевных недугов”.

...Был случай на 31-ом заводе, где в свое время работал отец Вячеслав. В те годы раздавали на предприятиях участки земли, по 6 соток на семью. Одному из рабочих досталось место рядом с разрушенным храмом святой великомученицы Варвары. Хотя от храма осталась лишь небольшая часть престола, на это место каждый год 17-го декабря на Барбароба приходили люди, чтобы поблагодарить святую Варвару и попросить ее помощи. Так вот этот “хозяйственный” сосед решил присоединить этот участок земли к своему. Его народ предостерегал, что это вызовет гнев Божий, но он все же пригнал трактор, разровнял это место и засадил его клубникой. Клубника удалась необыкновенная, крупная, красивая.

Когда начались испытания нового самолета, была собрана команда испытателей, в которую вошел и этот человек. Перед полетом всем выдали спирта для смелости: никто не знал, как пройдет испытание машины. Все выпили из одной посуды. Самолет поднялся в воздух. И вдруг, на глазах у всей команды, этому человеку стало плохо, у него разверзлась брюшная полость и все внутренности стали выпадать наружу. В течение короткого времени он в тяжелейших муках скончался. Этот случай батюшка Вячеслав рассказывал в назидание, говоря о том, как опасно относиться без страха Божия к святыням. Так как погибший яро доказывал, что Бога нет и все это – просто камни...

Говоря о том, как страшен грех осуждения, отец Вячеслав рассказывал такой случай. Одна старенькая бабушка, придя к нему на исповедь, стала жаловаться, что, будучи девственницей, борима блудной страстью, с которой справиться нет сил. Батюшка спросил ее, не осуждала ли она кого-нибудь за блуд? “А как же, мою соседку, у которой двери не успевают за ухажерами закрываться, осуждала”, – покаялась она. Батюшка посоветовал ей искренне покаяться,

попросить у соседки прощения, усиленно молиться за нее. Через некоторое время старушка появилась снова, благодарила батюшку, что он ей помог избавиться от вражьей напасти...

С отеками, как столбы, ногами он приезжал на службу каждый день на автобусе, который ехал более часа от его дома, машины у него никогда не было. Много месяцев он почти ничего не ел, кроме пыльцы, разведенной в воде. Когда боли мучили его, он вставал у окна, впивался пальцами рук в решетку так, что пальцы синели и, закусив губу, молился. Отказывался принимать морфий. Когда его посетил Патриарх Илья II и спросил, почему он не принимает обезболивающих, отец Вячеслав ответил, что когда к нему приходили люди со своими болями и скорбями, он всегда призывал их к терпению, говоря, что это их крест и нужно терпеть все, что пошлет Бог. Поэтому и он должен терпеть то, что Господь ему послал, не заглушая этих болей и не ослабляя молитвенной бдительности. Единственное, на что он, по послушанию, согласился – это на капельницу с витаминами, которую благословил поставить Патриарх.

После его кончины мне попала фотография, где его гроб стоит в центре храма и от гроба до потолка – огромный луч света, хотя источника света там нет...»

Случай на похоронах

5 мая 1998 года у Елены умерла мать. Именно из-за нее четыре года назад Елене пришлось переселиться на дачу из городской квартиры, осваивать профессию сиделки при инсультнице и при этом постигать премудрости козоводства. И все это на фоне дровяной печки и керосиновой лампы, заправленной соляркой (уж вы поверьте на слово: чаду больше, чем света).

Во время похорон Варвара взяла на себя самое необременительное — роль «помогая», а Элисо предпочла самую ответственную часть — готовить еду для поминок.

Отпевать новопреставленную Раису пришел отец Антоний, известный всем своей строгостью и принципиальностью. Варвара в досталь наслушалась о нем всяких историй и давно для себя решила, что ни за что не пойдет к нему на исповедь. А потому держалась от него как можно дальше.

Присутствующих было человек пятнадцать. В основном все свои, из церкви, и несколько соседей по даче.

Отпевание уже началось, когда в небольшую комнату ввалился двухметровый Гигла — непросыхающий алкоголик и местная достопримечательность в одном лице.

Варвара и раньше не раз сталкивалась с ним по пути на гору. Брезгливо думала каждый раз: «У-у, гоблин!», уворачиваясь от его пьяных объятий и заезженной слезливой пластинки:

— Послушай меня, сестра. Я мерзость, по земле только зря ползаю. Э-э, стой, куда? Послушай, что еще скажу...

Нечто подобное он начинал рассказывать каждому встречному-поперечному, если хоть на минуту удавалось завладеть чьим-то вниманием. Тем более, что Мухианская гора — не проспект Руставели, так просто от пьяных не скроешься. Вот и приходилось выслушивать известный текст по сотому кругу.

И вот сейчас этот Гигла, задев стоящих со свечами и шатаясь, подошел ко гробу и положил на него какой-то чахлый лиловый цветок.

«С чужого огорода, наверное, сорвал», — дедуктировала машинально Варвара, морщась от распространяемого Гиглой амбре.

Все окружающие со страхом глядели на его нетвердые движения вокруг гроба и тоже напряглись в ожидании конфуза. Один лишь отец Антоний, казалось, ничего не замечал, читая главу из Деяний апостольских.

Гигла упал всей тушей на стул и замотал лохматой головой, как агонизирующий динозавр, издавая какие-то горловые звуки.

Но вот отец Антоний начал читать Евангелие. Вдруг Гигла перестал хмыкать, встал и оставался в относительно вертикальном положении до конца чтения Евангелия. Потом вышел вместе со всеми и куда-то исчез. Видно, сбился с курса.

Отец Антоний, закончив обряд, обратился ко всем присутствующим с неожиданным предположением:

— Вы, наверное, осудили сейчас этого человека за его отталкивающий вид и неприятные манеры?

Кто кивнул, а кто просто промолчал.

— А как его зовут?

— Гигла, — вылезла вперед Варвара со своей осведомленностью.

— Вы заметили, — продолжал священник, — он сидел, а потом встал, когда я начал читать Евангелие. Разве его кто-то из вас предупредил?

— Нет, — слышались несмелые ответы.

— Гигла хороший человек, — последовал вывод. — Господь сказал ему в сердце: «Встань!». Ведь Евангелие нужно слушать стоя. И он встал, хотя явно не знал никаких церковных правил. Это ведь не каждому дано — слышать сердцем слова Господа.

Все удивленно переглянулись. Такое никому не пришло в голову.

А Варвара задумалась: может, стоит поближе познакомиться с отцом Антонием? Не такой уж он и страшный. Может, как раз у него-то и нужно ей исповедоваться?

Про архимандрита Филарета

Когда Варвара пришла в церковь в девяносто четвертом году, больше всех ей понравился отец Филарет^[9]. Улыбчивый, добродушный и веселый. Стала приглядываться к нему, стараясь усмотреть что-нибудь сверхъестественное, то

⁹ Архимандрит Филарет (Борис Анисимович Кудинов) родился в 1927 году в селе Перевоз Ржаксинского района Тамбовской области.

самое, о чем все остальные прихожане говорили с придыханием, возводя глаза к потолку.

Одна служба, другая, третья – вроде ничего особенного. Мертвых не воскрешает и больных взмахом руки не исцеляет. Но сразу заметно: стóбит человеку с улицы зайти в церковь, его как магнитом тянет к отцу Филарету. И каждого он выслушивает, не прерывая, и на часы не смотрит, да у него и часов что-то не видно. И вот странность – всех своих знает по имени. А этих «своих», по самым малым подсчетам, набегает довольно приличное число. Да еще и во время молебнов, помимо записок, если случайно взгляд упадет на кого-то из знакомых, тут же начинает перечислять всех его близких. Та же картина во время панихид повторяется. Технические мозги Варвары и этому нашли обыденное объяснение. Память у человека феноменальная, вот и весь фокус.

Ну а какой он в простом общении! На бумаге не передашь, как умилительно отец Филарет поет на грузинском с русским акцентом: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» Или какое у него сияющее выражение лица, когда дает малышам приложиться к кресту, говоря: «Акоце» – «Поцелуй».

Как-то Варвара обратилась к нему с вопросом.

– Отец Филарет, одна моя знакомая очень унывает. Что делать?

– Пусть почаще повторяет «Христос воскрес!» У нас есть великая радость. Мы не имеем права унывать...

О благословениях стоит сказать особо. Отца Филарета после службы осаждает толпа желающих получить благословение. Кому в дорогу, кому ребенка в школу, кому сложную житейскую ситуацию разрешить...

Через какое-то время пришли вслед за Варварой в церковь ее подруги Катя и Дина. Хотя и младше Варвары, но тоже с норовом: «Вот к отцу Филарету на исповедь пойду, а к тому сердитому батюшке – ни в коем случае».

Сначала интерес к нему был потребительский. В первую очередь девушек интересовало, что он скажет насчет замужества. Но на вопросы о будущем отец Филарет не отвечал и сердился, когда ему приписывали особые, сверхъестественные способности:

– Откуда вы такое берете? Одни греховные у меня способности, и больше нет ничего.

Тем не менее через какое-то время отец Филарет уже знал во всех подробностях жизнь Дины и Кати, а Дина в свою очередь наблюдала за батюшкой, рассказывая потом:

– Ой, я что видела! Что видела! Сегодня одна женщина накинулась на отца Филарета и – бах! – ему пощечину залепила.

– А он что?

– Стал утешать ее: «Ничего, – говорит, – со всяким бывает». Так она потом на коленях у отца Филарета прощение просила.

На смену первым восторгам пришли уныние, слезы на исповеди и попытки отца Филарета удержать Дину в церкви:

– Я плакала, рассказывала отцу Филарету, как я устала от этой жизни. Я же с пятнадцати лет на улице! Не знаю, как жить, за что схватиться. Бегаю, косметику перепродаю, чтоб лишние две копейки заработать. А кому оно нужно, это турецкое барахло? Не знаешь, как наврать, чтоб всучить. А дома еще дядя пьяница концерты выдает. Вчера все окна побил. Ветер свистит, как на улице. Где я новые стекла теперь нарисую? А батюшка слушал меня, успокаивал и своей рясой мои слезы вытирал...

– У тебя что - платка не было?

– Посеяла я его где-то.

Несмотря на старания отца Филарета, Дина все же отошла от церкви, сказав с досадой:

– Молюсь, молюсь, а толку? Ничего в моей жизни не меняется. И бабки в церкви какие-то противные, только замечания могут делать...

Долго еще отец Филарет ходил к Дине на рабочее место – в ларек на базаре, где она работала продавщицей ширпотреба.

– Приходит, стучит в форточку, улыбается: «Как ты тут, моя хорошая?» Потом зайдёт, сядет, о матери и о работе расспрашивает. Я ему еще записки с грехами писала, чтобы он потом разрешительную молитву прочел. О, что было, когда отец Филарет приходил! Наши торговки от зависти ахали: вот Дине какая честь – священник сам к ней ходит!

Не обошлось и без искушений. В ларек к Дине стали заглядывать иеговистки и навязывать ей книжки. Она и оставила себе почитать одну книгу потолще, а отец Филарет тут же реквизировал ее. Дина потом Варваре плакалась:

– Я думала, он почитать хочет, ну и дала. А он ее в печке спалил. Стала объяснять, мол, книга-то чужая, и эта иеговистка меня трясет: «Верни!» А отец Филарет отвечает: «Так и передай ей, я эту гадость сжег и очень рад. Знаешь, как хорошо горела!»

Отцу Филарету было в ту пору семьдесят с лишним лет. И как он находил силы ходить на базар к Дине после долгих исповедей и служб?

В церкви говорили, что отец Филарет за веру Христову прошел через пытки и лагеря. Варваре очень хотелось записать его воспоминания о былом, и однажды представился случай. Отец Филарет отдыхал, стоя у калитки, и они разговорились.

– Батюшка, —осмелилась сказать Варвара, — расскажите о себе. Есть ли кто-нибудь, кто знает о Вашей жизни в подробностях?

– Никто не знает. Только Бог.

И полились воспоминания:

– Я когда учился в 7-8 классе, все бегал по деревне, духовные книжки искал. Сказали мне как-то, что в соседней деревне, в трех километрах от нашей, есть верующие, я и побежал туда. В общем, нашел я этого человека, стал просить книжки почитать. А в этой семье жила монашка одна. Ну и стал я туда бегать, а она мне – рассказывать. Потом об этом узнали и в школу сообщили. Милиция приходила выяснять, хожу я к ним или нет. Те, понятное дело, сказали, что не хожу. На обложке одной из книг, которые я читал, был список дополнительной литературы и среди них «Добротолубие» с наставлениями святого Феодора Студита для монашествующих. Очень мне захотелось эту книгу прочитать.

В 1944 году, когда мне было семнадцать лет, меня призвали в армию. Год воевал в зенитных войсках. Потом сверхсрочную служил, потому что фронтовиков домой отпустили, а нас оставили. Война кончилась, и в 1946 году меня перевели в хозвзвод. Сутки работаешь, сутки отдыхаешь. Стал я в церковь потихоньку ходить, когда время было. Никто об этом не знал. Увидел я в церкви одну старушку-монахиню и прямиком к ней.

– Матушка, – говорю, – у вас есть «Добротолубие»?

– Есть, – говорит, – а тебе зачем?

– Почитать хочу.

– А войны не боишься? – спрашивает.

«Какой войны?» – думаю. Я тогда про духовную брань еще ничего не знал.

Прошел год. Эта матушка, убедившись, что я постоянно бываю в церкви, подошла ко мне и сама дала «Добротолубие», четвертый том.

Потом познакомился я с верующими из Тамбова, стал к ним заходить. Потихоньку стал духовные книги покупать на те деньги, что нам, как солдатам, платили. Одалживал и покупал, потом отдавал. «Добротолубие» стоило 70

рублей, а нам в месяц давали 30. Книги, которые покупал, прятал у этих эвакуированных.

А тем временем к нам в хозвзвод прибыл лейтенант, тихий такой, скромный, на других не похожий. Мы сблизились, и я его несколько раз в церковь водил. В 48-м меня внезапно арестовали. Сперва от всех дел отстранили. Я и не понял почему. Потом командир намекнул: «Ты вступи в комсомол, тогда тебе ничего не будет». Я отказался – зачем мне это надо? «Ну, как знаешь», – говорит. А до этого еще вот что было. Книги свои духовные, их уже полмешка набралось, я у себя в помещении спрятал. Но кто-то увидел и донес. Книги отобрали. Вскоре вызвали меня в штаб, и давай обыскивать. Два часа терзали.

– А что делали, били?

– Всякое было. Я под конец не выдержал и говорю: «Что вы меня, как Иисуса Христа евреи, распинаете?» Один подскочил от этих слов и кричит: «Подписывай, что сказал!» – «Ой, – говорю, – давно бы так!» – и подписал, потому что мне хотелось, совсем как в житиях святых, за Христа пострадать.

Потом, конечно, суд, приговор: «За антисоветскую пропаганду, восхваление религиозного культа и клевету на советскую действительность – десять лет ИТЛ и три года поражения в правах». А лейтенант тот, кого я в церковь водил, на суде свидетелем был. Дали мне последнее слово. Я попросил книги мои сохранить, но не вышло. Когда конечное решение объявили, я обрадовался, а чему – и сам не знал.

Потом отправили меня в камеру к уголовникам. Я и не знал, что на свете такие люди живут.

– Какие «такие»?

– Звероподобные. И сперва я даже пайку тюремную не мог есть, когда видел, что они делали.

– Они у вас еду отбирали?

– Они меня не трогали. Просто от того, что я видел, очень плохо мне было. Потом меня в другую камеру перевели, где обыкновенные люди сидели. Успокоился и начал есть.

Вначале очень я скорбел. Как это так, думал, к Богу тянулся и вдруг в тюрьму попал? Очень меня в это время схиигуменья Олимпиада¹⁰ в письмах утешала, как мать сына. «А ты что, в рай хотел с комфортом попасть? Так, чтоб и здесь не упустить, и там не потерять?» – писала она. Еще писала она что-то вроде: «За житие с разбойниками ждет тебя житие с ангелами». Царство ей Небесное. Она сама в свое время в Архангельском крае отбывала тюремный срок в двадцатых годах. Вот и подбадривала. И, наверное, молилась за меня. Мне потом легче стало. Еще писала мне, что все в свое время сбудется. Так и получилось. Все мне Господь даровал, к чему меня тянуло, и монастырь, и семинарию...

...Затем отправили меня этапом в Ижму, Коми АССР, потом в Печоры перевели. Затем в Нарьян-Мар. Это еще севернее. Там тридцать процентов кислорода в воздухе не хватает. Стали на работы с собаками водить... В лагере были разные люди, иногда попадались верующие. Один из них всячески протестовал против работы. Говорил, что нельзя работать на эту власть. Я размышлял над его словами, может он прав и мне надо отказаться от работы. А схиигуменья Олимпиада мне на это ответила так: «Все честные люди трудятся. Это только одна шпана не работает». Только в большие праздники я от работы отказывался.

Вызывает меня начальник.

– Почему, Кудинов, не работаешь?

¹⁰ Схиигуменья Олимпиада, настоятельница Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря в селе Акатово под Москвой. Архимандрит Филарет познакомился с ней в детстве в родном селе на Тамбовщине, где в эвакуации жили некоторые из бывших насельниц монастыря

– Сегодня, – говорю, – Рождество. Не могу работать.

А он мне тихо:

– Мы же тоже христиане.

Видно, у него что-то внутри было. Конечно, за отказ от работы в карцер сажали.

А начальник этот ко мне неплохо относился. Идет как-то с обходом, а я на нарах письмо от матушки Олимпиады перечитываю. Он подошел:

– Что читаешь?

Я ему подал письмо. Он посмотрел молча, вернул мне его и вышел. А как-то на Пасху он мне на мои деньги муки, масла и сахара выписал, и я себе на Пасху блины пек.

Потом в 1953 году Сталин умер, и Маленков сразу в конце марта амнистию ворам объявил. А наша статья осталась. Но намного легче стало. В еду нам мясо стали давать, на работу уже без собак водили. И жили мы уже не в зоне, а около нее. Кто школу не кончил, учителя стали приходить заниматься. И я тоже стал учиться, меня же после 9-го класса в армию взяли.

В 53-м, когда две трети моего срока прошло, меня отпустили.

– Куда поедете? – спрашивают.

Я отвечаю:

– В Загорск.

Они не сообразили, что в Лавру, так и написали в пропуске. Приехал я в Загорск. Иду в тюремном ватнике с самодельным чемоданчиком, милиционер меня останавливает:

– Ты куда? – и в пикет повел.

Стали документы проверять, думали, я убежал. Просмотрели, начальник стал кричать:

– Его за это же посадили, а он опять за старое! Чтоб в двадцать четыре часа уехал отсюда!

В общем, отправили меня в деревню, а там участковый посмотрел документы и говорит:

– Ты где родился?

– В Ленинграде, – отвечаю.

– Ну и езжай туда, – говорит.

– Так я же не имею права жить в больших городах.

– Семьдесят два часа имеешь право там находиться.

Поехал я в Ленинград. Приезжаю к сестре в коммуналку, а она увидела меня, да как закричит: «Брат с тюрьмы приехал!» Все соседи высыпали посмотреть... Пожил я у нее, одежду с ее помощью купил нормальную, чтоб милиция не останавливала, и стал думать, что мне делать дальше.

Через месяц вызывает меня председатель райисполкома и говорит мне, чтоб я ехал жить в деревню, в колхоз. А я колхоза больше тюрьмы боялся. Знаете, почему? В тюрьме я был верующий, и никто меня не трогал. А в колхозе собрания и все такое.

Пошел я к тете посоветоваться, что мне делать дальше. Она подумала и говорит: «Езжай в Семеновку к болящей Марии».

Болящая Мария¹¹ была слепая и лежащая с детства. Родственники от нее отказались и только роптали, что, дескать, живет и не умирает. А она людям помогала. Нет пророка в отечестве своем...

Однажды в соседней деревне кому-то приснился сон: идите, мол, к болящей Марии, и она вам поможет. После этого стали к ней люди ходить за

¹¹ Монахиня Мария (Матвеева, 1904-1969), родилась в селе Семеновское Тамбовской области. Ослепла в пятилетнем возрасте, в возрасте десяти лет у нее случился паралич ног. Матушка Мария посоветовала отцу Филарету ехать в Глинскую пустынь и предрекла, что он будет священником.

советами. Сама она жила в жутких условиях. Рассказывала мне, что в избе такой холод стоял, что святая вода на полке, и та замерзла.

– А кто за ней смотрел все это время?

– Ребятишки сестры.

– А это не блаженная Матрона?

– Нет, это совсем другой человек, хотя и жили в одно время. Так вот, когда о ней люди узнали, стали приезжать, еду привозить и дежурить там. Ну и сестра рада, что так получилось.

В общем, поехал я к ней, а сам волнуюсь, вдруг не примет. Она не всех принимала. Приехали к ней как-то мать с дочкой из Москвы в стужу, а она их не приняла. Не за делом, говорит, приехали. По-человечески их, конечно, жалко, откуда ехали-то. А оказалось, дочку интересовало, выйдет она замуж или нет. Приехал я и встал у дверей: «Здесь, говорю, живет болящая Мария?» А она мне из комнаты отвечает: «Проходи, садись». Велела мне ехать в Глинскую пустынь. Царство ей Небесное. До нее я о Глинской пустыни и не слыхал. А каких я там святых старцев встретил! Тогда во всей России таких не было.

Стал я там жить. Постригал меня мой духовный отец Андроник. Царство ему Небесное. Мудрый был человек. Я ему как-то рассказал, что в детстве меня мальчишки называли Филарет, так как был у нас в деревне один такой набожный человек. Он посмеялся и дал мне это имя при постриге.

А в 61-м приехали ночью два наряда милиции разгонять монастырь. Хватали молодых монахов и на ближайшую станцию отправляли – езжай куда хочешь.

– А почему молодых?

– Много чего от молодых зависит. А стариков не трогали, сами, мол, скоро умрут. А старцы наши это все, конечно, знали заранее.

– Так что же было после разгона пустыни? Как вы попали в Тбилиси? И почему именно сюда?

– Хозяйка этого дома, где я сейчас живу, приезжала к нам в монастырь еще до того и приглашала в гости. А после разгона пустыни отец Андроник, отец Вениамин и я приехали сюда к ней жить. А перед смертью хозяйка написала на меня дарственную на этот домик...

... Жили мы вместе с отцом Андроником. Он перед смертью полтора года лежал парализованный, только знаками показывал, что ему нужно. А уже в предпоследний день открылся ему духовный мир. Видим мы, что он, лежа, кому-то головой кланяется, кого-то благословляет, а на наши попытки заговорить с ним не реагирует. Отец Вениамин побежал за митрополитом Зиновием. Потом отец Андроник говорит: «Я буду умирать», – и стал говорить какие-то слова. Я подошел и говорю: «Я ничего не понимаю». А мне молчать надо было. Может быть, он сказал что-то важное. После этого он замолчал и отвернулся к стене.

Как он умер, я и не видел, хотя рядом был. Он мне еще при жизни говорил, что смерть таких людей – великая тайна. Редко кто видит. Я подошел, а он уже холодный был.

Так и болящая Мария умерла. Женщины, кто к ней приходили, ждали этого момента. А она и говорит одной дежурившей: «Пойди, дескать, посмотри, куры в огород залезли!» Та пошла. Вернулась, а Мария уже отошла.

– Что еще говорил отец Андроник о будущем?

– Говорил, как и блаженная Матрона: «Вздохнете на малое время».

– А разве это время еще не наступило?

– Пока еще нет. Тогда хорошая жизнь будет. Православный царь в России. Россия даст проповедь всему миру. Я тоже спрашивал у него, когда это будет. Он отвечал, что ляжем мы спать при одной власти, а проснемся при другой...

И всё же Варвару смущала общая исповедь. Желаящих попасть к отцу Филарету – толпа. Из них девяносто процентов грузин, недавно пришедших в церковь, а ещё очень много людей, знающих батюшку двадцать-тридцать лет. А отцу Филарету уже восемьдесят шесть лет, и силы, естественно, не те. Он выходит и читает общую исповедь с перечислением грехов. Потом спрашивает: «Все слышали? Признаете себя виновными?» Все вразнобой радостно отвечают: «Слышали, признаем». Потом каждого накрывает епитрахилью, крестит немного трясущейся рукой и шепчет разрешительную молитву. Иди, причащайся!

«Проформа какая-то», – думала Варвара, наблюдая не раз знакомую картину. Подошла к отцу Филарету без особого трепета, у Варвары известный «набор грехов», перечисляемых на общей исповеди. Только об убийствах, грабежах и абортах надо говорить отдельно, но это не по ее части, потому и была Варвара спокойна. Посмотрел на нее отец Филарет и вдруг спрашивает: «Нечистым воззрением на мужчин признаешь себя виновной?» И Варвара вспомнила нечто...

Что тут добавить? Разве вот что: стоит Варваре просто посмотреть на отца Филарета во время службы, как сразу хочется плакать о своих грехах. Наверное, это и есть не показное покаяние.

Часть третья. В поисках справедливости в несправедливом мире

Не смогла оттолкнуть

2014 год. На фейсбучный запрос о дружбе пришел сногсшибательный ответ: «Извините, я с грузинами не дружу. Вы должны публично покаяться в том, что все грузины фашисты и они виноваты в геноциде осетинского народа».

«Н-да, – подумала Варвара, перечитывая по второму кругу от ворот-поворот: – Где Кура, а где мой дом?»

Ни в каких военных действиях двадцатилетней давности она участия не принимала и никого не убивала. И вообще она по жизни категорически против любого национализма. И в частном, и в целом она чистый миротворец, только голубой каски не хватает для полной схожести. А тут такой поклеп.

Хотя, с другой стороны, это, видно, ее задел бумеранг, запущенный давным-давно.

И из глубины памяти всплыли строчки Асадова:

Где-то струсил. Когда – не помню.

Этот случай во мне живет.

А в Японии, на Ниппоне,

В этом случае бьют в живот.

Бьют в себя мечами короткими,

Проявляя покорность судьбе,

Не прощают, что были робкими,

Никому. Даже себе.

Параллельно рифме закрутилось видео для внутреннего пользования.

... 1992 г. Проходная трикотажной фабрики, а проще Трикотажки. Из прядильного цеха выходит кучка людей, подгоняемая окриками толпы рабочих сзади:

— Давайте, убирайтесь отсюда!

—Ах вы, негодяи!

— На нашей земле живете!

И всякое такое нелицеприятное.

Среди изгоняемых — семидесятилетняя бабулька Дуся, которая еще вчера работала с Варварой в бригаде чистильщиков.

Сама Варвара молча наблюдает неприятную сцену, потом спрашивает у особо рьяной гонительницы Сопы — ее бригадира.

— Почему их гонят?

— Потому что они осетины!

— Ну и что?

— Они свои дома здесь, в Нахаловке¹² продают, чтобы осетины в Цхинвали на эти деньги оружие покупали и наших бы убивали! — И толкает Дусю в сутулую спину: — Иди, давай! Шевелись!

Тогда Варвара промолчала. Так и остался с тех пор в душе какой-то неприятный осадок.

И ситуация-то какая идиотская. Если разобраться — где Дуся и где то самое оружие. И причем тут остальные. Но в подобных сценках большинство людей или подчиняются массовому психозу, или стараются не высовываться. Ибо «кто не скачет, тот москаль» (или осетин, армянин, азербайджанец, или еще кто-нибудь неугодный на данном этапе).

¹² Район в Тбилиси.

С чего началась та заваруха, в начале 90-х годов, Варвара не вникала. В подобных конфликтах, которые как будто под копирку писаны, в борьбе «за территориальную целостность» у каждой стороны своя версия, а дальше идет цепная реакция зла, захватывая все новых и новых людей, не имеющих к конфликту никакого отношения.

У конкретной Варвары при слове «осетины» сразу же возникала ассоциация с Ольгой Семеновной — мастером из грузинского сектора и еще двумя-тремя девчонками из группы. Сокурсницы как сокурсницы — ничего особо примечательного. А вот про мастершу стоит сказать отдельно.

Тогда, в начале конфликта, поговаривали, что Ольга Семеновна наотрез отказалась уезжать из Тбилиси, заявив:

— Здесь я родилась, здесь и умру. Это моя родина. Будь что будет.

Каково ей было на работе, где коллеги тогда постоянно муссировали тему «Грузия для грузин», оставалось только догадываться. Неконфликтная по натуре, она, наверное, просто отмалчивалась. Тогда как Светлана Шалвовна, к примеру, не боялась спорить и высказывать свое мнение.

Ух, какие страсти кипели тогда! Чуть какая возможность посидеть, так сразу диспут на тему: "Почему в Грузии все так плохо?" Одни нацменьшинства обвиняли, другие — Гамсахурдия, третьи кляли Шеварднадзе. Любое застолье обычно переходило в жаркий спор до взаимных обид.

Кинопроектор внутренний продолжал и дальше прокручивать кадры.

...1993 г. В гробу посреди небольшой комнаты лежала женщина со спокойным умиротворенным лицом в своем единственном выходном платье.

Сидящие вокруг тихо перешептывались, кивая на нее:

— Как будто улыбается бедная Оля!

Около гроба сидел смуглый черноволосый мальчик лет шестнадцати и, обхватив руками голову, с надрывом оплакивал ее по-грузински:

— Мама, мамочка, почему ты меня оставила?

В этом возрасте мужчина должен стоя принимать соболезнования, не выказывая своих чувств. А Шалва плакал и не стеснялся ни своих слез, ни подруг матери.

Женщины то и дело всхлипывали:

— Бедная Оля, как рано ты ушла! Пятьдесят три года — не возраст. Жить бы, да жить!

Варваре вспомнился разговор год назад в учительской. Бывшие ученицы часто заходили в ПТУ поболтать на равных с учителями и мастерами. Что их всех туда влекло?

Сейчас уже и не вспомнишь, почему вдруг Ольгу Семеновну потянуло на откровения с Варварой.

— Я знаю, я скоро умру,- сказала она, задумчиво глядя перед собой. — Слушать это от цветущей женщины было странновато. — Да, да, — повторила она, перекрывая Варварины возражения, — это так, я сон видела года два назад. Будто кто-то прилетел с неба и сделал мне на пальце насильно три надреза. Сперва думала: три дня или три месяца. Но прошло и то, и это. Теперь я понимаю, это значило три года. И вот еще что. Я просила Бога, чтобы дал мне время моего Шалву хоть как-то поставить, на ноги. Сейчас я вижу, что он действительно изменился. Значит, время мое близко. — И она замолкла.

Все в ПТУ знали, что Шалва приемный. Все, кроме него самого. Шалва, заводной, неуравновешенный мальчишка, был ходячей болью этой тихой, незаметной женщины.

— Какой он был трудный ребенок, — сказала она, качая головой и, прикрыв глаза, вспоминая. — Какой трудный! И вообще я хотела девочку. С девочкой легче. Когда мы с мужем поняли, что детей у нас не будет (я поздно вышла замуж), стали ездить по детским домам, присматривать ребенка. Я хотела светлую, голубоглазую девочку, чтоб на нас была похожа. Приехали в один детский дом в Азербайджане, показывают нам детей. Смотрим, нет и нет того, кого мы ищем. Собрались уже уходить. И вдруг ко мне сзади подбежал трехлетний мальчик, черный, как таракан, обхватил меня за ноги и сказал: "Мама". Я заплакала и не смогла его оттолкнуть. Взяли его. Видно, Бог так захотел, — вздохнула она. — Привезли его домой. Тут выяснилось, что он совершенно неуправляемый. Что он вытворял! Ни слова, ни уговоры — ничего не действовало. Я думала, что я не умею воспитывать. Даже поседела раньше времени... Сейчас вспоминаю и удивляюсь, как я это все выдержала... В школе учился очень плохо. Рассеянный, невнимательный, не мог сидеть на одном месте... Что это было! Я все молилась, чтобы он как-нибудь образумился... Хоть и молитв толком не знаю, так, свечки иногда зажигала в церкви. Постепенно стал он меняться. Тише стал. Закончил восемь классов. Перевела его в училище, чтобы какую-нибудь специальность приобрел. Меня ведь скоро не станет, — она снова замолкла, уходя в свои мысли.

Варвара тем временем снова увидела себя в тесной комнате. Мерцает у гроба лампада, горящая в банке из-под майонеза. Шалва, не умолкая, разговаривает с мамой:

— Мама, милая, никто мне тебя не заменит.

Тут же сидит педсостав и женщины, вытирая платками глаза, переговариваются вполголоса:

— Только-только ведь Шалва повзрослел, серьезным стал. Сердце Олино взял, характером на нее похож. Бедная даже и порадоваться толком не успела...

Рядом у дверей молча стоит ее муж, смотрит невидяще перед собой. Ходили слухи, что он во многом был виноват перед ней.

Параллельно вспоминается тот разговор в учительской.

— С отцом он не ладит, — вздыхает Ольга Семеновна. — Очень я из-за этого переживаю, но поделать ничего не могу, стараюсь сгладить острые углы... Мой мальчик как порох. Несправедливость не любит. А я скандалы не люблю. Я еще из-за чего переживаю — Шалва к баптистам ходит. С одной стороны хорошо: не пьет, не курит, не матюгается, как наши остальные мальчишки во дворе. А у меня душа не спокойна. Они же сектанты. Я хоть в церковь сама редко хожу, ничего как следует не знаю, только понимаю, что церковь — это совсем другое. Как его переубедить — ума не приложу. «Мама, — он говорит, — я же ничего плохого не делаю». Все же как-то не то, — вздыхает она печально. — Недавно рис им там давали, так он свою порцию домой принес, радуется: «Вот мой паек!»... Смешной какой, — и тихо смеется своим мыслям. — Знает, что нам трудно. Я одна работаю, муж безработный да еще свекровь с нами, лежащая. Я за ней смотрю. Молюсь, чтобы мне раньше нее не умереть. Замучаются они с ней без меня...

Она пережила свою свекровь дней на сорок или чуть больше. Ходила на работу до последней недели. Замечали люди, что она какая-то вялая, но не больше. Потом она слегла. Врач посмотрел, да только рукой махнул: «Запущенный рак. Чего раньше не привезли?..»

...Мальчик у гроба смотрит, уставившись на огонь лампадки. Пожилая женщина в черном платье, ее сестра, подошла к гробу, запричитала:

— Знала ты, бедная, что у тебя. Никого беспокоить не хотела. С открытой раной в груди на работу ходила. В сумке вату носила... Отмучилась теперь...

Подруги шушукались.

—Пожалел Бог Олю. При раке люди сколько мучаются, а она только последнюю ночь кричала...

Потом подошли к мужу и сыну попрощаться. Варвара увидела, как Шалва неумело перекрестился, и подумала: может, и правда, со временем отойдет от баптистов, молитвами матери.

Год спустя после похорон собрались сотрудники отметить ее годовщину. Принесли кто что мог и сели за стол. Политику в этот раз никто не трогал.

Много было сказано об Ольге Семеновне хорошего и доброго. И Светлана Шалвовна в конце подытожила:

— Не помню я, чтоб она с кем-то была в ссоре и не разговаривала, не помню, чтоб осуждала кого-то или жаловалась на свою жизнь. И потому думаю, что Оля теперь у Бога...

Все закивали, соглашаясь...

...В 1995-м расформировали училище, все разошлись, кто куда. Следом и сама Трикотажка ушла в небытие. Все станки сдали в металлолом. Иногда бывшие коллеги встретятся на улице или на чьей-то панихиде, поохают о старом и нет- нет, да и вспомнят Олю...

...

В 2005 году случился вдруг отголосок той давней истории.

Дело в том, что в рабочем общежитии на Зестафонской улице, где когда-то жили Светлана Шалвовна и Ольга Семеновна, обитала прядильщица Нана Зарандия с двумя детьми. Короче, жили-были три подруги. И старший сын Наны, белобрысый Имеда, вырос вместе с тем самым «неуправляемым

тараканом» Шалвой. Потом их родители получили квартиры от фабрики, но дружба осталась.

Нана, нарожав еще троих детей, после развала Союза вконец погрязла в долгах и в итоге потеряла квартиру. Имеда, отслужив срочную при Шеварднадзе (тоже незабываемое времечко было, когда наши солдаты в разных туфлях и тапках ходили), завербовался в Ирак в надежде заработать братьям и сестрам на жилплощадь. Пробыл он в Ираке полгода, уже и долгожданная квартира замаячила впереди, как вдруг их часть перевели на осетинскую границу. Подразумевалось — чуть что, и сразу в бой с сепаратистами. Тут ему, видно, что-то вступило в голову. Он позвонил матери и сказал:

— Мам, я не буду стрелять в своих. Знаешь, тетю Олю вот вспомнил.

Он дезертировал из части. А с ним еще семьдесят человек таких же умников. Тоже, наверно, «своих» осетин каждый имел в виду.

За нарушение контракта им штраф огромный навесили 10000 лар. Пока не выплатишь — с документами проблема, ни на одну официальную работу не возьмут.

Нана поначалу сильно убивалась:

— Как же Имеда себе жизнь поломал! Ни жениться теперь не сможет толком, ни нормальную работу найти. Криминал какой!

Успокаивали ее старые подруги, как могли.

—Что поделаешь? Все образуется. Не смог человек. И мы б, наверное, не смогли.

С другой стороны, территориальная целостность крошечной Грузии, присяга — тоже не шуточки. Сколько людей из-за этого погибло.

Варвара не дипломат и не военный эксперт, чтоб разбираться в таких запутанных вещах. Только знает простую истину: если человек захочет, то на

Луну полетит, а земные дела тем более разрулить бескровным путем можно, если опять-таки очень постараться.

Кто это из умных так красиво сказал, что человек от зверя отличается тем, что может чужую боль воспринять как свою?

Когда-то Ольга Семеновна не смогла оттолкнуть незапланированного мальчишку, потом Имада не смог стрелять в «своих». Значит, все путем, все нормально. Жизнь продолжается.

Про возможного террориста

Июль 2004 года. Варвара маялась без работы и, соответственно, от безденежья. Клиенты по уборкам все разъехались, и до сентября ничего не предвиделось. И вдруг – его величество случай! – соседка заботу проявила:

– У моих знакомых квартиранты мальчишку в первый класс хотят подготовить. Если не боишься, рискни.

– А чего бояться?

– Они чеченцы, только из Панкиси приехали. За месяц хотят ребенка русскому научить. Никто не берется. Грузинский он тоже не знает.

С отцом ученика договорились быстро:

– Вы ему будете говорить на русском, а мать тут же сядет и на чеченский переведет. Хамзат не тупой. По ходу математику и английские слова давайте. Хуже не будет.

Через месяц Хамзат мог более или менее сносно отвечать на несложные вопросы, а Варвара в процессе перекрестного обучения овладела эрзац-чеченским и шикарными рекомендациями в кругу беженцев. Так началась ее карьера репетитора и погружение в исламский мир, которое затянулось на

несколько лет. Наблюдать стык менталитетов всегда занятно, а для любопытной Варвары тем более.

Однажды увидела, что шестилетний Ильяс ездит на автобусе в школу сам и сказала родителям:

— Как вы не боитесь его одного отпускать?.. Чужой город. Большое расстояние. У нас в школу на соседней улице детей в таком возрасте за ручку водят.

Ее не поняли:

— Мы ему один раз показали дорогу, чего же еще? Он не заблудится. Там, в Чечне, война идет. Нас в любой момент могут убить. Ильяс не должен растеряться в этом мире. Наши мальчики в двенадцать лет автомат разберут и соберут за пять минут. А тут подумаешь — школа...

Не только Варвара наблюдала за своими работодателями, но и сама подвергалась их пристальному досмотру..

— Ты не куришь? — спросила ее как-то Сацита, подкладывая ей на тарелку пирожное. Демонстрация гостеприимства была обычным делом после каждого урока, и отказы воспринимались как «неуважение».

— Нет.

— Как? — переспросила Сацита с ехидством. — Все грузинки курят. Мы же видим.

— Вот и не все, — бросилась Варвара отстаивать честь Грузии. — Верующие не курят.

— Ты, что ли, верующая? — Сацита окинула ее сомнительно-оценивающим взглядом.

— Ну, вроде того.

— А почему в брюках и без косынки?

Подразумевалось, что чеченки – настоящие верующие, поскольку даже дома все, как одна, в длинных юбках и в косынках.

– Я в церковь по-другому одеваюсь, – попыталась оправдаться Варвара, но не тут-то было.

– А что, Бог тебя только в церкви видит, а здесь нет?

Как известно, в щекотливых ситуациях лучше задать встречный вопрос. И Варвара стала выяснять, почему только у муллы две жены, а у других такого нет.

– Двух жен только очень богатый человек может себе позволить, – пустилась в подробные объяснения Сацита. – Поровну содержать, да чтоб под одной крышей не жили. Это, поверь, очень сложно...

Предложения позаниматься с чеченскими детьми посыпались одно за другим. О каждом ученике рассказывать – долго будет. Но на Исламе стоит остановиться отдельно. Он поразил самозваную учительницу редким старанием в учёбе. Высокий, светловолосый, голубоглазый. В нем не было подростковой расхлябанности, свойственной школьникам в этом возрасте. Постепенно отношения между ними перешли в дружески-доверительные, и официоз исчез.

Однажды Ислам явился на урок в довольно кислом настроении. Извинился за опоздание и сел.

– Что-нибудь не так? – посочувствовала Варвара.

– Часы отца на улице потерял. Искал, искал, никак не нашел. Потому опоздал.

– Отец, наверное, ругать будет?

Молчаливый, еле заметный кивок...

– Дорогие, наверное?

– Да-а! – отозвалось печальным эхом.

– А ты скажи, мол, на тебя грузины впятером напали и отняли часы, – придумала выход несознательная Варвара. – Тогда точно ругать не будет.

– Что вы! Что вы! – отшатнулся от нее Ислам. – Это еще хуже. Во-первых, врать отцу – последнее дело. Коран запрещает. А во-вторых, «грузины отняли» – это еще хуже. Магомед разозлится и скажет: «Часы – плевать. Лучше бы тебя там убили, чем что-то отняли у чеченца. Позор!»

Варвара спешно переключилась на учебно-образовательный процесс. Время шло. Ислам уверенно щелкал дробы и несложные задачи, зубрил неправильные глаголы и все меньше делал ошибок в диктантах. Он всему учился быстро и очень старательно.

– Скажи, зачем тебе это все нужно? – не утерпела однажды Варвара. – Видела я ваших мужчин. В науках они, прости, не Эйнштейны. Но дети так старательно учатся!

Ислам помялся и начал издали:

– Понимаете, я хочу попасть в рай.

Учительница поперхнулась. Старательный ученик истолковал это по-своему:

– А что? Вы разве не хотите попасть в рай?

– Хочу... Но... М-м-м... Грехи не пускают.

– А вы не грешите! – посоветовал духовно продвинутый школяр. – Вот я, например, живу праведно. И стал загибать пальцы: почитаю родителей – раз. Делаю намаз – два...

И правда, когда урок совпадал со временем молитвы, Ислам отпрашивался на пятнадцать минут, бежал в ванну мыть ноги и начинал класть земные поклоны на персональном коврике. Точно так же поступали другие ученики и их родители.

– Держу посты – три, — продолжал перечислять Ислам. — Я ни разу не пил вина и не курил.

– Э, стоп, стоп, – не выдержала Варвара. – Как это — жить в Грузии и вина не попробовать? Что, в гости никогда не звали?

Ислам поднял на нее совершенно бесхитростные глаза. Так играть на публику было невозможно.

– Звали. Много раз. Но я говорил, что мне нельзя, и грузины отставали. Коран запрещает все, что туманит сознание.

– Так в чем же дело? – опять не поняла Варвара. – По вашим меркам, ты готов для рая. Какие проблемы?

– Чтобы попасть в рай, мне надо принять участие в теракте. Для этого надо учиться. Математика, например, нужна при стрельбе, физика...

– Это прикол такой, да? – не поверила Варвара.

– Нет, я серьезно.

– Ну, и когда же нам ждать радиоуправляемый взрыв? – Варвара попыталась шутить.

– Мы в Грузии этого делать не будем, – опять же серьезно и невозмутимо ответил школьник.

– И чем бедная Грузия удостоилась такой чести?

– Вы нас приняли. Мы добро помним.

Потом Ислам сказал оживленно:.

– Вот я вам случай расскажу. Одного нашего парня ваши грузины в интернет-кафе порезали. Просто так. Затеяли драку из-за ерунды. Он защищался. Так наши старики, вы же знаете, как мы их уважаем, сказали: «Не будем ответ давать. Грузины нас приняли. Не надо мстить».

– Раз уж вы такие понятливые, вообще не надо никаких терактов...

– Они сорок тысяч наших детей убили, — вспыхнул Ислам и пошел перечислять ужасы двух чеченских войн:

– Господь воздаст каждому по делам его! Эта война идет двести пятьдесят лет, еще с Шамиля, — не унимался Ислам. — Вы знаете, кто такой Шамиль?

– Имею представление. Читала «Хаджи-Мурата».

– А кто это?

Пришлось сделать экскурс по творчеству Льва Толстого. В дверь на шум заглянула мать Ислама.

– Это мы про русскую литературу говорим, — выкрутилась учительница.

Дверь тихо закрылась. Ислам усмехнулся увертке, но слушал внимательно. С превеликим трудом все-таки вернулись в тот день к математике, но разговор этот вскоре продолжился.

– Напишите, пожалуйста, за меня тему «Письмо детям Беслана», — попросил Ислам. — В школе задали, у меня не получится.

Варвара быстро написала сочинение, стараясь осуждать само зло и оплакивать жертвы. А Ислам, прочитав, вскипел:

– А почему вы здесь про наших детей не написали? У нас больше погибло!

И опять волна ненависти. Спорить не было сил. И Варвара лишь спросила:

– А если я попаду в эту вашу террористическую кашу? Или мои родственники и друзья в России?

Ислам нисколько не смутился:

– Скажете, что вы учили меня, сына муллы, и вас отпустят. Я же не слепой, знаю, что вы ко мне хорошо относитесь.

– Большое спасибо. Но те, другие, чем виноваты?

Любимый ученик пожал плечами:

— Ничем. Судьба такая.

— Да пойми ты, кто-то должен остановиться в этой страшной цепочке зла!

Бог есть любовь...

— У вас неправильное представление о Боге.

Так и расстались они тогда с Исламом, оставшись каждый при своем мнении.

Год спустя после описываемых событий Ислам позвонил Варваре на мобильник и, путая слова от возбуждения, попросил:

— Придите, пожалуйста. Моего отца в тюрьму посадили. Финансовая полиция. Как будто он украл. Он нашим беженцам бесплатно все раздавал, что «Братья мусульмане» посылали. Никаких документов не вел. Нам тут бумаги с грузинского надо перевести, в чем его обвиняют. Только денег нет, потом отдадим.

Через полчаса Варвара сидела, обложившись бумагами, и строчила перевод. Ислам сидел рядом, вникал во все нюансы и время от времени рассыпался в благодарностях. Провожая ее, он заверил:

— Как деньги будут, я позвоню, отдам.

Варваре пришли на память его планы попасть в рай, и она предложила бартер.

— Давай меняться.

— Чем? — не понял любимчик.

— Если пойдешь на теракт, отпусти одного человека за этот перевод.

Ислам согласился.

— Обещай, что не забудешь! — потребовала Варвара.

— Обещаю.

На том и расстались.

Много воды с тех пор утекло. Больше они не виделись. Но когда по телевизору показывают теракты и взрывы, Варвара всегда всматривается в фотороботы смертников и просит мысленно: «Отведи его от этого, Господи! Он хороший. Только заблуждается. Тебе, Господи, все возможно!»

Про козла Василька и «русских оккупантов».

Дело было как раз через два дня после нападения бандитов на домик Елены в горах. Дядя Коля еле ползал по хибарке с разбитой головой, обильно смазанной зеленкой, Елена тоже была не в лучшем виде. Изрезанные ножами руки и лицо в садинах заживали медленно.

Со двора из сараев доносилось беспокойное блеяние. Козам надоел их двухдневный затвор.

Варвара, стараясь обходить взглядом кровь на стенках — память о незваных гостях, — предложила:

— Может, я их пойду пасти?

Дядя Коля вскинул на нее умоляющие глаза:

— Пойди, родненькая, застоялись козочки за эти дни.

Елена, колеблясь, медлила с ответом. Потом подошла к иконам, помолчала, перекрестилась и дала нерешительное «добро»:

— Иди, только обязательно молись по дороге, — И подала книжку с полки: — Вот, возьми акафист Божией Матери.

Варвара, еле выжимавшая из себя краткое утреннее правило, отбрыкнулась:

— Да ну, он же на три листа. Я лучше кратко... как-нибудь.

Елена знала по опыту, что настаивать бесполезно. Робко добавила:

— Они хоть и бессловесные, а знаешь, как благодать чувствуют...

Но Варвара уже выскочила во двор, бросив на бегу:

—Обалдеть можно с этими реверансами! Прямо не козы, а внеземная цивилизация.

Дальше она промчалась по двору, р-раз – дверь в сарай нараспашку:

— Аба, давай, пошли гулять!

Козы хлынули за ней в проем радостной гурьбой.

Затем еще бросок в другой сарай, где находился Василек. Брах — палкой по загончику:

—Аба, Васька, lets go!¹³

И громадный козел затрусил следом на волю.

Видя, что Елена крестит их из окна, Варвара крикнула:

— Да не переживайте вы так! Все будет супер-пупер! – и погнала стадо вниз, в овраг, и дальше на поле, к Тбилисскому морю.

Веселое дело – осознавать себя в новом нужном людям амплуа. А любое амплуа, как известно, требует определенных действий. И пастушка начала действовать.

Брух – одну козу по рогам, бах – Василька по крутой спине. Экзотика для горожанки, да и только.

Василек – безрогий вожак Елениного стада, внушительная громадина. Наверное, 150 кило будет. Когда на дыбы встает, выше дяди Коли делается, а по сравнению с Варварой и вовсе Голиаф.

Ему методика новой пастушки явно не по нраву пришлась. Сперва обиженно мемекал, потом стал бодаться, норовя поддать Варвару лобовым выступом.

Варвара, приняв позу фехтующего д'Артаньяна, разоралась:

¹³ Давай, пойдем (англ.).

— Ах ты, маимуно виришвило¹⁴! Забыл, что человек - царь природы?! — и залепила козлу палкой меж глаз.

Вместо того, чтоб «в разум истинный прийти», Василек издал какой-то военный клич, глаза у него налились кровью, и он пошел на таран. «Царю природы» пришлось улепетывать от него зигзагами по полю и вопить дурным голосом на всю окрестность:

— Вай, вай, вай!!! Помогите-е! Убивают!!! — Это чтоб Елена на своей горе услышала. Потом тот же SOS на грузинском: — Мишвелет! — Это чтобы кто-то из пастухов на другом конце поля обратил внимание.

Вот уж не думала Варвара, что способна на такие спринтерские гонки, да и взбесившийся Василек явно шел на рекорд — не отставал ни в какую. Еще хорошо, что «венцу творения» удалось заскочить в чью-то пустую дачу и запереться, а то собирали бы ее по косточкам. Выглянула в окно в надежде, что погоня миновала, но куда там. Козел вокруг дома круги дает и утробно воет. Стоило Варваре высунуть из-за двери свой горбатый нос, тут же этот бородатый монстр кидался на приступ. Прямо кошмар на улице Вязов.

Тут на Варварины вопли Елена прибежала. Одной рукой за сердце держится, в другой кружка со святой водой судорожно зажата. А в кружке четки в роли кропила.

— Ох, и напугала ты меня, — еле выговорила Елена, переводя дух. — Я уж думала, что тебя те разбойники пришли убивать.

Потом стала кропить святой водой Василька. Обрызганный козел тут же сменил гнев на милость, стал ласково тереться об хозяйку и что-то жалобно блеять, видно, жаловался на обидчицу.

Горе-пастушка с опаской вылезла из своего убежища и выдала кровожадное:

¹⁴ Обезьяна, сын осла (груз.)

— Этого негодяя на мясо пустить пора.

Елена только засмеялась:

— Ну да, конечно, непременно так и сделаем. Говорила я тебе... — Потом, видя, что здесь не до нотаций, переиграла: — Пошли лучше чай пить, а то на тебе лица нет.

Потом похлопала козам два раза:

— Девочки мои золотые, давайте домой!

Козы послушно потянулись к оврагу обратно.

На другой день Варваре снова удалось выбраться на гору. О пастьбе она больше не заикалась. Вчерашний страх еще не выветрился из головы.

Но вышло по-другому. Елена сама попросила:

— Сходи, Варюша, с папой на поле. Боюсь его одного отпускать. У него сегодня давление прыгает. А я сараями займусь.

Так Варвара снова оказалась на поле в козьем окружении. Уселись они с дядей Колей под кустом, не зная, чем заняться. Тишина вокруг. Только и слышно, как козы траву хрумкают.

Мимо проехал «жигуль».

Дядя Коля, щуря голубые глаза на поднятую машиной пыль, задумчиво проговорил:

— Знаешь, я как машину на поле увижу, сразу сердце екает.

— Почему? — удивилась Варвара.

— Когда Абхазская война шла, у нас гвардейцы чуть не каждую неделю приходили коз отбирать. Иногда мы с Раей выкручивались, иногда нет. Рая хорошо по-грузински говорила, чисто, ей удавалось уговорить их не грабить, а я здесь полжизни прожил, двух слов связать не могу. — И вернулся к начатой теме: — Да, так вот, их казармы во-он там были, — и старик махнул палкой в противоположную сторону Тбилисского моря.

— Мхедрионовцы, — уточнила Варвара, жуя травинку.

— А шут их знает. Я столько не понимаю. Рожи-то у всех бандитские, одеты кто как. У одних штаны военные, у других верх форменный, а внизу джинсы и ботасы.

Варвара легко представила себе описываемую картину. Тогда, в начале 90-х, все солдаты были так одеты. Формы на всех не хватало. А дядя Коля ударился в воспоминания:

— Подъехали они как-то ко мне на машине. А я один со стадом в поле. Направили на меня автоматы и говорят:

— Давай, дед, козу. — И очень похоже передразнил кого-то воображаемого: — Пака красывы.

Я им толкую:

— Ребята, вы у кого отнимаете? Я фронтовик. Имейте ж совесть.

А один особо наглый еще и очередь прямо у моих ног дал. Для страха. Только песком мне ботинки засыпало. Еще ругается: «Ты на нашей земле живешь. Не нравится – езжай в Россию!»

Меня затрясло. Сталина на них нету! Ишь, научились, чуть что — «русский оккупант». Им не объяснишь, что я в России так, сбоку припеку. Мы ж поляки. Нас еще при каком-то царе в Казахстан переселили. Это я после фронта в Грузию попал. Здесь Раю встретил, женился. Э, да что говорить...

Дядя Коля вытер рукавом слезящиеся глаза.

Варвара слушала его и думала о своем. На ум пришло странное совпадение.

В свое время, тоже в начале 90-х, когда на улицах старались не говорить по-русски, Варваре пришлось в спешном порядке учить грузинский. Дома она постоянно скандалила с матерью:

— Уедем отсюда! Продадим квартиру и уедем. Я не могу жить второсортным человеком. Все, кто может, уезжают в Россию. Мы что, рыжие?

Мать не менее упрямо твердила:

— Хорошо, где нас нет. Я русская, но умру в Грузии. Все, разговор окончен. В России тоже не медом намазано.

А потом вопрос о переезде отпал сам собой. В Грузии наступил тот «ледниковый» период, когда в домах не было света, газа, воды, тепла, за хлебом стояли километровые очереди и надо было вести каждодневную борьбу за существование. А позже Варвара узнала от Елены, что еще в 80-х годах прозорливец схиархимандрит Виталий (Сидоренко) и митрополит Зиновий, служившие тогда в Александро-Невской церкви, не благословляли своих прихожан на переезд в Россию, несмотря на предсказываемые войну и голод. Потому как, говорили они, «это удел Божией Матери».

В семье Елены четко придерживались этой установки, хотя ее единственный сын-москвич всячески звал их переехать к нему.

И сейчас, глядя на эти старческие слезы, Варвара не знала, как утешить дядю Колю. Потому лишь спросила:

— Ну а дальше что было?

— Другой парень, чуть постарше того, наглого, по автомату стукнул. Что, мол, ты делаешь. И потом мирно мне так говорит: «Отдай, дед, козу добром. Мы, видишь, голодные, на войну завтра едем».

Я махнул рукой. Что с ними говорить. Вон Важа — у него сорок овец — тоже, было, заартачился: не дам, мол, и все! А они ему на зло, когда тот на поле был, противотанковую мину подкинули. И все — от дома одна воронка осталась. Это своему грузину, представь! — дядя Коля для значимости понизил голос.

Варвару это как раз не удивило: бандитизм в паспорт не смотрит.

— Короче, пристрелили они у меня на глазах Розочку, — продолжал старик, — ту самую, что Рая из соски выкормила. И уехали восвояси.

Прошел год или два, не помню. Снова я на поле с козами. Вижу, машина ко мне едет. Я, само собой, струхнул. Опять, думаю, отнимать будут.

Смотрю, выходит из машины тот самый прошлогодний парень и идет ко мне:

— Не узнаешь, — говорит, — меня, дед? Помнишь, мы у тебя с ребятами козу отняли.

— Как не помнить, — говорю.

— А я с войны вернулся. Ехал вот мимо, хотел прощенья у тебя попросить. Нехорошо тогда вышло. Прости, — говорит, — меня.

— Да, ладно, — говорю, — дело прошлое.

— Знаешь, дед, — и глаза в сторону отводит, — ребят тех всех на войне убило. Только я остался... Жалко ребят, дед.

— Известное дело, — говорю, — конечно, жалко. Молодые совсем.

Потом мне руку пожал, сел в машину и газанул.

— А я, веришь, так разволновался, что всю ночь не спал. Эти мальчишки у меня перед глазами стояли. И я молодой был, всякие глупости делал. Сейчас стыдно вспомнить. Слава Богу, до воровства не доходил. И все же... Я вот что думаю. Наверно, не только меня они ограбили. На той войне, говорят, всякое безобразие было. Грехи, знаешь, они складываются. Ну, как навоз из-под козочек, — пояснил он для доходчивости. — А потом и человека задавить могут. Ведь не случайно этот, самый совестливый, один в живых остался. Правильно я думаю? — обернулся он к слушательнице.

Варвара кивнула.

Тут дядя Коля неожиданно спохватился:

— А ну, посмотри-ка, родненькая, сколько часов на твоём будильнике.

— Почти два.

— Ну, пора на обед гнать! — И он с трудом поднялся, стряхивая прилипшие травинки.

Варвара с двойным энтузиазмом пошла подгонять коз сзади. Потому что на воздухе аппетит приходит, не спросясь.

Бумеранг

Встречает Варвара знакомую после долгого перерыва и спрашивает:

— Ты где пропадала?

— Мама попала в больницу в предынсультном состоянии, а я ухаживала за ней.

— С чего это вдруг? Еще молодая для инсульта.

— Да так. Сама говорит: «Бог наказал». Несколько месяцев назад мы заняли у соседей сто долларов под проценты. Зря мы рассчитывали на эти деньги — соседи вскоре попросили вернуть их назад. Мама пошла, отдала деньги, но пожелала им мысленно: «Чтоб у вас эти деньги на лекарства ушли!» Вскоре ее замучило давление. Что ни делали, никак не могли сбить. Вот и попала мама в больницу. Лекарства, врачи. Пришлось опять в долг брать. Слава Богу, мама вернулась домой из больницы, и больше всего ее поразило, что на ее лечение ушла как раз та сумма, какую она пожелала «на лекарства» другим.

Лечиться в Грузии сегодня так дорого, что когда беременная жена назвала мужу ту сумму, какую надо отдать за роды в самой обыкновенной простой больнице, муж в ошеломлении не поверил ей. Да, в России (а он только что вернулся оттуда домой) есть, конечно, платные палаты — это если тебе хочется

особых условий. Но чтобы в обыкновенной больнице брали такие деньги? Не может быть!

— Должна же быть в городе хотя бы одна бесплатная больница, — доказывал он жене.

— Нет их, понимаешь, нет бесплатных, — вразумляла его жена. — Вот два года назад такое случилось! Один таксист, курд, увидел на улице мальчика, истекающего кровью, и привёз его в 9-ю больницу. Его даже принимать не хотели. Медсестры вокруг бегают, охают и ничего не делают. Врач и не думает подходить. Какой, говорит, смысл делать операцию? Вдруг он умрет, кто мне тогда заплатит? И сидит себе в кабинете, даже не спускается в приемный покой. Тогда курд снял с себя золотую цепь с крестом и говорит: «Вы люди или кто? Вот вам! Пусть хирург придет!»

Пока врач, не спеша, спускался из своего кабинета, мальчик скончался от потери крови. Когда врач подошел к мертвому ребенку, то узнал в нем собственного сына.

Неверующий верующий.

Если Варвару временами хочется назвать верующей из неверующих, то Бичико наоборот — неверующий верующий.

Бичико — это пожилой сосед Елены по даче и по корпусу. Участок у него совсем запущенный, во дворе трава по колено и шаткое сооружение типа голубятни — хозяину в тени посидеть. Среди высокой травы то тут, то там виднеются с десятков ульев — главное состояние Бичико, оно же его головная боль, ибо цветы на горе быстро отцветают и приходится пчел пичкать сахаром. Накладно, и клиенты неохотно мед берут. Еще для полноты картины стоит

сказать, что у проволочной калитки стоит музейный «запорожец» с ржавыми боками.

Бичико при случае возил Елену с горы и назад, если наскребал на бензин. Он же привозил священника причащать парализованную тетю Раю и категорически отказывался от денег:

— Раз вы верите, что это ей чем-то поможет, как я с вас что-то возьму? Нехорошо выйдет.

Елена при случае рассказывала ему интересные факты из житий святых или о современных чудесах, но Бичико слушал это из вежливости, отвечал общими фразами:

— Все бывает. Занимательно, конечно...

Само собой, ему не приходило в голову молиться за едой дома у Елены или каким-то образом проявлять свои религиозные чувства. Тем более, что он всегда отказывался от каких-либо приглашений в гости. Обычно Бичико подходил к воротам Елены, еле слышно стучал в железную калитку и предлагал:

— Я еду в город к пяти часам. Не нужно ли кого подвезти?

Как-то на этот пятичасовой рейс напросилась Варвара. Езда в драндулете Бичико была еще тот экстрим. На полном ходу сами собой открывались и закрывались двери то справа, то слева.

Несколько минут они ехали молча, то и дело подпрыгивая на валунах горной дороги. Потом Варвара попыталась разговорить молчаливого попутчика. На свои первые общие вопросы услышала неожиданное признание:

— Мне вообще трудно общаться с людьми.

— Почему?

— Я... я стесняюсь звуков собственного голоса...

«Вот тип!» — поразились Варвара и тут же принялась его с жаром уверять, что голос у него очень даже хороший, не тихий и не громкий, вполне то, что надо.

Постепенно Бичико разговорился. Мало-помалу выяснилось следующее:

— Я из-за своих комплексов и друзей растерял. Точнее, не только из-за этого... У них семьи, а я один... У меня всю жизнь болели родители. Как-то неудобно было звать к себе в гости, когда дома то одному плохо, то другому. И жениться я не смог. Кому нужны чужие больные старики. Так всю жизнь и возился со стиркой и готовкой в одиночку.

Недавно родители друг за другом скончались. Я почувствовал такую пустоту, будто на всей земле один остался. Особенно невыносимо было, когда мама умерла. Началась у меня истерика. Плачу — остановиться не могу.

В этот момент меня моя курочка утешила. Дома у меня она жила и как собачонка за мной бегала. Необыкновенно умная курица была. Взлетела она на диван и начала меня за ухо тащить. Сама попискивает и ухо мое теребит. Волей-неволей я успокоился. Такое утешение она мне дала — человек так не успокоит.

Варвара слушала его и поражалась: «Ну, откуда вы такие небожители? Елена с козами беседует, этот — с курочкой. Двадцать первый век на дворе, а тут...»

Бичико тем временем рассказывал:

— Я с ней разговаривал, а она, вы не поверите, все понимала... Умерла она недавно. Вам, наверное, смешно? — Бичико искоса взглянул на Варвару впервые за всю дорогу и, убедившись, что подозрение напрасно, продолжал: — Что поделаешь? Мне с ней легче было общаться, чем с людьми.

За немытыми окнами скрипучего драндулета мелькали домики-развалюшки, которые местная публика еще не успела растаскать на дрова.

Бичико продолжал крутить забинтованный изолентой руль. Мысли вслух неторопливо текли дальше:

— Я уже постарел, а так и не научился разбираться в людях. Легко обманываюсь. Вот, думал, решу свои проблемы — пушу квартирантов. Пустил. Вроде семья как семья. А выяснилось: он, съемщик мой, — шулер. Когда выиграет, еще ничего, а когда в проигрыше — семья голодает. Жена с ним ругается, ребенок плачет. Не могу я этого видеть — даю, что могу. А у меня и самого-то не густо. Целый месяц на одном рисе и меде сижу, что от продажи остается. Вот все мне говорят: «Выгони их!» Да я не могу. Ребенок у них такой смешной мальчишка. — Бичико улыбнулся беззубым ртом. — В доме у меня детский смех, как колокольчик, звенит. Ну как их выгнать? Опять, значит, с тоской в квартиру заходить и в тишине скрип полов слушать? Уж лучше я потерплю. Мне так спокойнее. Ведь вся наша жизнь — это постоянное терпение. Тем временем подъехали к метро. Бичико вопросительно поглядел на Варвару с надеждой:

— Давайте, я вам мороженое куплю, и мы просто так посидим в машине, если вы не торопитесь.

Тут же его голубые глаза блеснули от новой идеи.

— А может, зайдете ко мне в гости? Мы бы в карты сыграли? — И тут же, что-то вспомнив, сник и отвернулся: — Да-да, я знаю, верующие не играют в карты. К сожалению, мне больше нечем вас развлечь...

Как это человеку удалось дожить таким наивным до шестого десятка? — думала Варвара, простившись с ним.

Прошло какое-то время, и Варвара случайно наткнулась на Бичико на улице. Дело было как раз перед выборами 2003 года. Бичико шел весь в своих мыслях, глядя вперед невидящим взглядом.

— О чем думаете, Бичико? — Варвара тронула его за рукав.

Он как от спячки проснулся:

— Ах, это вы! Вот иду и думаю о будущем Грузии. За кого проголосовать, чтоб не ошибиться. Это же так важно!

— Что важно? — хмыкнула Варвара, подумав: с ума можно сойти от этих блаженных. Елена, и та не в такой отключке от жизни. — За нас давно все решили. Ежу понятно, что будет Шеварднадзе. Чего еще таскаться голосовать — ноги сбивать.

— Вы так думаете? — Бичико несказанно удивился такому прогнозу.

— Я не думаю, я знаю, — отрапортовала Варвара и добавила: — Вот что мне непонятно. Как вы, инженер, так далеки от политики? Не знаете, в какой стране живете?

— У меня телевизор давно не работает, а на газеты денег нет, — просто объяснил Бичико и пошел дальше.

Через семь лет Варвара столкнулась с ним в церкви. Бичико стал еще худее, чем был, и чуть согнулся. Жизнь, похоже, прошла по нему катком. Появилась еще новая черта в его облике — на носу косо сидели черные женские очки.

— Как я рад вас видеть! — обрадовался Бичико. — Помните, как мы общались в машине? — И грустно прибавил: — У меня теперь ее нет. Племянник добил. И на дачу уже не хожу. С глазами у меня плохо. Все раздваивается. Вот, в церковь пришел. Елена говорит, надо молиться. Только я не умею. Вот свечку поставил, — кивнул он на догорающий огарок. — Может быть... — Бичико запнулся и взглянул на Варвару, ища поддержки своим мыслям.

— Надо надеяться, — выдавила из себя Варвара. А что еще сказать человеку, путающему свечку с волшебной палочкой?

Немного погода выяснилась причина его катастрофы с глазами.

Одной лежачей больной понадобилась перга¹⁵, и Бичико долго выковыривал ее из сот до трех ночи, надев чужие очки. Купить подходящие не было возможности. Свой ювелирный труд он делал совершенно бесплатно, жалея брошенную дочкой больную женщину. Возился с кропотливой работой до тех пор, пока не стало больно глядеть на солнечный свет.

— Бичико, на что же вы живете? — спросила Варвара.

Он только махнул рукой и отвернулся, пробормотав:

— Перебиваюсь кое-как. Мечтаю дожить до пенсии. Целых тридцать три лара буду получать.

— Это ведь не деньги, а слезы. Может, вы в бесплатную столовую пойдете?

— Нет, нет, — Бичико испуганно замотал головой. — Н-не могу. Мне... стыдно. Я уж лучше так. Может, мне племянник как-нибудь поможет. Я ему квартиру оставляю.

— Ох, чувствую, обдурит он вас.

— Все равно. Это мой долг перед Богом. Да, он нехорошо себя ведет. Но я не могу иначе. Будь что будет.

Переубедить его было невозможно..

Варвара смотрела на его сутулую спину, когда он пошел причащаться, и думала, что никогда ей с ее прагматическим подходом не осилить логику Бичико, отписавшего квартиру живоглоту-племяннику. И в то же время она понимала: было у Бичико что-то такое, что ей, суемудрой, не дано.

О таких людях, как Бичико, лучше всего сказал священник Александр Ельчанинов:

¹⁵ Собранная пчелами пыльца, утрамбованная в соты. Обладает целебными свойствами.

«Есть люди чудесного, райского типа, с душой до грехопадения, детски простые и непосредственные, чуждые всякой лжи и злобы. И это не как результат какой-нибудь борьбы с собой — такими они рождаются, людьми без греха. И странно, что постоянно эти люди стоят вне Церкви, даже иногда совсем обходятся без религии. Они слишком просты и цельны и слишком стыдливы и целомудренны, чтобы выражать свои чувства какими-нибудь словами или знаками. В религии ведь самое важное не только вера, а любовь к Богу. Бога они любят, потому что любят Красоту, Добро, Истину, — а это все стихии Божества. Сколько есть людей, утверждающих, что они верующие, и не имеющих этого чувства Красоты, Добра, со злобой и грехом в душе, с полным безразличием к Истине, так как ее вполне заменяют полторы дюжины маленьких истин, за которые они самолюбиво держатся. А те — простые и верные души, живущие и на земле в радости, — после смерти, я уверен, прямо идут в Царство Света и Радости. Ведь подобное всегда стремится к подобному, и в обществе святых — простых и блаженных душ — они чувствуют себя как в своей родной стихии. Мы, так называемые "верующие", говорим: "пойду", а не идем, а они ведь и не говорят "не пойду", а просто исполняют волю Отца».

Тут неслышно к ней подошла Елена и, указывая на Бичико, сказала:

— Помолись, родная, Бичико в крещении Владимир. Он сегодня первый раз причащается. Пусть это ему запомнится.

Варвара была права, опасаясь, что в такой нищете Бичико не выжить. В 2009 году он скончался от полного физического истощения, несмотря на то что Елена пыталась подбрасывать ему крохи, которые давали ей то соседи, то в монастыре. У Бичико на все эти приношения был один ответ: «Вам самой тяжело. Не могу у вас ничего брать. Мне легче жить, не обременяя никого».

Поминать Бичико некому. Хорошо, что в Грузии во время любого застолья тамада поднимет один обязательный тост:

— Давайте, выпьем за всех усопших, не имеющих поминовения!

И Бичико в Царствии Божием услышит нас...

Вверх по лестнице, ведущей вниз

— Смотри, умом не рехнись, как эти, в церкви, — переживает за Варвару ее одноклассница. — Раз в год захожу свечку поставить, и то слов нет. Ну и состав там у вас!..

Нецерковные люди как-то сразу делят всех прихожан на три группы: воистину верующие, модники и фанатики с приветом.

Для Варвары это тоже вопрос вопросов: почему же так получается, что иногда люди, всей душой стремящиеся к высокой духовной жизни, в конечном итоге оказываются, мягко говоря, еще в худшем положении, чем они были до начала духовных поисков?

История первая. Дмитрий

В 1999 году, как всегда, собрались у Елены на даче отметить Пасху. Позже всех, когда Елена уже делила на всех освященное еще в прошлую Пасху и будто вчера сваренное яйцо, пришел Семен в поломанных очках. Посыпались вопросы.

— Почему так поздно?

— Что случилось?

— Я только что из полиции, — начал объяснять Сема. — Это там мне очки поломали. После службы мы, человек двенадцать мужчин, пошли

разговориться на колокольню, где Дмитрий живет. Говорит, что он обитает там по благословению Патриарха, потому что так легче спастись. Ему лет тридцать. До этого он был послушником в монастыре во Мцхета, но вскоре ушел оттуда, что-то его там не устраивало. Теперь он у нас после служб ремонтирует храм своими силами. На что он живёт? — спрашиваю. Никто не знает. Он нигде не работает. Мама ему носит обеды из дома в кастрюльках.

— В его возрасте надо самому маму обедами кормить, — встречается Варвара.

— Вечно ты со своим осуждением! — зашикали все на Варвару. — Семен, а дальше что было?

— Сели мы за стол, разговляемся, — продолжал обладатель побитых очков. — А Дмитрий вскоре стал нас обличать: «Как вы можете терпеть рекламу проституции в городе?! Везде отвратительные эротические плакаты! Вы просто не мужчины после этого!» И предложил всем, кто не боится, идти закрашивать обнаженных девиц на рекламах в метро.

Люди постарше его и слушать не стали. Глупости, мол, все. А я пошел, чтоб доказать, что не боюсь. В общем, купили мы краску, спустились в метро и приступили к работе. В третьем вагоне нас с красками поймали полицейские и потащили в отделение. Дмитрий с ними ругался, кричал, что они не мужчины, раз спокойно смотрят на развратную рекламу. Одним словом, ему больше попало, а мне сгоряча только очки поломали, — смущенно закончил горе-красильщик.

Слушатели невольно засмеялись.

— Неужели вы, взрослые люди, не могли ему объяснить, что он заблуждается, — не унималась Варвара, стараясь держаться в рамках. — Чтобы спастись, не обязательно жить на колокольне и закрашивать рекламу.

— Его сам Патриарх благословил! — сказала Елена, правда, с долей сомнения. — Наверное, в этом есть какой-то свой глубинный смысл.

«Глубинный смысл» этой истории открылся через полгода, когда от замыкания электроплитки Дмитрия сгорел купол колокольни. Когда колокольню отстроили заново, настоятель его больше туда не пустил. Сам небожитель куда-то исчез. А обрёл ли он другую колокольню — осталось неизвестным.

Что же касается благословения Патриарха или иного духовного лица, то опытным священникам хорошо известен такой казус — бывает, что благословляя народ в церкви, лицо высокого сана благословит на ходу кого-то и лично, отнюдь не имея при этом в виду житие на колокольне или беготню с ведром краски в метро. Разумному человеку это понятно. Но кто-то, бывает, начинается превозноситься: «Да у меня личное благословение Патриарха!»

Впрочем, превозношение — это отнюдь не привилегия церковных людей, и еще гоголевский Хлестаков утверждал, что генералы за ним ему присылали самолично тридцать пять тысяч курьеров в день.

История вторая. Лариса

Достаточно взглянуть в ее голубые глаза, чтобы понять: Лариса бесхитростный, глубоко верующий человек.

Варвара иногда виделась с ней по праздникам в церкви, и постепенно узнала, что Лариса — преподаватель французского языка, перебивается частными уроками, не замужем, живет в семье сестры.

Встречает ее Варвара как-то и спрашивает о новостях:

— Я теперь работаю в Патриархии, — отвечает она, — учеников бросила. Суета одна, отвлекает от духовной жизни.

— А зарплата какая?

— Деньги для меня не важны.

Через некоторое время Варвара увидела ее на бесплатном обеде среди бомжей в Александро-Невской церкви.

— Меня мой духовник благословил здесь кушать, — пояснила она. — Я безработная.

— А Патриархия?

— Ушла я оттуда. Там своя суета, отвлекает от главного.

— Может, учеников возьмешь?

— Мне сейчас не до них.

Через год встретились они у Елены на даче. Лариса за это время стала еще более отстраненной от жизни. Идет по дороге и всем встречным с блаженной улыбкой кланяется:

— Спаси вас, Господи!

Прохожие провожали ее удивлёнными взглядами.

В ответ на вопросы, как она жила это время, Лариса рассказала:

— Мой духовник переехал в Москву, а я попыталась стать послушницей. Поехала в одну греческую деревню, где живет монах отец Мефодий. Он восстанавливает церкви и сам в ней служит. Я предложила ему свою помощь. Он сначала согласился. Тогда я собрала жителей и сказала, что буду помогать при церкви, читать молитвы, а они пусть мне в месяц платят 70 лари, чтоб мне было на что жить. Я так удивилась, когда они отказались мне платить.

— Чего удивляться? — хмыкнула Варвара. — Деревня не город. У них денег вообще не бывает.

— Потом меня приютила одна деревенская женщина. Но ненадолго.

— Ты ей хоть как-нибудь помогала?

— Да, я пол подметала.

— И все? А коров доить или дрова пилить?

— Во-первых, я не умею. А во-вторых, для монаха главное — молитва. Я целый день читала акафисты, потом мы вместе кушали. Затем я этой рабе Божией объясняла Евангелие. Но она почему-то сказала: «Уезжай в Тбилиси». Видно, восстали против меня темные силы, и мне пришлось вернуться. Сейчас я снова живу у сестры. Но мне с ней трудно. Она все о деньгах думает, абсолютно мирской человек, меня не понимает. Вот недавно мне сумку купила и деньги на дорогу дала. Никак не могу ее в церковь повести.

У Елены Лариса продержалась дня два. На горе работы — не продохнуть, а тут еще Ларису надо обслуживать. Неприспособленность этой сорокалетней женщины была парадоксальной: она не умела даже газовую плиту разжечь. Что уж говорить об уходе за козами или готовке еды.

Через пять лет Варвара встретила ее на улице. Тридцатиградусная жара, Лариса идет по улице в шерстяном толстом пиджаке, наглухо застегнутой рубашке, на шее сумочка-кармашек, из которой торчат молитвослов и Евангелие. Взгляд невидящий, направленный внутрь себя. Узнав Варвару, она заговорила скороговоркой:

— Как спасаешься милостью Божией Господа нашего Иисуса Христа?

— Потихоньку, а ты как?

— Я в гонениях и скорбях пребываю во все дни жития моего, — зачастила она заученно. — Патриарх за мной наемных убийц посылает, и поэтому я дома не ночую, все в странствиях пребываю, но за все благодарю Господа нашего Иисуса Христа.

Попыталась Варвара ей втолковать, что у Патриарха есть дела поважнее, чем наёмных убийц нанимать. Но до Ларисы уже было не достучаться.

История третья. Дато

Приход в Богословской церкви обновляется быстро. Сейчас уже мало кто помнит, что еще десять лет назад Дато был цветущим, видным, высоким

мужчиной. Он тогда работал на телевидении и часто ходил на службы. Метаморфоза в Дато сегодняшнего — беззубого, опустившегося, плохо осознающего, где он и что творится вокруг, — происходила поэтапно.

Сначала уволился с телевидения. Причина: «Много искушений. Все сатанинское вокруг». У него был хороший голос, и он стал петь в церковном хоре. Но вскоре ушел и оттуда. Якобы те, кто рядом с ним, «не с той душой поют, в перерывах свои дела обсуждают». Какое-то время продавал свечи в одной из церквей. Немного погодя бросил и это: «Деньги считать — это отвратительно». Круг замкнулся. Дато все глубже и глубже уходил в себя. Когда его пытались переубедить, отвечал:

— Ничего, меня Господь и одной просфоркой пропитает.

Увы, одной просфорки ему, двухметровому мужику, явно не хватало.

Прихожане, кто как мог, пытались помочь. Кто-то приносил ему в банках еду, кто-то совал деньги в карман. Но постоянный голод делал свое дело. Часто Дато, находясь в полной отключке, оставлял тут же, в притворе, принесенные ему банки и деньги и уходил, куда глаза глядят.

Теперь он появляется в церкви все реже и реже. Постоит, уставившись в пол, потом уходит.

Большинство прихожан уже не обращает на него внимания. Кто занят своими детьми, другие стоят, уткнувшись в молитвословы, — у всех свои дела. Мало ли бомжей вокруг...

Можно рассказать и четвертую и пятую истории, а вы, покопавшись в памяти, добавьте шестую. Все они будут чем-то похожи друг на друга. Да, боюсь, слишком уж мрачная картина нарисуетя.

Писала я это, обращаясь в первую очередь к тем новичкам, кого особенно тянет на молитвенные подвиги. Недаром святые отцы говорят: «Видишь

новонаначального, шествующего на небо, стащи его за ногу на землю». А преподобный Оптинский старец Анатолий, говоря о вреде преждевременных подвигов, пояснял свою мысль так: «Большую охапку набрать немудрено, а донесешь ли? До конца жизни нести, путь дальний, как раз все растеряешь».

Не потому ли у тех, кто сразу хватается за большую охапку, так много болезненных и обидных потерь?

Метод воздействия

— Надо зайти к Марине Сергеевне! — объявила Елена по дороге, поправляя лямки тяжеленного рюкзака. — Оставим ей молоко и яйца.

— Это еще кто? — насторожилась Варвара, не одобрявшая излишнюю благотворительность. По ее мнению, Елена часто раздавала с таким трудом добытое козье молоко «не тем» людям.

— Моя бывшая свекровь.

Вскоре обе путешественницы сидели на диване у вышеуказанной особы, отдыхая от марш-броска с гор в город. Варваре бывшая свекровь с порога резко не понравилась. Этакая говорливая громадина с необъятными телесами, а глазки маленькие и отнюдь не сияющие человеколюбием. Продукты Елены она взяла, как будто так и положено. Зато тут же стала читать нравоучения на темы давно минувших дней:

— Говорила я твоей матери: нечего лезть на эту гору и коз заводить. Вот Бог ее наказал и последний разум отнял. Хорошо ей теперь в параличе валяться и как ярмо у всех на шее висеть? Вы же никого не слушаете, когда вам умные люди говорят.

— На все воля Божья, — слегка дрожащим голосом отвечала Елена.

Ее лицо начинало краснеть — явный признак начинающихся головных болей. А «умный человек» и не думал тормозить. Наоборот, в ход пошли пласты старых невостребованных советов и повышенный тон. Только трибуны не хватало.

Елена уже стала малинового цвета и сидела, бессильно прислонившись к спинке дивана. Варвара ринулась спасать ситуацию. Она вскочила, подхватила свой мешок и бесцеремонно заявила:

— Я дико извиняюсь. У нас срочное дело. Время — деньги!

Елена, раскланиваясь и извиняясь, последовала за ней к дверям.

Вдогонку неслось:

— Еще хамку какую-то с собой приперла!

— Спасибо тебе, Варюша! — благодарила Елена уже на улице, немного придя в себя. — От Марины Сергеевны всегда трудно уходить. Ей надо дать выговориться.

— Ага, за счет ваших нервов! — съехидничала спасительница. — Что, делать нечего, выслушивать всякий бред?! Это же энергетический вампир — сразу видно.

— Она мой благодетель!

— С какого боку?! — все больше распалялась Варвара, потребовав у Елены детальных разъяснений. И вот что она услышала.

— Марина Сергеевна очень хотела, чтобы я вышла за ее сына Виктора. Мои родители тоже были «за». Они и уговорили меня, о чем потом очень жалели. А я всегда была очень послушной дочерью.

Жили мы у свекрови в этой комнатке, где мы только что с тобой были, да только жить вместе было тяжело. Все, что я делала или готовила, подвергалось критике. Свекровь с мужем абсолютно все решали за меня. Выходить ли мне куда-то, что одевать, с кем разговаривать по телефону, рожать ли второго

ребенка и так далее. Сначала я терпела. Потом попыталась протестовать, но вышло еще хуже.

— Надо было развестись и отсудить у них жилплощадь из принципа! — полезла Варвара со своим универсальным «ноу-хау».

— Я думала, раз мы венчались, надо терпеть до гробовой доски. Хотя от веры я тогда была еще далека.

— И где логика? Средневековье какое-то.

— Я не хотела ломать семью и все ждала, может, что-нибудь изменится. Потом мне Господь послал болезнь. Со мной в тридцать лет случился инсульт. Мама буквально выплакала меня у Бога. Брак мой распался — само собой, не без содействия Марины Сергеевны. Кому нужна беспомощная insultница?

— И после этого вы еще ей яйца таскаете?!

Елена закрыла уши:

— Умоляю тебя, замолчи! Не осуждай Марину Сергеевну. Это духовный закон такой: «В чем других осуждаешь, в том и сам потом согрешаешь». Я ведь благодаря ей к Богу пришла. Многих, как и меня, привели в Церковь болезни и скорби. И тут передо мной открылась вся красота Православия. Новый смысл жизни! Во скольких монастырях России я побывала! Каких людей интересных встретила! Все мне Господь даровал.

И тогда я Богу клятву дала, что буду принадлежать только Ему, а не какому-то конкретному мужчине, который будет решать: посылать меня на аборты или нет.

Варвара слушала эти откровения с внутренним клочкотанием:

— Я бы на вашем месте...

— Ой, стоп, не надо, лучше оставайся на своем, — замахала на нее Елена и, перекрестившись, сказала: — Слава Богу за все — за болезнь и за скорби! Гордыни во мне в ту пору было много. Знала бы ты, как Господь смирял меня

через мужа. Как он поносил и оскорблял меня: «Ты, мол, сына в попы готовишь. Чего он у тебя с крестом ходит? Наверняка любовника в церкви найти хочешь». И прочие гадости... Я терпела, молчала, только молилась про себя. Запомни, родная, ни одно наше воздыхание не пропадает напрасно. Все Господь слышит, просто не спешит исполнить, чтобы научить нас терпению.

Варвара только хмыкнула. Ей, нетерпеливой по натуре, и слушать-то это было в облом, а уж в жизнь претворять – тем более. Если не выходило по принципу «попросил – получил», она тут же впадала в уныние.

Елена продолжала свою печальную повесть о хождении по мукам:

— Враг, он ведь на самое больное давит, на детей. Вот и стали муж со свекровью сына против меня настраивать, оклеветали меня. Отравили они сыну душу своими помоями.

— А вы эти помои на них самих бы и вылили!

— Зачем? Чтобы озлобить сына против бабушки или отца? Такая война разрушает душу. А у сына как раз переходный возраст. Максимализм через край. И мой Володенька перестал меня слушаться, учебу забросил. В какую-то нехорошую компанию попал. Увезла я тогда сына в монастырь от греха подальше. Думаю, поживет там, помолится, одумается. А муж в ярости напал на меня: «Сама последний разум в церкви потеряла и сына хочешь в монастырский дурдом упечь?» К сожалению, Володя доверял тогда только отцу.

— Так надо было не молчать в тряпочку, а пресечь ему все контакты с отцом! — возмутилась Варвара.

— Как это «пресечь»? — не поняла Елена. — Грех ведь какой. Помню, как раз в ту пору я прочитала где-то у святых отцов: «Кто оправдывается и старается доказать свою правоту и невиновность, тот, может быть, и наведет справедливости, но только тем разрушит план Божий об исцелении души». А

Володе суждено было мучительно долго идти к исцелению, и сколько же страданий перенесли мы с ним.

Варвара промолчала, зная лишь благополучный финал этой истории: когда Елена попала в больницу, сын тут же прилетел из Москвы, оплатил операцию и умолял мать переехать к нему. Она увидела тогда только одно — сын любит мать, не догадываясь о той предыстории, когда Елена годами мучилась из-за сына и терпела нестерпимую боль. «Как можно годами терпеть такое? Нет, я бы быстро нашла какой-то выход», — думала про себя Варвара, а вслух спросила:

— Смысл этого средневекового терпения какой? Никак не въеду.

— Все эти годы я подавала на просфоры и мужа, и свекровь. Они, поверь мне, стали меняться. Марина Сергеевна, например, была ярая атеистка. А сейчас она к Богу пришла. Представляешь, — у Елены радостно вспыхнули глаза, — она сейчас утреннее и вечернее правило читает. Иногда причащается. Богу ведь всех жалко. Он всех хочет спасти.

За разговорами они не заметили, как поравнялись с соседкой Марины Сергеевны.

— Мы от Марины Сергеевны идем, — пояснила ей Елена.

Соседка вдруг как по заказу свернула на только что обсуждаемую тему:

— Помнишь, какая она была раньше? Никого за людей не считала. А сейчас хоть здороваться со всеми начала. Что ни говори, поумнела на старости лет.

— Вот, видишь, Варюша, даже люди замечают перемены, — улыбнулась Елена.

— И сколько же времени вы подавали за них? — заинтересовалась Варвара.

— Двадцать лет.

Варвара была в шоке: двадцать лет молиться за своих обидчиков?! Причем неотступно и постоянно! Нет, такое сразу трудно осмыслить. Мало кто такое потянет...

Не спеши осуждать

— Хочу рассказать тебе одну историю, - сказала однажды Варваре Нино Иадзе. — Моя тетя всю жизнь прожила в Кварели. Как-то в 37-м году пришли в деревню два еврея-ювелира. Стали они обходить все дворы и предлагать свои услуги:

— Кому надо кольца переделывать или новые заказывать?

Собрали таким образом много заказов. Моя тетя тоже отдала им кольцо на переделку. То ли не по размеру оно ей было или еще в чем-то была проблема.

Ювелиры обещали прийти через месяц, принести готовую работу. Месяц прошел, другой, нет и нет тех мастеров. Вся деревня, особенно те, кто дал свое золото, конечно, начали возмущаться:

— Где они до сих пор? Почему не идут?

Нашлись и такие, кто позлорадствовал:

— Чего еще от евреев ждать? Удрали они с нашим золотом. А вы, дураки, поверили хриstopродавцам!

Пошумели так и со временем забыли об этом случае. Дескать, что делать, ветер принес, ветер и унес.

Потом война началась. Тем более кольца те потерянные никто не вспомнил.

И вдруг как-то, в 48-м году, появился в деревне один из братьев-ювелиров. Уже постаревший, какой-то надломленный. Стал раздавать старые заказы. И рассказал, что в 37-м его с братом арестовали и дали десять лет лагерей. Один брат в Сибири умер, а этот вернулся в Грузию и первым делом решил отдать старые долги.

История эта потрясла всех.

— Так что не спеши, Варюша, никого осуждать, — закончила свой рассказ Нино.

Про Нону-бурчунью и духовную брань

Варвара не раз слыхала от Елены про духовную брань, но всерьез это как-то не воспринимала. И вот однажды...

Шла служба. Сбоку от алтаря стояла очередь исповедающихся. И вдруг в стройное пение хора вклинились бессвязные выкрики:

— Фашист! Негодяй! Целую неделю готовилась... Уж так держалась...

Все насмарку: до Причастия не допускает!

Перед очередью дергалась маленькая фигурка в берете и в черных очках, потрясая сухонькими кулачками. Окружающие шикали на нее.

— Держите себя в руках!

— Вы в храме находитесь!

— Выйдите отсюда!

— Не мешайте молитве!

И тем самым только подливали масла в огонь. Нарушительница тишины, отпихиваясь локтями, защищалась:

— А это не ваше дело! Заткнитесь, святоши!

«Святоши» в своем праведном гневе никак не хотели затыкаться. Из алтаря уже выглядывали иподьяконы.

Не знаю, как вам, а Варваре стало жалко эту маленькую крикунью. Точнее, даже не ее, а себя. Представилось моментально — это ведь ее, грешной Варвары, возможное будущее. Если сейчас еще кое-как удастся сдерживаться, то к шестидесяти годам нервы на ноль сойдут и будет бить из нее фонтаном то же самое.

И Варвара, подхватив крикунью под руку, повлекла ее к выходу, изливая на нее восточное красноречие, почерпнутое у старика Хоттабыча.

— Выйдемте-ка отсюда, солнышко! Давайте вот сюда, алмаз души нашей. Расскажите мне, кто вас обидел.

Женщина механически вышла за ней во двор. Тут, на свежем воздухе, она слегка остыла, вывалив предварительно по пунктам, что именно думает о священнике, не пустившем ее к Причастию.

Потом вдруг уставилась на Варвару, сверля ее голубыми глазами:

— Чего это ты меня так выслушиваешь?

— Я тебя хорошо понимаю, сама такая же.

— Правда? Неужели! — голубые глаза расширились в неподдельном изумлении. — Со мной же никто не общается. Даже не здороваются... твари позорные.

Ее тут же перекосило от нахлынувших воспоминаний и старых обид:

— Сколько я людям добра сделала, а они мной пренебрегают... У-у, зла на них не хватает!

Варвара запротестовала:

— Нет, это не совсем так. Вот один человек вас точно любит!

— Кто любит? — Женщина даже задохнулась от неожиданности.

— Отец Филарет! — удар пришелся прямо в яблочко.

— Он... да. Он знает, какая я на самом деле, — лицо ее тут же разгладилось и стало каким-то беззащитно-детским. — Он, родненький, знает, какая у меня душа... Хотя я и великая грешница... Я... я... ведь какую жизнь провела, — прикрыв глаза, качала головой. — Я же гной смердящий... Тьма тьмущая, во тьме ходячая... И покаяния нет во мне... Он меня за простоту любит... Я, если пьяницу или бомжа на улице увижу, ему последнее отдам, домой иду и от жалости плачу.

В глазах у нее заблестели слезы размером с горошину.

Варвара удивлялась резким перепадам ее настроения. В голове сами собой всплывали рассказы Елены о духовной брани:

— Знаешь, как отличить, кто находится рядом с человеком? Когда злишься или унываешь, значит, подступил к тебе лукавый, на свою волну настраивает, все больше и больше тебя заводит. А если ты в умиротворении и всех тебе жалко, а себя ничтожнее всех считаешь, значит, рядом твой Ангел-хранитель.

Нона, так звали женщину, тем временем занервничала:

— Ах, как курить хочется... Пойдем в лесок! Не могу я здесь, в святом месте.

По дороге в парк Нона не замолкала ни на минуту в самообличении:

— Вот ведь страсть гадкая. Никак от нее не избавлюсь... Уж как Боженьке молюсь, и все напрасно! Отец Филарет сказал, что как меня на курево потянет, чтоб я сразу за Евангелие бралась. А искушитель мне так мозги заморочит, что я и коснуться Евангелия не могу.

Варвара слушала, не встречая.

— Я как-то помолилась Божией Матери перед Ее иконой «Нечаянная радость» от всей души. И что ты думаешь? Как отрезало! Шесть месяцев никакого желания. И опять этот проклятый меня попутал! Убиралась я как-то на работе (тогда в одном учреждении подрабатывала). Вытряхиваю, как обычно, урны. Смотрю, начатая пачка «Мальборо» лежит. У меня глаза разгорелись. Такое добро пропадает! Я-то никогда его не пробовала. Дура, я дура! Выкурила одну сигарету, и все... С тех пор не могу избавиться... Иной раз на хлеб денег нет, а на сигареты последнее отдаю.

Табак явно настраивал Нону на философскую волну:

— Я что думаю, — рассуждала она, затягиваясь. — Почему я, когда с этой соской сию, совсем не психую, себя, грешницу, ругаю, а всех других так жалко — слов нет. А когда в церкви на Литургии стою, прямо как пантера лютая. Чуть кто толкнет случайно, готова глаза выцарапать. Из-за любого пустяка трясти начинает. Боюсь, чтоб insult меня не разбил. И так уж из-за нервов зоб у меня и сердце барахлит.

В это время мимо них прошли несколько школьников. Глянули в их сторону, почему-то засмеялись и побежали дальше.

Нона проводила их беззлобным взглядом:

— Эх, смеетесь, детишки, надо мной, страхолудиной. Я тоже раньше над такими, как я теперь, посмеивалась.. Не знала тогда, что, если кого в чем осудишь, сам потом в это же попадешь

Вот кошмар какой! — ужаснулась Варвара. Это что ж такое будет, если все, что она осуждала, на ее же голову свалится? Тогда туши свет, кидай гранату, и все будут от нее нос воротить. Недаром ей Елена на днях дала перфокарту, оставшуюся от ее программистского прошлого, на котором собственноручно вывела: «Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься недостатком какого-либо человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком». Так преподобный Никон Оптинский говорил.

Велела при себе носить и раз в день перечитывать. Носить-то Варвара носит, но читать, ясное дело, забывает.

И вынула тут эту грамоту — Ноне показать. Пристроилась уже Елене хвалебные песни петь, как Нона насторожилась:

— Это которая? С голубыми глазами и много на себя берет, да? Знаю ее, задаваку! Она еще к отцу Зурабу ходила в Михаила Тверского...

И понеслась она чехвостить Елену с отцом Зурабом вкупе, заводясь все больше и больше.

— А я о нем много хорошего слышала, — заикнулась было Варвара, но только вызвала очередной приступ ярости:

— Иди ты куда подальше! Защитница!

Словом, пришлось Варваре ретироваться обратно на службу. В церкви люди уже подходили к кресту. Варвару окликнула Зинаида, ее бессменный обличитель, — человек, убеленный сединами и с жизненным опытом. Вот и печется о младшей сестре во Христе.

— Куда тебя понесло с этой болящей? Я видела, как вы вышли. Нашла с кем общаться!

— У нее душа хрустальная, — пыталась втолковать ей Варвара. — Она из-за бомжей плачет, и такое мне рассказывала!

— Ты в церковь молиться ходишь или сплетни собирать? — не слушая ее, продолжала Зина. — погоди, попадешь ты с ней в историю!

В историю Варвара попала очень скоро. Заметила она как-то, что Нона в церкви уже вторую неделю не появляется. (Нона, не в пример Варваре, ходит всегда и службы не пропускает.) Вот и запаниковала неумная, стала ко всем приставать:

— Вы не знаете, где маленькая Нона на высоких каблуках? Она совсем одинокая. Вдруг что случилось?

Никто ничего толком не знал. Только Ольга-толстушка знала, где живет Нона.

— Знаешь, где мужик с рогами стоит? — начала она свое подробное объяснение.

— Чего-о?

— Ну, памятник такой на проспекте!

Насилу Варвара сообразила, что Ольга подразумевала скульптуру поэта Важи Пшавела — великана в бурке, а у ног оленьи рога лежат.

— От мужика того вправо пойдешь, — продолжала толстушка. — Там еще одна мегрелка майки на веревке развесила — продает. Посчитай от нее третий корпус. Зайди во двор и кричи погромче. Нона не всем дверь открывает.

Так оказалась Варвара в незнакомом дворе у корпуса-хрущевки и стала выкликать Нону.

На крик явилась какая-то внушительная тетка и поманила Варвару пальцем-сарделькой:

— Чего орешь? — спрашивает. — Кто такая?

— Нону ищу, — отрапортовала Варвара.

— А ты ее откуда знаешь? — тетка ощупала Варвару злыми глазами.

— С церкви.

Тут тетка завопила сиреной:

— Ах, вы еще и в церковь шастаете, алкаши проклятые! Еще и сюда, наглая твоя рожа, явилась, не запылилась, чтоб ее и дальше спаивать! Нону тогда пьяную соседи на улице подобрали и домой принесли. Сейчас смотрят за ней. Давай мотай отсюда, собутыльница, а то полицию вызову! — и пошла на Варвару мощной грудью.

Варвара струхнула и в бега кинулась. Тут не до объяснений.

— Ну что, нашла свою подругу? — с ехидцей спросила Зинаида при встрече. И, узнав подробности визита, со знанием дела заключила: — Нечего общаться с кем попало!

— А как же *«возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»*¹⁶? Должно же быть хотя бы элементарное общение между нами.

¹⁶ Диаконское возгласение на Литургии верных.

— Э-э, — Зинаида заметно погрузнела и смягчилась. — Думаешь, я тебя не понимаю? Я тоже так думала, когда в церковь пришла. Мне казалось, что здесь я встречу людей, от которых веет любовью, а выяснилось, что здесь те же страсти кипят, как у меня на работе. Поэтому и хотела тебя уберечь от лишних разочарований. Ходи, молись, и хватит с тебя. Не надо здесь самодеятельностью заниматься.

Скоро Нона снова появилась в церкви. Пришла к Варваре извиняться:

— Мне соседка рассказала, как ты приходила, и она тебя поперла, — Нона заплакала. — Прости меня, Христа ради. Из-за меня, грешницы, претерпела.

— Да ладно, проехали! — засмушалась Варвара.

В общем, помирились два ходячих осуждения. А надолго ли, неизвестно. Духовная брань — штука непредсказуемая.

Только Варваре после всей этой катавасии расхотелось вникать, что с кем в церкви происходит. Поумнела, наверное, или поняла: не каждый из духовной брани выходит победителем.

Прошли годы. Нона все так же ходит в ту же церковь, не пропуская ни одного праздника. Стоит все у той же иконы. И внешне она такая же, как была. А все-таки некоторые перемены налицо. С большинством прихожан у нее теперь наилучшие отношения. Того она обнимает, эту о детях расспрашивает. Кому-то из безработных хлебушек незаметно в сумку сует, а Варваре принесла однажды кусок сулугуни: «Мне подарили, а я столько не съем!» Иногда, бывает, психанет на толкнувшего ее прихожанина. Но какое сравнение с прошлым! Выходит, работает над собой человек, старается. И Варвара не раз замечала — люди в церкви меняются с Божией помощью. К слову сказать, меняется и Варвара. Пусть даже не сразу.

Нет худа без добра

— Новость знаешь? — спросила Варвару соседка. — Моему мужу только что инспектор из милиции рассказал. Значит, один человек остановил свой «БМВ» у ларька и купил четыре бутылки водки. Тут подходят к нему двое бугаев, похоже, из уголовников, и очень выразительно говорят:

— Гони сюда водку и ключи от машины, а иначе костей не соберешь.

— Мужики, может, оставите хоть бутылку на опохмел? — взмолился автовладелец, уж очень ему выпить хотелось.

Тут грабители врезали ему так, что бедняге плохо с сердцем стало, а сами сели в его машину и уехали. Еле живой, этот ограбленный доплелся до милиции и заявление написал. На всякий случай.

Пришел он домой расстроенный, а ему звонят из милиции:

— Вашу машину нашли за городом. Приезжайте на опознание.

Приехал он на опознание, а в машине два трупа тех самых бугаев и остатки недопитой водки.

Оказывается, как установила экспертиза, в ларьке торговали паленой водкой, известной под названием «легкая смерть». И тут этот мужчина в ошеломлении понял — его не ограбили, а помиловали. Ну и помчался со всех ног в церковь свечки ставить и благодарить Бога за то, что его от смерти спас.

Послесловие. Возможно, кто-то осудит Варвару с ее многочисленными искушениями. Но у преподобного Исаака Сирина сказано: «Без пощущения искушений невозможно познать истины». А Варвара ищет именно истину. И помощи ей, Господи.

Глава вторая. Современные были

Молитва по соглашению

Неказистый дом в Нахаловке — старом районе Тбилиси. Сад с вечно распахнутой калиткой. Поблизости кто-то поет нетрезвым голосом: «Банда из Ростова прибыла в Одессу совершать бандитские дела-а!» В тени на плитке жарятся баклажаны.

— Ты знаешь, я залетела, — сообщает мне Лида, накладывая на шипящую сковородку новую порцию овощей. — Придется аборт делать.

— А, может, не надо? Родишь второго.

— Сергей психует, не хочет. «Зачем мне этот ребёнок, — говорит. — Я еще молодой». Да и куда рожать? У него работа то есть, то нет. Ты же видишь — жить негде. Одна конура эта три на четыре метра. А братан его прямо зла не хватает, опять вчера к нам с топором ломился. Я вся на нервах. Этого-то пацана не знаешь, как воспитать. Весь в отца. Двух лет еще нет, а уже матюкается. Да и мне после кесарева пока рожать нельзя.

— Да, но раз Бог дает ребенка, то даст и возможность вырастить его. Все управится.

— Что управится? Проблема на проблеме. Как будто я против ребенка! Просто выхода нет. Пойду завтра договариваться. И не говори мне про Бога ничего. Без тебя знаю, что грех.

— Может, именно этого ребенка вам потом будет не хватать.

— Ох, перестань, пожалуйста. Нервы-то не железные. Мой-то, как начнет психовать, когда напьется, так тут все летает. Слышишь, вон его папаша концерт очередной выдает. Иди, имей дело с алкашами. У них это в крови. Объяснишь им, как же, что грех, а что нет.

Так мы и разошлись в гнетущем настроении: неужели все же аборт?

Редкое счастье в наше время -- встретить духовно грамотного человека, у которого можно получить ответ на трудный вопрос. Именно с этой целью иду я к моей сестре во Христе и рассказываю ей о Лиде. Чем дальше она слушает, тем сильнее переживает и, волнуясь, крестится на образ Спасителя:

— Господи, останови Ты ее! Сохрани эту жизнь! — И, обернувшись ко мне, говорит: —Этого аборта ни в коем случае нельзя допустить. Ведь она потом себя никогда не простит. — Голос ее звенит. — Скажи ей, что когда супруги убивают вот так своих детей, их брак духовно умирает. И дело кончается разводом. Расскажи ей мою историю. Про мои аборты и как мне пришлось расплачиваться за это.

— А удобно ли?

— Дело тут не в стеснении. Если мое горе удержит ее от греха, то это и мои падения хоть как-то прикроет. Мне ведь до конца жизни эти грехи отмаливать.

—Бесполезно. Лида все уже решила. Да и срок после кесарева очень маленький -- год.

— Ну и что? Я знаю нескольких женщин, каждый год рожавших кесаревым, и все было благополучно. Знаешь, не теряй времени, обзванивай всех наших. Давайте все вместе в девять утра читать молитву по соглашению, чтобы Господь отвел ее от этого убийства. Ведь ребенок уже существует, все чувствует, просто его пока не видно. И вот на тебе деньги – подай записку на Литургию. Я верю, Господь сотворит чудо, но нужна наша общая молитва.

Спешу в церковь подать записку. Проходит день, другой. Предупрежденные, их четверо-пятеро, читают каждый у себя дома молитву по соглашению о человеке, которого не знают, зная только о том, что просят все одновременно сохранить жизнь ребенку.

Прошла неделя, и я снова во дворе с незапирающейся калиткой. В пристройке слышна чья-то ругань с непечатными выражениями. Выходит Лида. Смотрю, вся светится.

— Ну, наконец-то, — обнимает меня. — Я тебе новость скажу — ты сейчас больше меня обрадуешься. Я оставляю!

— Вот это да! И как ты решилась?

— После твоего ухода я долго думала, говорила про себя: «Господи, сделай что-нибудь». Потом пошли с Сергеем к врачу, уже и деньги достали. А там плакат во всю стену, как будто ребенок пишет: «Мама, не убивай меня». Я заплакала и мужу показываю: «Смотри, — говорю, — сил моих нет». Ну, он, конечно, свое: «Да пошла ты!» А врач, который нас на операцию ждал, вдруг стал с Сергеем разговаривать. Объяснил, что, может, у нас вообще детей больше не будет, и уговорил оставить. Сергей как-то притих, согласился, а теперь говорит: «Девочку хочу».

После этого разговора прошло несколько месяцев, и была еще серия чудес. Лиду, изнемогавшую от постоянных пьянок-гулянок во дворе, сестра пригласила рожать к себе в Россию.

Зимой, когда у маляров мертвый сезон, Сергей достал деньги на дорогу и отправил жену самолетом.

Доехала она до Иванова нормально. Рассказывала потом, как совершенно незнакомые люди помогали ей в дороге. Роды прошли благополучно. И как-то утром, читая уже привычную молитву по соглашению, чувствую: больше читать не надо, Лида с детьми уже дома. Бегу узнать. И правда!

— Поздравь меня, — кричит мне Лида. — У меня девочка! А как ты узнала, что я приехала? Я же не звонила.

* * *

Верен Господь в обетованиях, и я не раз убеждалась, как помогает молитва по соглашению. Вот еще недавний случай.

Зима. Мы вдвоем заходим в жарко натопленный дом. За перегородкой из старой раскладушки блеет и мучается коза.

— Ой, как хорошо, что вы пришли, — встречает нас хозяйка. — А у меня тут коза пять часов мучается и не может родить. Давайте сейчас же прочтем молитву по соглашению.

Не раздеваясь, мы начинаем читать, повернувшись к иконам: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий ...»

И едва успеваем провозгласить хором: «Да будет во веки воля Твоя. Аминь», как тут же слышим: «Ме-е...»

Козленок родился.

Оптимист Лука

Эта поразительная история о Промысле Божиим началась самым тривиальным образом.

— Соседи мои совсем на ноль сошли, — как-то сообщила мне моя подруга Рита. — У Кобы уже сколько времени работы нет! Вчера забрал из банка инвалидную пенсию ребенка за несколько месяцев и все отдал квартирной хозяйке.

— А что с ребенком?

— Руки что есть, что нет: не действуют. Все ногами делает: и кушает, и играет, и рисует. Лукой зовут. А так — обычный шестилетний мальчишка. По машинкам с ума сходит. Планы на жизнь строит. На Насте жениться собирается. Говорит нам: «Все будет хорошо!»

Тогда еще никто из нас не знал, что получится из этого обыкновенного телефонного разговора.

Но рассказ о Луке так подействовал на меня, что я стала специально расспрашивать Риту о ее соседях. В итоге написала рассказ — гимн оптимизму «Все будет хорошо» — и со ссылкой на видео о Луке послала в газету «Вера», которая выходит в Сыктывкаре. Рассказ напечатали, и разные люди стали интересоваться Лукой, спрашивать в письмах по электронке, что у него нового. Я с досадой отвечала, что ничего нового нет. И откуда взяться приятным известиям, если семье, у которой постоянные долги за хлеб в магазине, просто нереально собрать деньги на операцию сыну. Ну, стоят в двух супермаркетах у касс копилки с портретом Луки и его диагнозом — артрогрипоз. Кидают туда люди мелочь от случая к случаю — вот и все достижения на финансовом фронте. Так полвека собирать можно. А вот другое неодолимое препятствие: такие операции делают только в России и во Франции, а для простых людей из Грузии это опять-таки недостижимо. Россия хоть и близко, но без родственной визы граждан Грузии туда не пускают, а Франция — слишком далеко. Был бы дом, продали бы, а только дома нет. Родители Луки как поженились, с тех пор вечные квартиранты.

Было стыдно от собственного бессилия — ведь болезнь Луки излечима, а только чем тут можно помочь? И тогда Нина Александровна Павлова, автор «Пасхи красной»¹⁷, обратилась за помощью к читателям сайта ПРАВОСЛАВИЕ.RU, рассказав о болезни Луки. Я отнеслась к этой публикации крайне скептически. Кому в России интересен грузинский мальчик-инвалид, да еще на фоне недружелюбных настроений в СМИ? Но как же я ошибалась! Из России, Украины, Белоруссии, из Германии — всех стран не перечислить — хлынул поток денежных переводов маме Луки. Кто-то прислал крупную сумму, кто-то

¹⁷ Павлова Н.П. Пасха красная. О трех Оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года. — М.: Альта-Принт, 2008.

двести рублей. Но людей со скромным достатком и равнодушных к чужому горю оказалось так много, что в итоге собрали около 16 000 долларов.

Мама Луки Нино написала тогда в ошеломлении: «Мы ведь с мужем уже были в отчаянии, полагая, что наш сын навсегда останется инвалидом. И вдруг появились эти деньги с Неба! У меня нет слов, чтобы поблагодарить всех, и я готова целовать ноги каждому».

Родители Луки тут же переслали медицинские документы сына во французскую клинику, и оттуда пришло приглашение на операцию. Они спешно собрали необходимые справки и подали в Посольство Франции прошение на выезд для лечения сына. После мучительного ожидания ответ был такой: Франция может принять, но Грузия не отпускает.

С Нино, мамой Луки, случился тогда нервный срыв, и она отчаянно рыдала, не понимая: как так — шесть лет с болью смотреть на мучения ребенка, считать копейки, а тут падает с неба нужная сумма, но выехать на лечение запрещает родное государство?

Вероятно, стоит сказать про переписку Нины Александровны с Нино. Искушений и непонимания тут хватало с лихвой. Во-первых, потому, что сама Нино по-русски писать не может, и моя крестница Аня писала под ее диктовку письма на условно русском языке. Во-вторых, сама Аня и родители Луки были в ту пору людьми не церковными, но с горячностью уверяли, что веруют в Бога. Им было даже обидно читать, что Нина Александровна пишет им, таким верующим, почему-то про церковь и даже передает благословение старца почаще причащать Луку. Причем тут церковь, если нужна операция? Что это изменит в их ситуации? Я популярно переводила эту переписку с русского на русский. В итоге Лука и Анна причастились впервые в жизни.

И вдруг произошел какой-то невидимый толчок в застопорившейся ситуации. Как раз в ту пору на сайте ПРАВОСЛАВИЕ.RU был опубликован мой

рассказ «Молитва по соглашению» с послесловием и просьбой к читателям присоединиться к нашей общей молитве об исцелении Луки. Честно говоря, я даже не надеялась на отклики читателей, ведь у людей и без Луки своих проблем полно. И вдруг произошел массовый прорыв: православные России, Украины, Белоруссии, Грузии стали ежедневно в девять вечера по московскому времени (так мы договорились) читать молитву об исцелении младенца Луки. Вот эта известная еще нашим предкам молитва:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Ты сказал пречистыми устами Твоими: “Истинно говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни просили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их”. Непреложны словеса Твои, Господи, милосердие твое бесприкладно и человеколюбию Твоему нет конца. Сего ради молим Тебя: даруй нам, рабам Твоим (имена просящих), согласившимся просить Тебя о (прошение), исполнение нашего прошения. Но да будет не так, как мы хотим, но как Ты, Господи, — да будет во веки воля Твоя. Аминь .

Родители Луки спешно выучили эту молитву наизусть, взяли с собой бутылку масла, освященного у мощей святого Гавриила (Ургебадзе) и решили на свой страх и риск нелегально пересечь несколько границ, чтобы добраться до клиники во Франции. Долетели самолетом до Минска, оттуда поездом до Бреста, где они надеялись пересечь польскую границу, чтобы потом через всю Европу на автобусах или пешком пробираться во Францию, в ту самую клинику, где врачи уже ждут Луку.

Кто-то назовет это путешествие безумием — с больным ребенком на руках, с минимумом вещей, с ночевками на вокзалах и в парках. Но этой семье нечего было терять.

На польской границе нелегалов затормозили, поскольку компьютер выдал информацию, что этой семье еще в Тбилиси отказали в визе во Францию, а стало быть, въезд в Европу им запрещен. Надо было возвращаться восвояси или впасть в уныние от бездействия. Но Нино с воодушевлением писала тогда: «Будто какая-то сила ведет нас вперед. Мы уже сердцем чувствовали, что люди молятся за нас и наша надежда — Бог». На следующий день глава семейства Коба отправился умолять пограничников пропустить их в Польшу. К сожалению, русский язык у Кобы на уровне того джентльменского набора, когда «твоя наврала — моя не поняла». И он лишь твердил: «больной ребенок», «лечение», «ради Бога» — и показывал им недоразвитые руки сыночка. Хорошо, что рядом оказались грузины, переводившие его монолог на английский. Нино слушала их, замерев, а душа ее вопияла к Богу.

Что сработало, непонятно. Но когда в толпе обладателей шенгенских виз семья перешла через границу в Польшу, то пограничники как бы «не заметили» их.

В Польше наши нелегалы попали в лагерь для беженцев. Короткие сводки: «С нами много чеченцев. Лука катает ногами машинки в песке, все чеченцы сбегались смотреть на это чудо. Жуткие условия и антисанитария». В лагере их ждала лишь депортация на родину. Они решили оттуда сбежать, но их поймали и вернули в лагерь. И тогда они снова сбежали, добравшись уже до границ Франции.

А на границе опять случилось некое чудо: пограничники у всех проверяли паспорта и визы, но их почему-то не стали проверять. Так они добрались до Лиона, где их ждали друзья из Грузии и где, оказывается, есть русская православная церковь. Теперь мама и папа каждую неделю водят сюда Луку на причастие и уже понимают, почему это нужно.

Луке, как сказали французские врачи, после операции понадобится дорогостоящий и долгий курс реабилитации. Короче, наблюдаться надо годами. Но если получить статус беженцев, то лечить мальчика будут бесплатно. Вот и ходят родители Луки по кабинетам, взывая о милосердии. Нет, они законопослушные граждане и ничего не хотели нарушать. Но как вести себя в том противостоянии, когда с одной стороны — страдающий больной ребенок, а с другой — несколько могущественных государств, обрекающих его «по закону» на пожизненные мучения и инвалидность?

И все-таки известия из Франции пока оптимистичны: «Нам дали временное жилье и оплачивают еду до операции. Луке назначили курс массажа, это тоже бесплатно. А еще ходим в поликлинику и собираем необходимые анализы для операции. Возможно, операцию сделают летом». Но когда это будет, знает лишь Бог.

А вот самое радостное известие: во Франции Лука пошел в школу. Специально для него сделали низкую широкую парту, на которой он пишет ногами французские буквы. Наконец, во Франции он нашел друзей и играет с ними в футбол.

«Какое счастье — видеть улыбку на лице сына!» — пишет Нино. Не знаю, чем закончится эта история, но Лука по-прежнему утверждает: «Все будет хорошо».

После Светлой заутрени

Пасхальная заутреня уже отошла. В церкви то тут, то там кучкуются прихожане: расходиться не хочется. Настроение у всех соответствующее — Христос Воскресе!

Недалеко от солеи стоит широкоплечий мужик в джинсовой модной варенке и в сверкающей магазинной белизной рубашке. Рядом остроносая бабка в синтетической косынке с блестками и в куцем матерчатом пальто, давно потерявшем свой изначальный цвет. Это певчая с нижнего клироса (на верхнем клиросе публика почище — оперные платные певцы, а на нижнем — бабки-пенсионерки, поющие «ради Христа», т.е. бесплатно). Мужик делится впечатлениями о пережитом посте.

— Ну, я постился, знаешь, на всю катушку. На хлебе и воде сидел. Чуть копыта не откинул.

— Душе во спасение, — подпевает косынка с блестками. — Святое дело, сынок.

— Так, понимаешь, постился, — тянет свое обладатель варенки. — Только, знаешь, одной водкой держался. Без нее как же? Совсем кранты.

Косынка и на это одобряюще кивает:

— Это ничего, сынок. Бывает. Не согрешишь — не покаешься. Вот в одном житии сказано...

— Ребята, понимаешь, сколько раз звали: «Пойдем, Вася, шашлычок, рыбка на природе. Что ты как не родной?» А я, знаешь, как кремень, на сухой отказ иду. «Пост, — говорю, — у меня, и точка».

— Это, конечно. Как же без искушения, — стрекочет остроносая бабка. — Без искушения нет спасения. Вот, помню, один святой...

Докончить мысль ей, видно, было не суждено. Возле них нарисовался нищий с засаленной кепкой и с заученной фразой. Пользуясь всеобщей эйфорией, он переходил от кучки к кучке — собирал мелочь. Хорошо, что молодые парни-псаломщики не заметили, а то бы вывели — внутри церкви милостыню просить и верующих от молитвы отвлекать не положено.

— Это еще что? — покосился кремень-постник на протянутую кепку.

— Это брат во Христе святую милостыньку собирает, — зачастила бабка.
— Наш человек?

— А как же. Наш, как есть наш.

«Наш человек» в подтверждение бабкиных слов что-то загундосил короткими очередями.

— Ну, раз наш, — медленно протянул постник, — тогда поможем. — И полез в карман. После долгих и тщательных поисков была найдена монета в пять тетри (это меньше рубля, а проще, медный грош). — На тебе, — (монетка упала в глубокую, как мешок, кепку), — во славу Божию! — благочестиво, как подобает случаю, сказал обладатель многочисленных карманов. — А теперь иди отсюда, не мельтеши перед глазами. Мне благодарственные молитвы читать надо. Я сегодня причастник. — И достал из нагрудного кармана новенький миниатюрный молитвослов, поясняя бабке: — Вот, мать, всегда у сердца ношу, рядом с мобильником, как самое главное.

Он раскрыл молитвослов и, широко осеняя себя крестом, стал читать:

— Слава Тебе, Боже!

* * *

Ни одна милостыня, какой бы мизерной она ни была, не пропадает бесследно, и в житии святого праведного Петра, бывшего мытаря, рассказывается следующее. Был Петр главным сборщиком податей в Африке, и был он человеком жестоким и немилосердным. Однажды он вез хлеба для княжеского дома, и увязался за ним нищий, выпрашивая подаяние. В гневе Петр хотел швырнуть в попрошайку камнем, но камня под рукой не оказалось, и он швырнул в него буханкой хлеба.

Вскоре Петр тяжело заболел, и в предсмертном видении ему было открыто, как на Страшном Судилище взвешивают на весах его добрые и злые дела. Добрых дел у него не оказалось. Чаша со злыми делами стремительно

клонилась вниз. И тут некие светоносные мужи возвестили, что Петр однажды, пусть поневоле, подал милостыню нищему. И когда эту буханку положили на весы, то она перетянула все сотворенное мытарем зло.

Вот и стал после этого Петр великим христианским подвижником и жил одной мыслью: как помочь ближним? Он роздал все свое несметное богатство нищим и, уже не имея ничего, продал в рабство себя, чтобы на вырученные деньги помочь беднякам.

Нам таких подвигов сегодня не понести. И все же будем помнить предупреждение святителя Иоанна Златоуста: «Без милостыни и молитва бесплодна».

Инопланетянка

Раннее утро. Кето в иконном углу у окна читает про себя утреннее правило. Угол у нее внушительный — весь завешан бумажными иконками, вырезанными из календарей. Впереди, перед горячей лампадой, четырехконечный сосновый обрубок на манер взмывающего в небо самолета. Он, по замыслу Кето, олицетворяет крест святой Нины из виноградной лозы. Кето уже перешла к главному прошению — самочинно составленной молитве за Грузию и за все оставшееся человечество: «Господи, сделай так, чтобы Грузия была сильной, независимой и процветающей и чтобы никто из грузин не нуждался. Помоги и всем людям на земле, подай им по их прошениям».

Хотела ещё Кето одно словечко за нищих Грузии замолвить, да не вышло. В этот важный в патриотическом смысле момент с улицы донёсся лай собачьей своры.

— Тьфу, — выругалась Кето, употребив по привычке крепкое выражение, так хорошо известное в ее деревне, но не нашедшее места в молитвослове, — весь настрой испортили!

И, психуя, отдернула занавеску. Так и есть. Света, местный гиж — считай, сумасшедшая, — идет с потрепанными сумками в окружении десятка собак в парк.

Нет, только русские умеют так сходить с ума из-за животных. Виданное ли дело, чтоб человек в наше время два раза в день носился с уличными собаками и кормил их мясом? Гиж она и есть гиж.

И соседи ее правильно ругают. Собаки целый день валяются у ее подъезда, ждут кормежку. Иди, пройди мимо них — облают.

Сто раз права Тинико, шестнадцатилетняя дочка Кето, спящая сейчас в обнимку с мобильником, когда говорит, что Света — инопланетянка. Лучше бы о людях, непутевая, думала. Как Кето, например.

Итак, на чем Кето остановилась? Ах, да, на молитве за Грузию. Но настроение явно испорчено. Лучше уж телевизор включить — посмотреть, какую еще глупость отмочило правительство (вразуми его, Господи!).

Света тем временем шла по своему ежедневному маршруту в окружении верных четвероногих спутников. Вот она поравнялась с мусорщиком Сакулом. Сакул, в новой оранжевой жилетке с синей эмблемой мэрии, опершись на приплюснутую метлу, пополоскал правой рукой в воздухе — поприветствовал ее:

— Доброе утро, Света! Ты бы лучше десять овец завела. Хоть мясо мало-мало иногда кушала! — И чуть потише добавил: — Ай-ай! Совсем кишмиш твоё дело.

Света, не удостоив его ответом, прошествовала дальше. Интересно, кем Сакул себя воображает? Брежневым на Мавзолее? Что он там наболтал про кишмиш? Намек, паразит, сделал, что она, Света, старая, сморщенная, как кишмиш, а ума все нет и не будет. Да еще, наверное, на ее старомодную одежду и стоптанные туфли глазел.

Вот дожила! Даже последний курд-мусорщик, и тот в глаза смеется. Что уж о грузинах говорить. Они разве люди? Бездушные бездельники, показушники несчастные! Разве они могут ее понять? Вот у Хромушки глаза человечьи. Собака, а все без слов понимает, телепатически.

Рука сама потянулась погладить черную кудлатую псину. А та и рада: хвостом виляет, в положение входит. Охо-хо-хо, сказал бы кто Свете двадцать лет назад про ее плачевное состояние сегодня, наверно, наплевала бы тому в его бесстыжие глаза.

Тогда, защитив в Москве диссертацию и получив корочки кандидата медицинских наук, столько радужных планов строила! Ведь она, Света, весь Советский Союз объездила, чего только не видела: конференции, симпозиумы и столько интересных людей. И куда это потом все исчезло? «Как сон, как утренний туман»...

Семейная жизнь у нее не сложилась. Ну и что? Зато еще оставалась интересная любимая работа.

Когда стукнуло сорок, захотела она взять ребенка. И это не сбылось. Родные проявили эгоизм, все были против: «Откуда ты знаешь, какая у него генетика? А может, алкашом вырастет? Замучаешься с ним потом!»

Не взяла. Надо было настоять на своем. Была бы сейчас живая душа рядом.

А потом жизнь Светы вообще под откос покатила. Союз распался. Никому не нужны были ни ее лабораторные исследования, ни ее знания. Надо было выживать всеми возможными способами: продавать вещи, работать уборщицей в богатых семьях и пить горькую чашу унижений от людей, которые по всем статьям ниже тебя. Каково слышать в спину отвратительный горделивый шепот:

— Наша-то уборщица — кандидат наук! — объясняла хозяйка своим гостям.

И откуда она только узнала? В Тбилиси ничего не скроешь — все друг про друга все знают.

Гости непритворно удивлялись:

— Ва-а! Где достали? А наша только техникум закончила. Но тоже неплохо работает.

Э-э, все прошло. И остались только они: Рыжуха, Бомбора, Пеле, Бобик и еще три-четыре приبلудившихся без имен. Вот из-за них, из-за собачей радости в глазах и восторженного скулежа с подвыванием и таскает Света ежедневно тяжеленные сумки с банками и мисками, чтобы разливать суп дворнягам.

Дома у нее целый зоопарк — три свои собаки и четыре кошки, подобранные в разное время на улице. Просто не смогла пройти мимо, и все тут.

Сколько с ней, Светой, соседи ругались из-за собак! И из своего дома, и из чужих, напротив!

Вон окна ее старой врагини пучеглазой Кето. Небось, зенками ее, Свету, из-за занавесок провожает и гадость какую-нибудь вслед говорит. Как-то поцапались они из-за собачьих какашек под ее окном. Кето даже религию приплела: «Богу, — говорит, — не угодно, чтоб так из-за собак с ума сходить!» Это, видите ли, идолопоклонство. У нее забыли спросить!

Света тогда плюнула от злости пучеглазой под ноги и сказала пару ласковых. У нее свое понятие о Боге. Ей, Свете, по церквам мотаться некогда. Вон, орава какая!

Последнее время нервы совсем никуда стали. И сердце так бьется, что вот-вот выскочит из груди. А сумки с базара, мясными обрезками набитые, словно гири стопудовые для Светы.

Ну и пусть соседи-чистоплюи ее сумасшедшей считают. Ведь им не объяснишь, что так, может, Света свои грехи замаливает. Тогда, в молодости, опыты на щенках ставила, желудки им оперировала и много всякой химической дряни в их беззащитные тельца вводила. Для пользы науки. А щенки те, что дети, так и смотрят теперь на нее во сне вопрошающе: «За что?»

Потому и не может она сейчас этих дворняг кинуть. Себе в еде откажет, а им, разномастным, последнее отдаст. Так, незаметно, за внутренним разговором, пришло время возвращаться домой, к оставленным делам.

Кето как раз закончила уборку, когда увидела Свету с собачьим эскортом, идущую обратно. Покачала головой:

— Вай, вай, несчастная. Тебя, видно, кто-то проклял по-еврейски.

Бабка Кето, Гурандухт, рассказывала, что нет ничего страшнее еврейского проклятия: «Чтоб ты сам не понимал, не знал и других совета не слушал!»

Кето вздохнула:

— Тебе б мозги, а мне бы деньги! Вот бездельница!

Улица постепенно оживала. Кто-то заводил машину, кто-то спешил за банкой мацони, дети стайками шли в школу. Света скрылась в своем подъезде. Прошло еще полчаса.

Вдруг раздался душераздирающий собачий визг. В соседних окнах появились головы — посмотреть, что случилось. И тут же многие задернули занавески. Ничего особенного. Парень-дистрибьютор, таская ящики с хлебом, пнул ногой маленькую собачонку.

На визг выскочила и Света на свой балкон. Куда ж без нее. И закричала на всю улицу:

— Что она тебе сделала, эта собака, негодяй? А? Вот я сейчас спущусь!

Парня давно и след простыл, а тут такая реакция. Продавщица Лили, пересчитывая принесенные батоны, покрутила пальцем у виска и вздохнула:

— Ох, что эта жизнь с людьми делает!

Кето еще раз выглянула из окна на зализывающую бок неказистую дворняжку. Станные мысли, которых раньше не было, закопошились в ее голове. Что это она недавно читала в журнале «Карибче»? Вроде, случай про Иоанна Кронштадтского и девушку-инвалида, сказавшую, что она, мол, всем лишняя. На что святой ответил в таком роде: «Мой Господь не создавал ничего лишнего. Даже муравей имеет свое предназначение!»

По такой логике выходило, что и эта бестолковая Света нужна, да еще и как. Если бы не Света, то собак и защитить некому. Что-то она последнее время еле ходит, на палку опирается. Совсем, видно, сдала. Надо ее поддержать, а то все, конец без нее собакам. Тоже страдальцы...

И, окрыленная неожиданной идеей, Кето поспешила на кухню. По-быстрому собрала всякую всячину: круглый хачапури, несколько печений и вчерашние хинкали (сама пускай потом разогреет) и бросилась набирать Светин телефон.

Светин номер знал наизусть весь околоток. Когда уличные собаки не давали кому-нибудь прохода, сразу кидались звонить собачнице с требованием: «Убери своих псов!»

— Слюшь, Света! Это я, твой соседка Кето!

Ничего, что у Кето русский в том же объеме, как у «Отца солдата». Издержки деревенской школы. Главное, благородная цель — человека предупредить, что Кето не газовщик, явившийся отключать газ за долги. А то, если резко в дверь позвонить, Света еще и дверь не откроет, кинется счетчик перекручивать.

В трубке висело напряженное молчание.

— Э-э! — занервничала Кето — Слышь, что говорю! Голос дай, ну! Аткрой дверь! Я сичас приду! Дело есть!

— Приходи, — последовал неуверенный ответ.

И Кето, бросив трубку, бодро зашагала через дорогу к подъезду Светы с важной миротворческой миссией — налаживать дипломатические отношения.

Из «совкового» поколения

Пересматривая старые советские фильмы, нередко удивляюсь многим героям: хотя и в безбожное время жили, а видятся как настоящие христиане. Без пяти минут православные. И даже многие коммунисты и атеисты — просто готовая форма для горячего, убежденного верующего. Поменять знак — и перед нами христианин первых времен, бессребреник, мученик, проповедник. В героях советских фильмов и книг есть соль. Сегодня человек организует партсобрание, а завтра коснется его души Христос, и он положит партбилет на стол и умрет за Господа. Совсем не сложно будет все отдать Ему — он и раньше все отдавал. И положит душу свою за други своя — он и раньше ее полагал. Ему даже богатства не нужно будет раздавать — он ничего не нажил. Ему не привыкать делиться и ставить ближнего впереди себя, а общественное выше личного — он это делает с детства.

Недаром и протоиерей Димитрий Дудко, полжизни проведенный в тюрьмах и гонениях за веру и служивший в московских храмах едва ли не меньше, чем сидел по ложным обвинениям, все-таки был убежден, что коммунизм лучше капитализма: в коммунизме личность хотя и деформирована, но сохранна. А в развратном обществе личность разлагается. Безбожнику легче принять Христа, чем развращенному.

Людмила Селенская. [О советском кино и современном Православии](#)

В воскресенье Варвара и Светлана Шалвовна решили посидеть у Дины. Расположились на кухне, наблюдая, как Дина готовит пиццу.

«Слана Шална», как ее звали скороговоркой, – это их с Диной общая знакомая, мастер из ПТУ. Для Варвары – единственный человек, с кем она давно не дерзала спорить. Зато ей можно было сказать абсолютно все, даже такое, что тщательно скрывалось от родителей. Ни тебе истерических реакций, ни прессинга и мозговывимания: «Говорила же я тебе!..» Вместо этого — сопереживание да еще опыт житейский, многократно помноженный на реальные истории учениц разных годов выпуска.

Сначала говорили про общих знакомых, и вдруг Шалвовна спросила у хлопчущей хозяйки:

— Ты чего второго не рожаешь? А?

Точно с такой же интонацией она требовала ответ двадцать пять лет назад в цехе Трикотажки: «Ты чего прядильную машину всю в мычке оставила? Почему плохо смену сдала?!»

— Куда второго? — Дина чуть противень с пиццей не выронила от неожиданности. — У мужа работа то есть, то нет. Мы не в богатом Чикаго живем!

— Замолчи, сорока ты этакая, — Шалвовна всегда умела двумя словами перекрыть любой поток самооправданий. — Еще географии меня поучи!

— У меня, знаете, Слана Шална, сильная депрессия! — выдвинула Дина главный козырь как помеху деторождению.

— Ой, не ерунди, пожалуйста! Откуда ты ее выкопала, эту депрессию? Все при тебе: муж, ребенок, квартира — хоть на велосипеде катайся. При мне хоть такое слово не говори! – и поправила смятое полотенце на стуле.

Диана скользнула взглядом по ее руке с бугристыми суставами и замолчала...

В 1990-е годы, когда ПТУ закрылось, Светлана Шалвовна усыновила трех племянников- сирот и еще параллельно этому досматривала мать, умирающую от диабета. Все эти подвиги — на фоне уборок чужих квартир и таскания ведер воды на шестой этаж. Тогда в Варкетили неделями люди сидели без света и воды. На дрова денег не было, и приходилось наматывать километры, собирая хворост и шишки зимой для обогрева. Такого комплексного хождения по мукам не было ни у кого из Варвариных друзей.

Пока Дина перетаскивала посуду на парадный стол, чтобы «культурно посидеть, как люди в Голливуде», Варваре вспомнилась на миг такая картинка из совместного прошлого.

1996 год.

—Ну как съездили? – спросила она тогда Светлану Шалвовну, когда та вернулась после поездки в Россию за племянниками.

— Да, слава Богу. Так все получилось, что я и не ожидала. Я как получила телеграмму, что моя невестка погибла, брат в тюрьме, а их четверо детей сами себе предоставлены, так вообще себя не помнила. Пожар в голове. Как такое могло случиться? Поговорила я с мужем, что, мол, делать. Ты же знаешь, у него и характер сложный, и здоровье не то уже (на один глаз слепой), да плюс возраст: шестьдесят восемь лет, не мальчик. Оба мы инвалиды. Он говорит: «Надо забирать детей». Одолжили мы сто долларов и поехали. Сперва на автобусе, потом на поезде, потом опять пересадка. Это не шутка – ехать из Тбилиси в российскую глушь через десять границ (кто их только понаставил?!). Причем едем и не знаем, на какие деньги будем оттуда возвращаться. Приехали. Брат в КПЗ, в райцентре. Невестку уже похоронили. Убили в драке алкаши. Ей всего двадцать девять лет было. Царство Небесное, вечный покой... Дети запуганные, травмированные, старшему десять, остальным девчонкам восемь, шесть и три года. Надо срочно ехать. Выяснила я, что брат мой перед тем, как

всему этому случиться, заработал на ферме два миллиона русскими деньгами. Пошла в кассу. Ответ известный: «Денег нет. Весь Ивановский район уже полгода не получал ни зарплат, ни пенсий». Я им говорю: «А для меня деньги найдите. Я с вами не через дорогу живу. Откуда куда приехала! Мне сирот надо вывозить. Я у вас не на свадьбу прошу!» И чего я им такое сравнение привела — сама не знаю. Видимо, Бог меня надоумил. Только смотрю: кассиры зашушукались и говорят мне потихоньку: «Приходите завтра, выдадим».

Пришла я на другой день, деньги получила и пошла детей собирать в дорогу. Уезжаем — слышим в сельсовете гвалт. В деревне все-таки узнали, что мне деньги выдали. Приехала главбух и ругает кассиров, зачем два миллиона отдали. Оказывается, дочка у нее скоро замуж выходит, вот она и спрятала эту сумму дочке на свадьбу. А когда я случайно про свадьбу сказала, кассиры решили, что я все знаю, перетрусили и потому дали. Я хоть в религии особо не разбираюсь, только слышала, что сиротам Бог помогает. Думаю, это правда... Год назад, ты знаешь, я умирала и выжила. Все говорили: чудо. А теперь понятно, почему. Ради них вот, — она кивнула на привезенных девочек, — мне была жизнь продлена. Я всю жизнь мечтала иметь ребенка, и не дано было, а сейчас вот в пятьдесят лет троих получила. Четвертую моя сестра забрала. И еще, знаешь, не перестаю удивляться. Ехала сюда, думала: во что же я их одену? Так понабежали мои подруги, как узнали, что случилось, сумками нанесли тряпок — некуда складывать...

Именно тогда, в 1990-е, беспартийная коммунистка, мастер производственного обучения, обладательница ордена Трудовой Славы 3-й степени и прочая и прочая, как-то незаметно стала верующей. И сейчас совсем не удивительно было слышать, как Шалвовна выпрашивала у Дины:

— Ты почему такая нервная? А, девушка? От хорошей жизни, что ли, моча в голову ударила? Ты вообще в церковь ходишь?

Дина, как могла, оправдывалась:

— Я ходила. Но полностью разочаровалась. И бабки там такие противные. Помню, мне было восемнадцать лет. Волосы длинные, под косынку не помещались. Одна такая, ну точно Баба-Яга из мультфильма, схватила меня за мой «хвост» и шипит: «Что ты венчик свой распустила, как блудница?!» А я ни с кем даже тогда не целовалась. Еле сдерживалась тогда, чтоб не захватить этой старой перечнице. Я потом к баптистам перешла. Они более современные. И не грузят так: косынка, юбка и прочее. Богу, мол, сердце нужно, а не прикид.

— Да оставь ты этих бабок в покое. Ты к Богу ходи, а не к людям. И меньше смотри, что по сторонам делается.

— Оф, я так не могу, — занервничала Дина. — Прямо вот так никого не видеть и только поклоны бить. Не семнадцатый век!

Шалвовна не среагировала на скрытый выпад.

— Ты просто до этого еще не доросла, — ответила ей миролюбиво. — Я в твоём возрасте ни о чём таком не думала. Только работой и жила. Смешно сказать, в светлое будущее коммунизма верила и, как могла, хотела его приблизить. Все с себя стружку снимала и вас, дурех, гоняла...

«Гонки» были, конечно, на уровне стахановских стандартов. Шалвовна внедряла моральные устои железной рукой. Действовал строжайший дресс-код: на территории ПТУ никакой косметики, никаких джинсов и ультрамодных лохматых причёсок. Если челка воспитанницы отрастала до недопустимой длины, наставница публично делала два замечания, а на третий раз приносила туповатые ножницы. Дальше разыгрывались трагикомедии в стиле Петра I и стрижки непокорных бояр.

Детдомовским, живущим в общежитии, доставалось еще больше. За полчаса до начала занятий мастер обходила их комнаты с проверкой на предмет чистоты. Нарушителей было жалко заранее.

В итоге все группы Светланы Шалвовны всегда были показательными в труде, в учебе и культмассовых мероприятиях.

Словом, это был типичный «совок» со всеми вытекающими отсюда последствиями, типичный для России, но очень редкий для Грузии в 1980-е годы.

—...Настолько я себя сжигала на работе, что даже кушать забывала, — вспоминала Светлана Шалвовна, попивая чай из ажурной чашки. — Тоже глупость какая была с моей стороны. Язву желудка себе заработала в тридцать лет. Плюс еще все беды учениц через себя пропускала. Вот стеноз все уже и уже делался — сплошные спазмы...

Причин для спазмов всегда было предостаточно. Только в одной варваринской группе чего только не было. Одна заявила на первый курс беременной на последнем сроке, другая периодически сбегала из дома и клеилась к шоферам автобусов (масштаб поисков, которые пришлось организовать мастеру, и соответствующую группу захвата додумывайте сами), третья напрыскала себе в рот дихлофос от неразделенной любви к однокурснику. И т.д. и т.п. За весь срок обучения было как в песне — «покой нам только снится»...

— И все-таки чересчур вы того, Светлана Шалва, по-коммунистически нас давили, — высказала наконец Дина давнишнюю претензию. — Кроме вас, никто в училище так не выкладывался. То походке нас красивой учили, как будто мы топ-модели какие-то, а не прядильщицы, то про этикет книжки нам читали вместо того, чтобы пораньше с уроков отпустить. Или эти, как их, «сочинения о дружбе» заставляли писать.

— Ты смейся, смейся, — беззлобно отшучивалась «гроза училища». — К нам иногда такие дети приходили... Как личную гигиену соблюдать, и того не знали. К тарелке с какой стороны вилку, а с какой ложку класть — понятия не имели. Я в своей семье старшая была и привыкла с младшими возиться. Нас у родителей пятеро было. Мы — послевоенное поколение — очень наивные были. Особо не рассуждали. Мой папа до Берлина дошел. В доме у нас всегда был гвардейский порядок. И с вас я также требовала: честность, трудолюбие и никакой халтуры. Чего тут удивляться...

А у Варвары опять внутреннее кино перед глазами закрутилось. Тоже из начала 1990-х.

— Несколько дней назад я нашла в магазине 5000 купонов, — продолжала рассказывать Светлана Шалвовна, весело поблескивая голубыми глазами. — Наверное, кто-то выронил. Подняла и спрашиваю: «Кто потерял?»

— Почему себе не взяли?

— Нас так родители приучили, что чужое брать нельзя. Как говорится: «Нашел — не радуйся. Потерял — не плачь». Битых полчаса я у всех в магазине спрашивала о потерянных деньгах, пока кто-то не взял, сказав, что деньги его. Иди проверь. Но это не мое дело. Пришла на работу и рассказала нашим сотрудникам о находке. Они давай меня ругать: «5000 купонов — твоя зарплата за месяц. Как ты сглупила!» У меня и правда тогда было туго с деньгами.

Проходит несколько дней, приезжает моя бывшая ученица из Турции и дарит мне 25 000 купонов. Рассказала я об этом на работе, чтобы люди вместе со мной порадовались. И правда, все обрадовались и даже говорят: «Это тебе точно Бог послал за честность».

— А какой у вас самый трудный случай был? — Варвара уже подустала от собственного непривычного молчания.

— Трудный? — задумалась Шалвовна, оборачиваясь к Варваре. — Да каждый из вас был «трудный случай». Одна ты чего мне стоила, сколько со мной препиралась в училище, пока я тебя затыкать не начала... А так, первое, что вспомнилось, — это моя Надька... Ее с десяти лет таскали по всему городу. Была в банде. Была в то время такая бандерша Изо на Авлабаре¹⁸. Явилась она ко мне на первый курс, потом вдруг пропала на три недели. Оббегала я все, потом в детдоме мне сказали, в чем дело. Смотрю: появляется через какое-то время, вся разодетая. Я ее спрашиваю: «Где ты была?» — «В Ереване», — говорит. Ну, рассказала мне все. Эта Изо ее продавала. Я ей тогда сказала: «Решай сама, как ты хочешь жить. Вот твоя мать так пропала, а ее сестра живет и имеет семью. Могу тебя в другое училище перевести — и продолжай жить, как раньше». Она подумала и говорит: «Я у вас останусь. Только они меня так просто не отпустят». — «Ничего, — говорю, — это мы еще посмотрим. Только смотри, за территорию не выходи».

Проходит месяц, прибегает ко мне староста группы и кричит: «Слана Шална, в общаге Надьку бьют». Оказывается, Изо какую-то девку прислала, чтоб с Надей расправиться. Потом через месяц еще двое за ней явились и стали в краже обвинять. Я их приперла к стенке и говорю: «Передайте Изо, чтоб больше никого не подсылала, а то я всю вашу малину разбомблю!» Мне ведь ничего не стоило у Нади все их точки узнать и с милицией туда нагрянуть.

— А вы не боялись?

— Я тогда ничего не боялась. Сама рядом в рабочем общежитии жила, пока в тридцать восемь лет замуж не вышла. Был тогда еще один визитер. Но потом все кончилось, и Надя благополучно замуж вышла...

— Слана Шална, вы у нас прям как мать Тереза святая, — выплеснула Дина свой восторг.

¹⁸ Район в Тбилиси.

— Да ну тебя! Такое даже в шутку сказать нельзя, — отмахнулась в ответ мастерша. — Всю жизнь не так, как надо, прожила. В церковь стала поздно ходить, на закате жизни. И с мужем невенчанная жила. Я сейчас на старости лет книги духовные читаю, хоть потихоньку разбираю, что к чему. Одно поняла: правильно нас Господь наказывает. Слишком много мы ошибок совершаем. Вот ты, Диана, к примеру, утром молишься?

— Нет, конечно, — отпрянула от нее Дина. — Так я всем довольна. «Слава Богу», говорю. Опять же, где у меня столько времени?! И баптисты говорили, что это заблуждение.

— Потому ты такая дерганная, — поставила Шалвовна очевидный диагноз. — Нашла кого слушать. Я, например, каждое утро два часа правило читаю и не могу без этого.

— Два часа?! — вскрикнула Дина, округлив глаза. Потом засмеялась: — Я же говорю: у вас скоро крылья начнут расти. Умоляю, о чем можно столько молиться?

— Как о чем? Всё у Бога прощения прошу, что не так жила, в Его праздники работала, посты не держала раньше. И еще мужа своего очень осуждала. Думала, такого бурчуна и зануду только мне как спецзаказ выделили, чтоб нервы мотать. А он, когда мы из России детей привезли, совсем с другой стороны раскрылся. Все свое сердце им отдал. На базробе¹⁹ из-за них на солнце жарился, чтоб лишние копейки заработать. Потому так рано ушел. Вот горюю теперь, что не успели мы с ним повенчаться. В общем, о многом сожалею. Потом за всех ближних и дальних молюсь, за девчонок моих обязательно. Поименно перечисляю: у той чтоб муж не дрался, у другой проблема с квартирой чтоб решилась... Тамуна все никак родить не может. И за бедолаг

¹⁹ Базар (груз. искаж.).

моих отдельно, конечно... Недосмотрела я их... — И замолчала, принялась искать в сумке что-то.

Варвара знала причину этой тоскливой паузы. Это был предпоследний выпуск Шалвовны. 1991-й год. Развал Союза, забастовки, перебои со светом. Какой уж тут учебный процесс?

— Сколько я с ними воевала! — продолжала рассказывать через силу Шалвовна. — «Девочки, соблюдайте себя, не пейте, не курите. Почему вас ваши матери в детдом сдали? У вас у всех предрасположенность. Покатиться легко, потом не остановишь». Одна мне еще права качать вздумала: «Не ваше дело!» Я ее в пустой класс завела и отлупила сильно: «Я тебе, босявке, покажу, какое мое дело!»

Великовозрастные ученицы слушали это молча. Обе хорошо знали, что ничего тут не преувеличено. К этому крайнему средству Шалвовна прибегала крайне редко, когда все остальные средства педагогического воздействия были исчерпаны. Видно, та девчонка ее сильно достала.

— Вот тоже и в этом каюсь, — продолжала наставница. — Сироту избила. А она уже на том свете давно. С чем я туда приду?.. Э-э, что долго говорить. Не уберегла я их...

Ее глаза с красными прожилками заметно покраснели, и Дина, сидящая ближе, стала гладить ее по руке, успокаивать:

— Не берите в голову, Слана Шална. Зато сколько людей вас помнят и любят! — Потом все-таки свернула на ту злосчастную группу: — А что там было потом с этими девочками?

— Как переселились после учебы в общежитие для рабочих, так все пошло-поехало. Я им уже никто была. Стали парней туда таскать и пить всем «обществом». Их и выгнали оттуда прямо на улицу. Трикотажка стала сворачивать производство, из Узбекистана хлопок перестали получать,

общежитие стали приватизировать. Эх, был бы Советский Союз, я бы до Совмина дошла, но их комнаты бы отвоевала! А тут, вы же помните, Гамсахурдия у Дома правительства каждый день митинги устраивал. «Голодная, но свободная Грузия!» Кому в этой каше нужны были мои детдомовские? Они и рванули турков обслуживать: легких денег захотелось. В итоге кто спился, кто так сгинул. Ленку муж по пьяни убил. Двое детей остались. Я у нее на похоронах была. Наши из той группы приходили прощаться. Рассказывали, что за три дня до смерти видела она во сне двоих из ее группы, кто раньше погиб. Приходили они за ней... А ты говоришь, — она снова повернулась к притихшей Дине, — зачем столько молиться? Их, кроме меня, некому поминать.

— Слана Шална, — Дина решила сменить грустную тему на что-то более жизнеутверждающее. — Вот вы за других просите. Все ясно и понятно. Вы наша общая мама. А почему вы свою жизнь как-то улучшить не хотите?

— Я о себе прошу, когда что-то надо, и у меня все исполняется, — ответила Шалвовна. — Меня Господь слышит.

— И что вы такого выпросили? — Дина недоверчиво поджала губы

— Мне, например, клиенты по уборкам нужны были хорошие, и вот они у меня есть. Ремонт захотела, чтоб жить в чистоте, и это пожалуйста — разные люди помогли. Знаю, куда ты клонишь. — Тут Шалвовна засмеялась. — Успокойся, дорогуша, я уже другую работу не потяну. Сама посуди. Хотя я грузинка, но грузинского так и не осилила. Компьютер тоже не для моих мозгов. Так что в офис или парламент меня точно никто не посадит. Я у Бога реальное прошу, а «боинга» с «мерседес-бенцом» мне даром не надо.

Варваре опять как-то сами собой припомнились картинки из прошлого.

...Июль 2001 года. Палата военного госпиталя. На койке с серыми, застиранными простынями — старушка с обрубком ноги: ампутацию пришлось

сделать, чтобы остановить гангрену, возникшую на фоне диабета. Старушка плохо слышит и почти ничего не видит. Сейчас она спит. Рядом с мамой-старушкой — Светлана Шалвовна. Пользуясь недолгим отдыхом, она рассказывает Варваре про свои мытарства:

— Какая же она неподъемная! Вроде и веса нет, а от кровати не оторвешь... Дали маме мочегонное — я думала, конец мой пришел. Она мочилась каждые полчаса. Попробуй подними ее на это огромное судно, потом опусти. Мне ведь больше двух кило поднимать нельзя после той операции. У меня так все разболелось... Думаю: все, надорвалась. Лежу и молюсь: «Господи! Прикоснись ко мне Своею милостью!» И что ты думаешь? Боль вскоре прошла, будто ее и не было. Встала я другим человеком и давай белье на кровати менять. А она то плачет, то психует: «Что вы со мной сделали? Где моя нога?» Пытаюсь ее успокоить, а она свое...

Варвара встряхнула головой, отгоняя воспоминания...

Дину такой альтруизм совершенно не удовлетворил. Даже, наоборот, разочаровал:

— Ох, подумаешь: клиенты по уборкам, ремонт в полторашке! Это бытовуха. Вы так уверенно говорите, как будто у вас и правда что-то необыкновенное было.

Светлана Шалвовна улыбнулась:

— Дин, хочешь — верь, хочешь — нет, и необыкновенное у меня тоже было. Я два года подряд открытые небеса на Крещение видела. И еще Матерь Божию во сне. Вот слушай, как дело было. Я в Витебске родилась, папа туда после войны демобилизовался. Там на площади была церковь закрытая. Склад в ней находился. Единственная действующая церковь тогда на Марковщине была. Мне очень хотелось в нее попасть, но родители меня туда, понятное дело, не

водили. И вообще о Боге нам тогда никто не говорил. И вот как-то в семь лет я увидела сон. Будто нахожусь я внутри этой церкви и вижу перед собой Женщину в красном плаще с Младенцем на руках. Вдруг все вокруг стало рушиться, а Она накрыла меня Своей одеждой. И только когда мне исполнилось шестнадцать и наша семья переехала в Грузию, я узнала, Кто мне снился. Здесь люди больше в церковь ходили. Не афишировали, конечно. Но таких строгостей, как в России, не было. Крестилась я тоже поздно, в зрелом возрасте. И только недавно в Самебе²⁰ купила икону. А на ней именно такая Божия Матерь, какую я видела в детстве. «Споручница грешных» называется...

Шалвовна засобиравалась домой. Стали прощаться. Стоя у порога, женщина притянула к себе Дину и, обнимая, попросила:

— Ты уж, лапушка, возьми себя в руки. Не распускайся. Глупости всякие — баптистов- иеговистов — из головы выкинь. И рожай второго, пока можешь.

— Я подумаю, — засмушалась бывшая воспитанница. И, не выдержав требовательного взгляда голубых глаз, пообещала активнее: — Чесслово, подумаю. Только не смотрите на меня так.

— Ну, значит, не зря повидались, — сказала Шалвовна, прощаясь.

У песочницы

Песочница в парке точно символ Организации Объединенных Наций. Весь день только и слышно:

— Лукас, оставь Айлин в покое. Отдай ей ведро.

— Йонотан, не трогай цветок, — кричит Зоя. — Он тоже хочет жить.

Дальше то же самое на иврите для доходчивости.

— Ираклий, брось окурок! — И со страшной интонацией: — Хыка²¹!!!

²⁰ Собор Пресвятой Троицы в Тбилиси, второй по величине в Европе.

²¹ Мифическое существо, чудовище, живущее в доме под кроватью, которым раньше пугали детей.

— Николас, иди сюда, негодный мальчишка. Не бросай песок на Тако! Сейчас патруль позову. — И подчеркнуто громко: — П-а-а-тру-уль!

Это магическое слово для всей малышни. Тут же воцаряется кратковременный порядок. Сам патруль сидит недалеко, в десяти метрах от фонтана. Эти восемнадцатилетние улыбчивые ребята в форме — зеленый верх, черный низ — от нечего делать сидят в наушниках и слушают музыку через мобильники (если рядом нет офицера, конечно). Это они так армию отбывают. Милое дело: 400 лар зарплата, гособеспечение и, само собой, никакой дедовщины.

В наступившей тишине слышен голос Олеси — туристки с ребенком. Быстро-быстро что-то щебечет по мобильнику и в заключение:

— Мамо, я тебя кохаю!

Через пять минут весь вышеуказанный диалог по мобильнику повторяется уже на русском языке, а значит, биржа русскоязычных нянь рьяно исполняет свои обязанности. Помимо воспитательного процесса здесь идет обсуждение политических новостей, бразильских сериалов и всего на свете.

Чуть поодаль сидят две няни-грузинки. Они держатся особняком от своих русскоязычных конкуренток, которым за знание языка платят больше. Как известно, такая няня сразу решает хозяевам несколько проблем: в дальнейшем не понадобится платный русский детсад, а в школе — соответствующий репетитор.

Когда сидишь тут с сыном изо дня в день, невольно узнаешь досье каждого. Лукас и Николас — прибалты, Егорка — москвич, Айлин — бакинка, Йонотан — из Израиля, Тако, Саба, Ираклий — местные.

Количество иностранцев в песочнице — явный показатель того, что политика, направленная на развитие туризма и привлечение иностранных инвесторов, приносит свои плоды.

Сегодня на скамейке новое лицо — энергичная седая женщина лет шестидесяти. Представилась Наной. Рядом девочка в коляске. На бабушку разодетой внучки Нана явно не тянет. Значит, в полку нянь прибавление. После первых дежурных вопросов мы услышали такую историю.

— Мы из Самачабло, и з Осетии, беженцы. Семья? — переспросила женщина и тут же уточнила с иронией: — Семья у меня редкая, особый случай. Показательная наоборот! Вот сижу и злюсь на своих сыновей. Правильно люди говорят: в сорок лет — ума нет, и не будет!

— Нельзя ли поподробней, — попросила ее Зоя. Ее, няню-уникум, объездившую пол-Европы, ничем не удивишь, а тут и она уши в боевую готовность привела.

И Нана начала издалека:

— Когда нас выгнали из Самачабло, я из всего своего двухэтажного дома только одну сумку смогла вынести. Хорошо еще, что хоть золото успела прихватить. Продала, что было, и здесь, в Тбилиси, купила обоим сыновьям маленькие квартиры — оба были уже женатые. Мы с дочкой приютились в гостинице, как и почти все беженцы из Абхазии и Осетии. Не успели кое-как обжиться — новый шок. Выяснилось, что моя Нино беременная. Да еще от кого — от нашего соседа осетина Сосо! Как это я проглядела, до сих пор понять не могу. Нодар с Гиви дикий скандал устроили: «Делай аборт! Опозорила нас, такая-сякая! Твой Сосо там наших убивает, а ты здесь его ребенка будешь рожать?!» Прямо искры летят во все стороны. Ты ж понимаешь, какие все принципиальные за чужой счет. А цена принципа — живой ребенок. Выгнала я моих крикунов и вслед им сказала: «Сами как-нибудь поднимем этого мальчика. Без вашей помощи!»

Так появился у нас Сандро, — Нана улыбнулась своим мыслям. — Нино его назвала в честь моего покойного мужа...

Слушательницы ее не прерывали, а Нана рассказывала дальше, как бы сама себе:

— Мы несколько лет искали Сосо через общих знакомых. Одни говорили, что его убили на той войне, другие уверяли, что, мол, жив, но без рук, без ног лежит у себя дома. В общем, Нино его уже несколько раз заочно оплакала. А он вдруг возьми и постучись в нашу облупленную гостиничную дверь, живой и здоровый. Увидел четырехлетнего сына и прослезился. Стал у нас прощения просить за все, что перенесли, и такие покаянные слова говорил, будто не власти, а он лично, Сосо Кортиев, начал эту войну. ...Сообщила я сыновьям нашу радость, а они в позу встали: «Мы его видеть не хотим, у него руки в крови наших братьев!» Видно, забыли, как в детстве вот так же в песке возились, — она кивнула на малышей.

Сосо подумал- подумал, взял Нино с сыном и поехал к родственникам на Украину. «Не смогу, говорит, я в такой ситуации жить». – Нана грустно вздохнула. — Что тут скажешь, я его понимаю. А с Сандро теперь только по телефону и говорю... — Нана встряхнулась и обратилась за моральной поддержкой к коалиции нянь: — Вы думали, мои упертые сыновья какой-нибудь вывод сделали из всего этого? Какой там... Человек, по-моему, на этот свет приходит, чтобы научиться любить и прощать. Причем одно без другого не бывает. И если кто этого не понимает, то всю жизнь по кругу будет ходить, одни и те же глупости делать, как мои сыновья.

Нет ничего тайного

В январе 2013 убийцу Георгия Гонгадзе суд приговорил к пожизненному заключению. На самом нашумевшем политическом убийстве Украины была поставлена точка.

...Первую любовь англичане называют “puppy love” — «щенячья любовь». Удивительно точное определение. Это первое сильное чувство не теряет своей остроты на всю оставшуюся жизнь.

Моей первой любовью был Гия Гонгадзе, мой одноклассник. В восьмом классе он был безнадежно влюблен в нашу первую красавицу Лену Н., которая, мягко говоря, не отвечала ему взаимностью. Надо было видеть, как он страдал! Смотрела я на эти Шекспировские страсти-мордасти, и сердце разрывалось. И я написала Гии объяснение в любви, воодушевленная только что пройденным письмом Татьяны к Онегину. Гонгич (такая у него была кличка с первого класса) тут же написал мне ответное послание, нечто похожее на обращения к тем людям, кто сегодня на форумах пишет высказывания типа: «Так грызуну и надо!»

«В этом мире все так устроено, что кто-то должен жертвовать собой ради благополучия других... Ты же знаешь, что зло порождает зло, а я ведь готов был защищать справедливость, и защищал ее. Но я убедился, что ее нет на свете. Люди говорят одно, а думают другое...»

Гонгич писал тогда о типичных классных разборках и проблемах — о том, что мы все болезненно переживали.

Дело было на уроке геометрии, и наш математик, заподозрив подвох, тут же вызвал беднягу к доске и вклеил очередную двойку. С точными науками у будущего борца с украинской коррупцией были нелады.

Вообще, если вспоминать и анализировать Гонгича в ракурсе будущей известности, то можно подвести такой итог.

Лидером он никогда не был, хотя и выделялся на общем фоне своей нестандартностью. Чего-чего, а противоречий у Гии хватало с избытком. Самый высокий и сильный в классе, он никогда не использовал свои физические параметры для поддержания авторитета. Читал много, а писал с ошибками. Не

боялся высказывать свое мнение, отличное от общепринятого. И когда мальчишки поднимали его на смех, часто хохотал сам, если подколы были удачные.

Тогда между русским и грузинским сектором шла какая-то скрытая вражда, выливавшаяся в беспричинные драки. Гонгич, относительно спокойно воспринимавший личные оскорбления, неизменно дрался на стороне русского сектора, невзирая на численное превосходство противника. Причем он спокойно мог избежать участия в этих побоищах, результат которых был ясен заранее, что и делали ребята похитрее.

Считал ли он себя русским? Да нет, конечно. Тут были какие-то другие, высшие материи.

Да и сами эти драки грузин с грузинами из разных секторов были верхом идиотизма. У нас в классе единственным русским был Вова Пышнов, который никогда не участвовал ни в чем подобном.

Впрочем, нас, девчонок, к таким дебрям мужского самосознания никто не подпускал.

После восьмого класса наши пути разошлись. До меня доходили только отрывочные сведения: поступил в университет, был в армии, похоронил отца, уехал в Киев, снимал фильм про абхазскую войну.

В 2000 году по телевизору передали, что в Киеве пропал без вести журналист Георгий Гонгадзе. Напрасно я твердила себе: это не он, это кто-то другой. Сердце упрямо ныло: нет, это наш Гонгич, и ищут его напрасно, он уже в другом мире.

Дальше — известное дело. Было найдено тело без головы. Мать Гии, тетя Леся, в надежде найти следы сына, приехала в Грузию. Вышла на трибуну шеваднадзевского парламента, не смогла говорить, заплакала. И все депутаты в едином порыве встали перед горем матери.

Это было время неписанных тарифов. Место в парламенте тоже имело свою расценку. Заплати и садись, дорогой. Видно, этим людям тоже было не чуждо ничто человеческое.

После «революции роз» приехала из ближнего зарубежья наша одноклассница. Встретившись, мы, конечно, вспомнили Гонгича.

— Помнишь, в третьем классе только он под пионерским галстуком носил крестик. А когда спрашивали: «Зачем это?», гордо отвечал: «Я христианин...»

— У нас тут в газетах промелькнуло сообщение, что в Чехословакии кто-то сфотографировал Гонгича. Или кого-то другого. Сходство поразительное. В статье, естественно, фамилия Гонгадзе не указывалась. Просто было написано, что очень похожий человек был снят на улице в Праге. Может, все-таки....

Подруга не дала закончить:

— Это, скорее всего, его брат-близнец.

— Какой еще брат?

— Помнишь, он нам еще рассказывал, что у его матери родились близнецы: он и его брат, который умер в роддоме.

— Что-то такое помню. Мы еще смеялись над ним, когда Гонгич в шестом классе в побег ушел: «Два Гонгадзе — это чересчур!» Оказывается, людей не бывает много...

...Тогда, в шестом классе, наши трое мальчишек — Гонгич, Елик и Долик — решили бежать в Турцию, искать клад графа Монте-Кристо. Богатая идея исходила от Гонгича как от самого начитанного из сильной половины класса. Был объявлен республиканский розыск, и на третий день тройку вернули в школу. И мы слушали захватывающий рассказ про то, как в батумском порту пограничники их сняли с какого-то корабля...

— ...Оказывается, его брат жив, — продолжала подруга, возвращая меня из 1982-го в 2006-й.

— ?

— На тренинге я познакомилась с одной женщиной, близко знавшей эту семью. Она мне рассказала, что тетя Леся тоже много лет думала, что тот, второй, умер в роддоме. Но однажды они шли как-то с Гией по улице и наткнулись на его двойника. Тот шел со своими родителями им навстречу. Ребятам тогда было лет двенадцать. Леся сначала окаменела, а потом, опомнившись, побежала за тем, вторым. Но его родители тут же поймали такси и уехали.

Это известный трюк, когда в роддоме продают одного из близнецов в богатую бездетную семью. А матери потом говорят, что второй родился мертвым или еще что-нибудь в этом роде. И не докажешь ничего. Тело не выдается.

— Да, нет ничего тайного...

Сегодня в Киеве есть проспект Гонгадзе, в Интернете найдется множество статей и фотографий журналиста с внешностью киноактера. А в памяти моего сердца он так и останется долговязым подростком с неутолимой жаждой справедливости.

Не знаю, откуда пошло это выражение — «лучший из миров», где встречаются люди всех времен и где у Бога все живы. И может, кто-то из читающих эти строки помянет с любовью раба Божия Георгия.

Сила Евангелия

— Силу Евангелия я наблюдала дважды, — рассказывает мать моей ученицы. — Первый раз это произошло до того, как я пришла к вере. Мне как

медику все какие-то доказательства были нужны. Как-то повела я свою трехлетнюю девочку в церковь. Ребенок увидел впервые распятие и спросил:

— Кто это?

Я объяснила, что это Господь.

— А почему Он там? — последовал второй вопрос.

Как могла, постаралась объяснить, что Господь пострадал за наши грехи.

Под впечатлением от похода в церковь и всего услышанного в течение месяца моя девочка просыпалась ночью в слезах и все спрашивала подробности о Евангелии, часто просила почитать детскую Библию. Потом мало-помалу и сама начала читать.

Вскоре с мамой моей случился инсульт. И хотя сильных болей не было, мама непрестанно еле слышно плакала:

— Помогите мне, помогите мне...

Тогда моя восьмилетняя Анна почему-то предложила почитать ей Евангелие. Видно, это Ангел устами ребенка говорил. Как только Анна начала читать, моя мама тут же стихла. А потом уже сама просила:

— Почитайте мне Евангелие.

... Тогда я не обратила на это внимания. Через несколько лет произошел один случай, который заставил меня посмотреть на все это другими глазами. Однажды, когда я уже похоронила маму, потом овдовела и жила с двумя детьми в этой комнате, стучит ко мне как-то одна моя родственница:

— Умоляю, — говорит, — пусти меня переночевать. Не могу я быть одной.

Родственница моя жила одна на другом конце города, мучилась какими-то страхами, слышала странные голоса. И вообще довольно странно себя вела. Отец ее страдал таким же образом и скончался, бедный, в психиатрической больнице.

«Генетика», — думала я, слушая ее бессвязные рассказы о каких-то соседях, которые ей «житья не дают».

Легли мы спать (еле уместились вчетвером на двенадцати метрах). Я эту ночь, наверно, никогда не забуду — столько страха натерпелась.

А гостя моя все никак не унимается, говорит и говорит. Она человек начитанный, три диплома имеет, только вот неверующая.

— Я, — говорит, — месяц не спала, сердечные боли меня мучают.

Сама точно как из концлагеря выпущенная — смотреть больно, насколько измученная.

Мало-помалу до меня дошло кто такие эти ее «соседи». — Тут рассказчица перекрестилась. — Это они ей навязчивые идеи подают и твердят : «Прыгни с балкона».

Я ей сказала, что надо исповедоваться, причащаться, читать каждый день молитвы.

Как только это сказала, она в крик: «Как ты меня в дом пустила? Я вот что с твоими детьми сделаю!»

Испугалась я не на шутку. Вдруг правда что выкинет. Скорей оделась — готова, если что, детей защитить. А ее пытаюсь успокоить. Куда там... Она еще громче кричит.

Я встала и давай во весь голос Евангелие читать. Смотрю краем глаза, она утихла. И выглядит по-другому.

— Вот,- говорит, — терапия. У меня сердце болеть перестало. — Потом прислушалась к себе и выдает: — Мои «соседи» мне говорят: «Как стыдно читать Евангелие! Надо его из рук вырвать».

Заставила я ее теперь читать Евангелие про себя. Но, главное, не прекращать. Она мне в ответ:

— Мои «соседи» опять голос подняли!

Взяла я у нее книгу и стала сама вслух читать.

Так всю ночь и провели — попеременно читали, борясь со страхом. Утром мне гостья говорит:

— «Соседи» сказали, что они меня так в покое не оставят. Я какое-то седьмое поколение. На мне все кончается.

Попрощалась я с ней. Потом со своим духовником поделилась, рассказала, что снова приходила она ко мне, стучалась, а я дверь не открыла — за детей боюсь. Вдруг что?..

Он выслушал, вздохнул, не обвиняя меня: «Мы люди грешные».

О святой Варваре и девочке Хатии

17 декабря в Грузии отмечают один из самых популярных праздников — Барбароба, или День святой Варвары. В каждом доме обязательно пекутся лобиани — лепешки с фасолью, традиционное блюдо этого дня Филипповок. Издавна с этим праздником народ связывает много поверий.

Особое внимание в этот день уделяется «меквле», что в переводе означает «прокладывающий след». Это посторонний мужчина или мальчик, который первым входит в дом. Считается, что он вносит с собой благополучие и удачу. Как правило, меквле держит при себе что-то сладкое и желает всем членам семьи долголетия и процветания. Естественно, его тут же сажают за стол, на котором только постные блюда. В сегодняшней Грузии все больше и больше людей, которые, несмотря на непростую жизнь, начинают вести церковный образ жизни.

Само собой, в любой церкви города в этот день очень многолюдно. Служба кончается, но люди идут и идут, чтобы попросить о чем-то своем у святой Варвары.

В Тбилиси несколько церквей, посвященных святой великомученице.

Часто в прессе появляются статьи о новых и новых чудесах, творимых святой. Варварой. К примеру, настоятель церкви св. Варвары на улице Богдана Хмельницкого отец Элгуджа (Лосаберидзе) рассказал как-то на страницах журнала, что к нему пришла одна женщина и попросила ключи от церкви. Мол, они помогут ее ребенку, если он покрутит их во рту.

Священник ничего подобного не слышал, но, решив, что это какое-то народное поверье, ключи дал. Эта женщина была постоянной прихожанкой храма и долго молила святую о чуде: ведь все знают, что святая Варвара покровительствует детям. Спустя какое-то время женщина пришла в церковь и, плача от радости, рассказала, что ее немой от рождения ребенок заговорил.

В 1999 г. в Тбилиси была построена еще одна церковь св. Варвары. До того ее будущему настоятелю отцу Кахаберу (Натенадзе) и двум его друзьям одновременно приснилось, что на этом месте должна быть церковь. Великомученица Варвара явилась отцу Кахаберу во сне именно такой, какой ее изображают на иконах, возложила ему на голову Чашу и обещала помочь в строительстве.

И правда, церковь была построена в рекордные сроки — за шесть месяцев. В ее ограде похоронена и шестнадцатилетняя Хатия Мтивлишвили, чья удивительная кончина привлекла к себе всеобщее внимание. Какое-то время все в городе только и говорили, что о святой Варваре, Хатие и о камне. Кто-то видел в этом наказание за скрытый грех, другие жалели девочку, а третьи только многозначительно цокали языком: чего, мол, не бывает на свете.

Позже отец Кахабер рассказал об этом поразившем всех случае:

Они с прихожанами собрались в Кватахевский монастырь. Поездку эту организовала Хатия — глубоко верующая и образованная девочка, которой очень хотелось туда поехать. Хатия рассказала, что ей приснилась святая

Варвара, прижала ее к сердцу и пообещала, что скоро заберет с собой. Девочка была очень взволнованна и постоянно повторяла: “Неужели это так и будет?”

По приезде в Кватахевский монастырь отслужили молебен, потом была трапеза. Неподалеку возвышалась скала, и Хатия настояла, чтобы они поднялись туда сделать снимки. Вдруг от горы откололся камень и покатился в сторону детей. Все бросились врассыпную, и только Хатия осталась на месте, закрыв лицо руками. Камень попал ей в голову, и она тут же скончалась. Девочка отошла ко Господу точно в таком же возрасте, как и великомученица Варвара, в шестнадцать лет.

На похоронах происходили удивительные вещи. Все видели, как на покрывале сами собой возникли изображения Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и великомученицы Варвары.

Девочка лежала в гробу как живая. У нее были теплые, мягкие руки, которые легко сгибались. Хатия была чистым сосудом Божиим, потому Господь и забрал ее так рано, чтобы сосуд этот не успел наполниться ядом современной жизни.

Со временем пересуды и обсуждения этого случая улеглись — жизнь берет свое. Что же касается популярности святой Варвары, то нет-нет, да и услышишь какое-то новое чудо, связанное с нею. Поэтому девочку, родившуюся 17 декабря, обязательно назовут Барбаре — именем, которое в годы безбожной власти считалось безнадежно устаревшим.

Шекспир не понял

На Плеханова стоит двухэтажный дом XIX века. Такой же, как и его соседи. Резные деревянные балконы, веревки с бельем через весь двор. Единственное отличие — тутовое дерево в три обхвата толщиной, которое растет прямо из

первого этажа, создавая приятную тень во дворе, а в сезон туты – множество мух, которых манят раздавленные ягоды на асфальте.

С этим деревом была связана одна курьезная история.

Дворовая летопись умалчивает о подробностях и повествует лишь о том, что после войны поселились в одной комнате на первом этаже супруги – дворники Арамаис и Кнарик Халатян. Кнарик сразу же потребовала от мужа спилить старую туту, которая нагло занимала большую часть их залы. Арамаис, которого во дворе звали Арамисом, сказал свое веское слово:

- Это добрый знак. Бог даст нам здесь много детей, и мы расцветем как эта тута весной.

Кнарик, уже обошедшая всех мул в Гардабани лечась от бесплодия, решила больше не поднимать эту тему.

Время шло, но особого цветения в семье дворников не наблюдалось. Старая тута с завидным упрямством плодоносила каждый год, все больше и больше прибавляя работы для уборки в виде опавших листьев либо гниющих плодов.

Пришла как-то к Арамаису его троюродная тетка, сгорбленная Арпеника и, шевеля кустистыми бровями, дала дельный совет:

- Усыновите кого-нибудь, и Бог даст вам своего ребенка.

И в подтверждение привела историю из жизни своей прабабки, жившей в турецком Карсе, с которой и произошло вышеуказанное чудо.

Арамаис недолго собирался и на следующий неделе отправился в Тбилисский дом младенца. Там ему предложили несколько кандидатур. По закону подлости, все были девочками и только один мальчик, который значился Мамедом Мамедовым.

Арамаис выругался, вот, дескать, судьба-индейка и тут строит мерзкую гримасу: вместо родной кровушки или на худой конец грузина или русского –

на тебе, татарчонка подпихивает. Решимость обрести сегодня наследника не давила ему ходу назад.

- А.... ммм, - почесал он в затылке, - имя поменять можно?

Молодая докторша с памадой – светофором побарабанила ноготком по столу:

- Как хотите.

Арамаис, сам не зная с чего, выпалил:

- Назову Шекспиром. Пускай большим человеком будет!

Докторша глупо хихикнула, но тут же напустила на себя серьезный вид.

Арамаис насупился:

- Иа-а! Я что плохого сказал? У меня кавор (1) жестянщииком работает. Так он Нельсон – Нелик-джан. Или друг мой – на одном горшке, извиняюсь, в детском саду сидели. Его Вашингтоном зовут. Не человек что ли?

Белохалатница изящно съязвила:

- Да, армяне любят давать такие имена.

Арамаис еще больше сдвинул брови. Грузин хлебом не корми, дай свое превосходство показать. И он сделал армянский ход конем:

- У меня сосед во дворе Жюльверн Хачапуридзе. Хороший тамада, между прочим. – И упрямо заключил, как печать поставил. – Шекспиром будет мой сын!

Так на первом этаже под сенью старой туты появился новый жилец Шекспир Халатян.

Дерево с годами становилось все шире в обхвате, а супруги – дворники с годами все больше и больше усыхали, напоминая со стороны два старых сучка с той туты.

У Господа Бога были, по- видимому, другие планы в отношении этой парочки. Шекспир или Шеко, как звали его во дворе, вырос единственным ребенком и со

временем вытянулся в невысокого худющего парня с округлыми черными глазами.

Кнарлик уже хотела его женить, высматривала девочек из семей победнее (на богатую невесту и золота много надо), но и тут ничего не выходило.

Матери невест, заслышав о кандидате в зятя, дружно воротили носы:

- Моей пока рано замуж.

- Твой мальчик мало зарабатывает.

- А почему он до сих пор не женат? Значит, он либо пьяница, либо наркоман. А может у него по мужской части что-то не то.

Кнарлик возмущенно махала руками на хулипеньиц, пытаясь доказать, что у Шекспира на всех фронтах полный порядок, но тут же осекалась от избытка эмоций и нехватки аргументов.

Энтузиазм брачной лихорадки как-то сам собой сошел на нет, и за Шекспиром после смерти родителей прочно укоренилась слава «неженатика с приветом».

Почему с приветом, спросите вы. Да потому что его никто всерьез не воспринимал. Так, мальчик на побегушках. Целый день во дворе только и слышалось:

- Эй! Шекспира! Ты куда пропал? По-братски подымись ко мне, что-то тарелка барахлит, Москву не ловит, - кричит Важа Сихарулидзе, свесив полный живот за перила резного балкона.

И Шекспира будто ветер сдувает из его каморки с тутой. Через пять минут его черная кучерявая голова уже мелькает на балконе второго этажа.

Не пройдет и часа, как истеричка Этери зовет с противоположного балкона.

- Шекспира-а! Где ты? А ну выгляни!

И на балконе тут же появляется знакомый худой силуэт с поднятыми до ушей плечами. Шекспир сутулый, как вопросительный знак.

- Что хочешь, тетя Этери?

- У меня мясорубка не режет. Приди, ну, нож заточи.

Через какое-то время из ее кухни доносятся кляцающие о металл звуки. Затем слащавая похвала ворчуны Этери, которая ухитрилась быть в ссоре со всеми во дворе попеременно:

- Ай, сагол (2), Шекспир. Правда, золотые руки. Только, жалко, невезучий.

Это тоже было общедворовое мнение. Да и как еще назвать человека, который вечно без денег, бегает взад-вперед, а за труды свои ничего не просит, считая, что «на соседях деньги делать нельзя».

Постоянной работы Шекспир, естественно, не имел. Позовет его кто-то раз в квартал проводку провести или покрасить что-нибудь, - и то хорошо. Вот и был Шекспир постоянно в долгах, курил чужие сигареты, если угощали, и так перебивался из года в год. А о лучшем даже не мечтал. По безотказности ему хоть раз в день перепадала то тарелка супа, то аджабсанда. Свет у него в коморке был пожизненно отключен за неуплату. И соседи иногда спускали с верхних этажей удлинитель – одалживали свое электричество.

Так дожил Шекспир до 40 лет с хвостиком. День рождения он никогда не отмечал и всегда путал свой точный возраст. И вдруг такое однообразное житие его резко изменилось.

В то историческое утро Шекспир проснулся от стука в потолок. По ударам сообразил – орудовали шваброй. Так Этери звала его, когда что-то было нужно. Шекспир просунул включенную голову в разохшееся окно, вывернулся на 180 градусов:

- Что случилось, тетя Этери?

Сверху полной луной маячила заплывшая физиономия соседки.

- Опять раковина засорилась. Шеко, сынок, подымись, - просительно шамкнула беззубым ртом. Потом добавила заискивающе. – Я уже тебе и кофе приготовила.

Шекспир, не умывшись, схватил прокачку, еще кое-какие инструменты и побежал наверх.

Этери уже заняла стратегическую позицию на табуретке против раковины, курила и стряхивала пепел в банку из-под «Пеле». Наблюдая за ремонтными работами, она издалека начала свою речь:

- Вот нет на свете справедливости. Сколько я людям добра сделала, и какой толк? Живу, как бомж, все от меня отворачиваются. Это правительство, чтоб оно в жизни радости не видело, все время на моих нервах играет. Позорную пенсию 14 лар и то во время не дают. Иногда сижу и думаю, надо мою пенсию получить, пойти к знающему человеку и сильное джадо(3) сделать на президента. За всех пенсионеров Грузии порчу на него напущу..

Этери собиралась продолжить изложение своих кровожалных планов, но тут засорение сошло на нет. Шекспир оглянулся на народную мстительницу и недоуменно спросил:

- А какой толк? Я слышал, джадо возвращается. По-моему лучше так подождать. Все когда-нибудь кончается.

Этери, не терпевшая никаких возражений, разразилась известным диагнозом:

- Уй,уй! Несчастный! Тебе б мозги, а мне бы деньги! – потом почему-то остановилась и продолжила уже в другом духе. – Тебя, если не женить, совсем сбрендишь. – И воодушевляясь своей идеей все больше и больше, заторопилась. – А что, у меня и невеста имеется. В соседний двор одна культурная женщина ходит. Хевсурские шапки на заказ шьет, вышивку делает, скатерти вяжет. Всегда при деньгах. Жена, какая бы плохая не была, все равно мужу тарелку супа нальет. Да, самое главное, - Этери сделала паузу, чтоб потенциальный жених успел переварить такое количество информации, - она, как и ты, верующая. Будете жить душа в душу.

Шекспир задумался: верующая, при деньгах и тарелке супа. И правда, чем не вариант.

Тут следует пояснить, как Шекспир прослыл верующим.

У него, как и всех уважающих себя людей, был свой «куток» - несколько его ровесников собирались на параллельной улице попить пива в подвале. Туда заходил расслабиться псаломщик Сергей из Александро Невской. Как известно, у кого что болит, тот о том говорит. Шофер будет рассказывать вам про запчасти, доктор – о способах лечения, а псаломщик – о церкви. Из всего состава Сергея внимательнее всех слушал Шекспир. Особенно легло ему на сердце «Не заботьтесь, что вам есть и пить» и «Не собирайте себе сокровищ на земле». По всему этому выходило, что Шекспир самый настоящий христианин по образу жизни и есть. И у неопита появился новый конек – мог часами выливать на первого встречного все то душеспасительное ассорти, что воспринял от Сергея. Соседи – первые жертвы его красноречия, вначале испуганно охали:

- Ва, Шекспир, ты вообще хоть крещенный?

- А то как же, - отвечал он совершенно серьезно. – Меня ангелы крестили во сне, и теперь я Иван.

Соседи только отмахивались и крутили пальцем у виска. Потом и эта реакция притупилась.

Впрочем, все обитатели описываемого дома считали себя истинно верующими. И любящая проклинать всех Этери, и карточный шулер Вахо Жгенти, и ростовщик Важа Сихарулидзе, а так же и Кесо, то и дело наезжавшая в Турцию по древнейшей профессии – равно, как и прочие окружающие. Они даже крестились для убедительности своего вранья и иногда заходили в церковь поставить свечки «чтобы повезло». Чего же больше?

Этери рьяно принялась налаживать мосты между предполагаемыми супругами. Зазвала к себе Магду – шапошницу, якобы посмотреть товар. Долго перебирала шапки, где-то восхищалась, где-то критиковала работу, а между тем вклинивала свое:

- У меня сосед есть – золотой человек, Шекспиром зовут. На все руки мастер. Хочешь тебе сантехник, хочешь – электрик. А кафель кладет м...м...м – Этери покачала перевязанной головой, будто вкушала рахат-лухум. – Президента в туалет не стыдно впустить. Только сейчас слегка перерыв у него – работы нет. А верующий какой – 24 часа о Боге говорит, как твое радио. Характер у него тихий, хоть по башке ему сковородкой дай – не заметит. С таким мужем сто лет проживешь – ни разу не поругаешься.

Магда вроде бы заглотила крючок – слушала, не перебивая. Только в конце уточнила:

- В какую церковь ходит? Кто у него духовник?

Этери не сплеховала и тут же достойный ответ нашла:

- А он во все сразу ходит. Я вас познакомлю, дальше вы сами смотрите. Пойдем сейчас к нему, будто ты хочешь кафель поменять.

Магда помялась для приличия, потом согласилась. Когда тебе 35, любая попытка - не пытка. И кандидат подходящий: с жилплощадью, при золотых руках и, самое главное, верующий.

Знакомство состоялось и с легкой руки старой сплетницы дело скоро подошло к венчанию. Новоиспеченный глава семьи все материальные дела великодушно поручил своей второй половине:

- У женщин это все лучше получается. А у меня, как говорится, мелких нет, а когда крупные появятся, все будет в твоём полном распоряжении.

Магда уверенно строила бытовые планы, а Шекспир поддакивал.

- Хорошо бы ремонтник сделать, - говорила новобрачная.

- А как же, - вторил ее муж. – Как деньги на обои наскребем, так сразу.
- Хлам я весь выкину.
- Тебе виднее, пусенька.
- Надо бы цветы посадить.
- Да хоть целую клумбу. Где-то у меня тут консервные банки валялись. Зачем добру пропадать.

Так в любви и согласии зажили двое верующих, на деле подтверждая, что «семья – малая церковь».

Магда сделала генеральную уборку, посадила росточки по банкам, заплатила долги за свет. Шекспир возлежал на чистой постели, смотрел допотопный телевизор и думал:

- Хорошая вещь – женитьба. Богоугодное дело.

И оторвавшись от своих ласкающих душу дум, подал голос:

- Что там у нас покушать.

У Магды уже жареная картошка была наготове. Словом, не жизнь, а малиновое варенье. Магда, хоть и была не охти какой хозяйкой, но со стороны мужа неизменно встречала слова благодарности за любой недосоленный суп и полную свободу действий на малюсенькой площади. Что еще нужно простым людям для счастья?

Через месяца два Магда сообщила супругу:

- Скоро нас будет трое.

Будущий отец был в восторге:

- Явное Божье благословение нам, - изрек он, не меняя горизонтального положения.

Магда плавно перевела разговор на то, что молодой семье многое надо. Шекспир охотно согласился, но напомнил супруге о страждущих и обремененных всего мира:

- За все надо Богу спасибо сказать. В Сомали люди хуже нашего живут.

Магда же впервые проявила несогласие с богоданным мужем:

- Что мне Сомали. Под лежащий камень вода не течет. Надо шевелиться, что-то делать.

- А что делать? – вздохнул ее супруг. - Все от Бога. И работа тоже. Может, к лету меня на малярку позовут.

- К лету у нас ребенок родится.

- Вот и прекрасно.

Такой вот был неприятный разговор на безоблачном небосклоне семейной идиллии. Шекспир это все на беременность списал. Слышал от знающих людей, что у женщин в этот период характер портится. Решил, что надо терпеть и покрывать все любовью, как апостолы заповедали.

Через неделю снова инцидент вышел.

Поймал Шекспира на улице сосед Тазо по кличке «Лар». (Его так прозвали, потому что он ко всем пристаёт: : «Одолжи лар до завтра». А «завтра» у него понятие растяжимое, теряется в необозримом будущем).

Так вот, зацапал он Шекспира и говорит.

- Ты теперь женатый человек. Дай 10 лар. Очень нужно.

Шекспир бегом к жене с аналогичным текстом.

- Дай 10 лар. Срочно нужно.

- У меня только пять, - отвечает жена.

- Давай, что есть, - и его тут же на улицу, как ветром сдуло.

Вечером за чаепитием Магда устроила супругу настоящий допрос:

- Куда ты дел мои пять лар?

Шекспир честно рассказал, как было дело. И каково же было его удивление, когда он натолкнулся на полное непонимание лозунга «Спешите делать добро».

- Этого еще не хватало, чтоб здешние босяки у меня деньги списывали.

- Послушай, - пытался до нее достучаться Шекспир, - в житии Иоанна Кронштадтского есть такой момент. Раз пришла к нему женщина: « Я, говорит, всю жизнь деньги собирала, хочу церкви пожертвовать. Вот три тысячи». Следом подошел к нему растратчик и говорит со слезами:

- Батюшка, я пропил казенные деньги. Завтра меня будут судить.

Иоанн Кронштадтский тут же отдал эти три тысячи просящему,. – рассказчик даже смахнул непрошенную слезу от представленной в уме сцены. Потом вернулся к печальной реальности. – Что же ты хочешь, женщина?! Я поступил, как Иоанн Кронштадтский.

- Что-то я ничего такого в житии не помню, - отрезала супруга. – Сам заработай, потом раздавай.

Шекспиру стало обидно. Не его сегодня день. Затем вспомнил евангельское: « И враги человеку домашние его» и слегка приободрился. Надо нести свой крест дальше.

С того дня пошли между супругами непонимания и разные грызли.

Магда всерьез решила трудоустроить мужа среди своих шапочных клиентов. И довольно быстро нашла ему несколько мелких работ: где-то окна красить, в другом месте – обои клеить.

День теперь начинался с шума, лишавшего душу благодати:

- Аба, быстро вставай, быстро одевайся, Завтрак на подносе у кровати. Люди ждут!

- Подождут, - бурчал трудящийся, - что же я теперь на цырлах бежать должен? Работа – не волк.

К часу дня Шекспир , не приемлющий суеты и спешки, дотаскивал себя до пункта назначения. Клиенты почему-то не были в восторге от его неторопливого стиля работы и жаловались Магде. А она по принципу домино выливали все недовольство на голову смиреннейшего труженика:

- Так у нас ничего не получится. Я скоро не смогу работать. Мне нужны деньги на роды и еще куча чего.

- Работаю, как могу, - оправдывался Шекспир. – Не всем же быть олигархами. Вот увидишь, к родам деньги появятся сами собой.

Магда злилась:

- На Бога надейся, а сам не плошай!

За месяц до родов случилось явное посрамление маловерной жены. Один клиент дал деньги вперед со сказочным условием: « Сделай ремонт, когда сможешь».

Шекспир был на верху блаженства, рассказывал всем и вся про то, как Господь лучше нашего знает, когда нам что нужно.

Но, как известно, темные силы не дремлют. Два дня длился триумф верующего сердца, а на третий к Шекспиру подошел Вахо Жгенти, отозвал в сторонку и, размазывая по лицу скупые мужские слезы, со стоном поведал:

- Одолжи мне 1000 лар. Я проигрался. Если не отдам, эти негодяи порежут на куски моих детей.

Шекспир, не колеблясь, тут же вынес то, что отложил на роды.

- Ты настоящий друг, - проникновенно сказал Вахо. – Отдам, когда смогу.

Магда, узнав об акте самопожертвования, собрала вещи и перешла к матери, сказав:

- Хочу доносить спокойно. А то последние нервы на тебя порву.

Шекспир принял это как от руки Божьей. Надо терпеть.

Каково же было его удивление, когда в роддоме, увидев новорожденного сына, он услышал ультиматум:

- Или ты в корне меняешь свой образ жизни, находишь постоянную работу, хотя бы на 200 лар или каждый пойдет своим путем.

- А как же клятвы перед аналогом? – опешил Шекспир. - Что за примитивный материальный подход к жизни. Какая же ты верующая?

Но Магда повела себя, как торговка на базаре.

- Мое слово последнее.

Шок, настоящий шок испытал Шекспир.

Двор ему сочувствовал, как мог. Особо ораторствовал Вахо Жгенти, возмущаясь всеми негодными женами в масштабе всего человечества. Он -то и подкинул версию:

- А может и ребенок не твой.

Шекспир повелся. А что, у бессовестных людей все бывает.

Свой вывод он высказал Магде. Та даже оправдываться не стала. Значит, совесть ее обличала. Только заявила:

- Не смей мне больше звонить.

Не понял ее Шекспир, как есть, не понял:

- Счастье было так близко...

Со временем все вернулось на круги своя. Шекспир такой же безотказный человек для всех, кому нужна его помощь. Только на душе у него незаживающая рана.

* * *

Апостол Павел писал в послании к Тимофею: «Если же кто о своих и особенно домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверующего». (1 Тим. 5, 8). Конечно, история Шекспита - это редкий случай. И всё-таки хочется напомнить супругам, считающим заботу о семье и детях каким-то неважным второстепенным делом, что они рискуют попасть в разряд тех людей, что воистину «хуже неверующих». Словом, есть этот тип мечтателя, отринувшего от себя земные заботы во имя якобы духовных целей, о котором польский

сатирик Ежи Лец насмешливо писал: « Он любил всё человечество, кроме ближних ». Понимаете?

Примечания.

1. Свидетель на свадьбе, впоследствии он же должен крестить детей . (арм.)
2. Молодец (азер.)
3. Порча (гр.)

Кран потек, или Необъяснимое вокруг нас

«...и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.

Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее».

(Мф. 10:38-39)

В одном дворе на улице Горького потек кран. (Это явное упущение тбилисской мэрии: улицы Лермонтова и Софьи Перовской переименовали, а про «буревестника революции» впопыхах забыли). Дом этот двухэтажный, как и все рядом, стоит с 19 века, а кран, соответственно, ровесник дома или, может, на поколение моложе. На вид ничего особенного. По периметру кран выложен кирпичными стенками, с одной стороны заросшими мхом. Само водопроводное устройство тоже простое, без особого полета технической мысли. Торчит себе кривая чугунная труба, а на ней ржавый вентиль красуется дырчатой короной. Кто-то из жильцов, видно, резко крутанул и допотопную резьбу сорвал. Пытались, конечно, дознаться, кто именно обществу такую свинью подложил, но следствие зашло в тупик.

Неделю вода бежала ручьём по всему и без того узкому двору. Жильцы, психуя, прыгали через водную преграду по несколько раз в день и поминали нехорошими словами правительство, мэрию и жизнь нервомотательную вкупе. Потом, по прошествии десяти дней стали напрягать умственные извилины, силясь найти решение проблемы.

Особенную активность проявила Маквала Чичинадзе, одинокая инвалидка со второго этажа, объявив соседям:

- Подождите немного, я достану вам дешевого сантехника.

Ей хорошо было известно, что добрая инициатива всегда наказуема, но был у нее свой тайный расчет: . «Если я достану им кого-нибудь, кто возьмет на пять лар меньше нашего Шакро, - думала она, - то смогу не класть их на общий сбор».

Из всего двора только Маквала последние двадцать лет жила на пенсию и не имела никаких побочных доходов. Из-за болезни ног она не могла доползти даже до хлебного магазина через дорогу, не говоря уж о каких-либо других деловых проектах. Само ее существование на пенсию, которая не имела никакого отношения к реальному прожиточному минимуму, было каким-то паранормальным явлением, необъяснимым ни математическими, ни биологическими законами. Хотя в повседневной жизни нелогичного и необъяснимого всегда много, только люди это редко замечают.

Так и соседи Маквалы, не обремененные излишками образования, ничего особенного в ее житье-бытье не находили. Общались они с ней по-простому, как во всех старых домах принято.

Гульнара, соседка по балкону, звала Маквалу на завтраки, а зимой дополнительно – «погреться у газа». Соседка снизу, Кето, на весь район известная абортмахерша, заносила Маквале довольно часто гоми ²⁾ с куском сыра, плавающего в лужице растопленного масла, таким образом тайно замаливая грехи детоубийства. Восемилетний Леван (вторая дверь, как войдешь, справа) дежурно являлся каждое утро вынести мусор и принести батон хлеба. Ворчун Вепхво (первая дверь у входа слева), таская себе с улиц хлам на растопку, всегда откладывал на Маквалину долю приличную кучку. Кучка эта носила кодовое название «для зимы, если отрубят газ».

На момент описываемых событий Маквала была в очередной финансовой яме. Пенсия следующего месяца была взята вперед и почти полностью

потрачена. Поэтому надо было экономить из всех мыслимых и не мыслимых сил.

И вот наша героиня целый день накручивала диск треснутого телефона, обзвонила полгорода, используя старые связи, и в итоге нашла сантехника-маляра - электрика Карло, который ценил свои услуги на искомые пять лар меньше остальных.

На другой день этот многопрофильный специалист появился на балконе у Маквалы и сказал как можно громче:

- Я пошел за деталями на базар, а вы мне деньги со всех соберите.

И хотя все жильцы уже знали, по сколько надо скидываться на музейный кран, но тут на первом этаже (слышимость в старых домах прекрасная) возникло непредвиденное препятствие в лице Вепхво.

Сегодня Вепхво, осанистый дядечка предпенсионного возраста, с утра был не в духе. (Мало ли может быть для этого причин у человека, живущего в стране не до конца победившей демократии).

Услышав громогласное объявление сантехника, он пробурчал своей сожительнице Назико:

- Почему я из-за Маквалы должен дать лишний лар? У нее Мики есть. Раз собаку кормит, то и на кран деньги найдутся.

Мики – пегая колченогая собачонка была для Маквалы тем же, что Муму для Герасима.

Вепхво никогда не был жмотом. Сам не раз бросал Мики косточки и другие вкусности. Но сегодня почему-то факт существования собаки явился для него лишним раздражителем.

Мысль Вепхво подхватил Шалва, его сосед слева, он же бессменный соперник по нардам, и дал ей логическое продолжение:

- Если ты не будешь класть, я, что, дурак, деньги на ветер бросать? Где у меня лишний лар?

Их математические умозаключения услышала Циури (левая дверь в конце двора). У неё последние нервы двадцатилетней уличной торговлей испорчены. Циури будто какая-то сила вынесла на середину двора и через секунду все услышали огнеметную речь без точек и запятых примерно следующего содержания:

- . Как пиво пить, так вы себя не забудете. А как лишний лар за человека положить, так у вас нету. А я, что идиотка - вместо вас два лара класть?

(Шалва как-то в «беспросветные» 90-ые предложил полушутя, полусерьезно:

- Если к языку Циури движок подключить, она всю улицу Горького светом обеспечит!)

Маквала, слыша Циурин крик со двора, затаилась в глубине комнаты в своем продранном до бахромы кресле и сидела ни жива ни мертва.

Циури вошла в раж и уже склоняла по падежам всех мужиков – бездельников на республиканском уровне.

Дело принимало нехороший оборот.

Параллельно в обличительную речь Циури вклинивались обрывки перепалки Вепхво с Шалвой.

- . В прошлый раз, когда на краску для крыши собирали, кто с деньгами тянул - «потом, потом»? А?

- Ты на кого намекаешь? А кто в прошлом месяце моцонцице 50 тетри не дал?

Тут Циури что-то из своего обвинительного списка добавила, причем выудила компромат на обоих любителей пива. Какое-то время только и слышно было:

- А кто?

- А кто?..

Причем на свет выползали все более старые залежи обид, уходящие корнями в далекое прошлое.

В итоге Шалва обобщил выявленные факты:

- Да у вас вся семья матховары! ⁽³⁾!

- Кто? Мы? – оторопел на какой-то момент Вепхво. Потом выкрикнул то, что знали все, но никогда не сказали бы вслух:

- Набичвари! ⁽⁴⁾!

Брух. Полетели табуретки, на которых разложили сушить матрас, и по двору покатались, хрипя и стараясь дотянуться до горла противника, два бывших друга. Около них, несмотря на свои пышные формы, шустро бегала кругами Циури и, заламывая руки, причитала:

- Вай, вай, что делается! Что делается! Надо патруль вызвать!

(Заметьте, как необъяснимо моментально поменялось настроение у всех участников математических выкладок на противоположное). Циури, еще секунду назад, призывавшая громы и молнии на головы всех бездельников мужского пола, теперь, прижимая руки к груди, всхлипывала:

- Сделайте что-нибудь, люди! Они ведь убьют друг друга! Звоните в патруль!

- Да, да, патруль! – эхом откликались из окон соседи, наблюдавшие за схваткой на безопасном расстоянии, но никто не кидался набирать известный номер. Патруль – краса и гордость демократии – приедет ровно через пять минут. А как потом смотреть в глаза соседям, которых покажут по телевизору в разделе «Криминальная хроника»? Стыд и позор на всю оставшуюся жизнь.

Слыша звуки битвы, Маквала плакала в своем кресле:

- Господи, Господи, забери меня отсюда или сделай что-нибудь!

И как ответ на ее крик души, произошло неожиданное. Под ахи и охи взрослой части двора, восьмилетний Леван схватил мобильник, набрал номер его матери Элисо и закричал:

- Мам, иди скорей, тут дядя Вепхво Шалву уже совсем убивает!

80-летний Отар Мерабович, любящий где надо и не надо называть себя «заслуженный инженер союзного значения», услышав этот SOS, только хмыкнул из своего окна на втором этаже:

- Этот ребенок такой же ненормальный, как и его мать! Что может сделать эта маленькая женщина в такой ситуации?

Маленькой женщине по имени Элисо давно во дворе поставили диагноз: «последние мозги потеряла». Ибо какая женщина в здравом уме будет рожать шесть детей при безработном муже, при тесной жилплощади из и двух каморках да ещё ссылаться при этом на благословение **ссылаться на** Патриарха? Мало ли кто что скажет на своем рабочем месте! Элисо, между тем, тоже входит в категорию «необъяснимое вокруг нас». На что существует вся ее орава - нерешаемая головоломка для всего двора.

Циури, сделавшая кучу аборт, чтобы «не плодить нищету», предсказывала в спину Элисо:

- Не сегодня, так завтра они сдохнут с голоду!

Не подумайте, что Циури говорила это от злости, нет, она исходила из простой логики и жалости. Но почему-то это обещанное «сегодня-завтра» не наступало. Что ни говори, много в жизни аномалий.

И вот через несколько минут после звонка во двор вбежала запыхавшаяся мать-героиня (жаль, что титула такого государство теперь не дает, как и хоть какого-нибудь пособия), толкая перед собой коляску с последним выпуском – годовалой Барбаре. За ней вкатились еще двое детей.

Элисо на бегу крикнула сыну, указывая на хрипящих борцов:

- Из-за чего?

- Пять лар за Маквалу надо положить.

Элисо бросила сумку с продуктами и, наклонившись, крикнула прямо в ухо Шалве:

- Эй, я положу эти пять лар!

Слово возымело волшебное действие. Оба гладиатора ослабили хватку и ошалело уставились на Элисо.

- А? Что ты сказала? – они уже давно забыли, с чего все началось.

Тут набежали соседи и растащили гореобличителей в разные стороны.

Маквала, пораженная неожиданной развязкой, перекрестилась, благодарно посмотрев на две маленькие иконы на шкафу.

- Услышал Ты меня, Господи!

История эта кончилась прозаично. Кран Карло починил. Элисо, как и обещала, внесла за Маквалу пять лар, невзирая на ее протесты. Причем выразилась абсолютно безответственно и, как всегда, нелогично:

- Не переживайте, надо будет, я еще достану!

Откуда, спрашивается, такая уверенность? Потому и выходит, что много вокруг нас необъяснимого.

Примечание.

! Кукурузная каша.

2 Нищие (гр.)

3 Незаконорожденный. (гр)

4 Курс доллара во время описываемых событий 1\$ = 1. 65 лар. Считайте сами, много этот или мало.

У Распятия

Потерпи, уступи и прости

И тебе все простят и уступят

И на жизненно важном пути

Доброта обоюдно проступит.

Н. Заболоцкий.

Воздаяние за прощение обид

превосходит воздаяние всякой

иной добродетели.

Преп. Иосиф Оптинский.

В прихожей хлопнула дверь и через минуту на кухню к Медее влетела запыхавшаяся дочка-семиклассница Нинчо.

- Ма, мне Эка сегодня математику дала списать!

- Слава Богу! – только и смогла сказать ее мать, оседая на стул.

Эти непонятные для других слова означали для Медеи одно: т а долгая война и в самом деле закончилась...

Почему жизнь одним преподносит корзину наливных яблочек, а другим – только жалкий огрызок, из которого еще и выглядывает червяк?

Такое сравнение каждый раз напрашивалось, когда Медея Тогонидзеона наблюдала со своего балкона выход в свет своей соседки по корпусу Кетино.

Каждое утро повторялось одно и то же. Кетино (неизменно в хорошей форме) выходила со своими тремя детьми и неторопливо садилась в новенькую

«мазду». И весь процесс посадки в машину без суеты и бестолковости, как обычно бывает при публичном выходе с разнокалиберными «цветами жизни».

Дальше Кока, ее муж, плавно трогал иномарку с места и вез семейство по

одному и тому же маршруту: дочек в школу, сына в детский сад, а жену - к ней в клинику.

Хоть Медея эхоскопист не хуже Кетино, а второй год прочно сидит дома.

Работу по специальности найти – одна головоломка, да и здоровье уже не то, доконали ее женские болячки.

И вот ведь какое этой Кетино везение со всех сторон. Сколько хочешь таких профессионально состоявшихся, но либо на личном фронте проблемы, либо дети кровь пьют. У Кетино и здесь все на пять с плюсом. Старшая дочка Эка круглая отличница, через годик – другой компьютер из рук мэра получит за свою показательность по всем статьям. Она с Нинчо за одной партой сидит, а таких антиподов еще поискать надо.

Уж что только Медея не делала: и репетиторов дочке нанимала, и сама с ней уроки учила (не зря же в свое время была золотой медалисткой), а толку – ноль. Все равно ее принцесса из троек не вылезит. Да еще и язык длинный - отсюда до послезавтра. Учителя жалуются:

- Второй такой наглой во всей школе не найти!

Соседи, конечно, по-своему сочувствие выражают:

- Генетика – страшная вещь. Не знаешь, где себя покажет. Уж лучше бы ты в свое время собаку завела вместо этой цанцарки (1)!

Кому оно нужно, такое сочувствие?

О том, что Медея взяла Нинчо из детского дома, когда той было пять лет, знали все. Такое не спрячешь.

Нинчо и сама помнила, как ее два раза пытались усыновлять, а потом возвращали назад. Три разные мамы за первые пять лет жизни – этот фактор так просто из памяти не выкинешь. Вот Медея и делала ей скидки, на многое закрывала глаза.

Похоронив отца и оставшись совсем одна, Медея долго взвешивала все «за» и «против», потом решила рискнуть.

Первые три года их совместного жития были сплошной беготней по врачам, начиная от терпавета и кончая психологом, на фоне взаимной притирки. Потом все как-то более или менее утряслось, но возникла новая проблема – *его величество переходный возраст*.

Прошлый год (Нинчо кое-как дотащи́лась до шестого класса) был совершенно жутким. Во-первых, состояние Медеи резко ухудшилось, пришлось бросить работу и кое-как жить на деньги квартирантов. Во-вторых, Нинчо перегрызлась со всеми девчонками в классе. А те объявили ей «эмбарго», то есть бойкот, но политизированным девицам это слово «больше вправляло».

И пошло, поехало. Что ни день, то новые сводки с линии фронта. То Нинчо раскокала Экин мобильник и устроила драку, то девчачья коалиция рассовала всем мальчишкам какие-то записки. Нинчо пришла домой вся в слезах и вырезала ножом на кухонном столе размашистое “I hate school!!!!”²²

Пыталась Медея «влиять», но выходило только хуже. Нинчо запиралась у себя в комнате и делала всякие глупости.

Медея с ума сходила – не знала, как подступиться к этому айсбергу. Пыталась даже искать концы через Кетино – вызвала ее к себе на разговор. Кетино, врединой ее никак не назовешь, пришла, и, оглядевшись, тут же приступила к делу:

- Не обижайся, Медико, - начала она с прелюдии, - как сестре, тебе говорю. Все твои прооблемы и со здоровьем и с ребенком - из-за того, что не ведешь церковный образ жизни. Это тебя Господь призывает через скорби к Себе, а ты ослом упираешься, не идешь...

И так далее в том же нравоучительном духе.

²² Ненавижу школу! (англ.)

Медее слушала, не перебивая. Теория ее соседки выглядела вполне логично.

Особенно грели сердце преимущества церковного воспитания детей.

Решили начать с главного.

- Приходите завтра на вечернюю службу на исповедь, - Кетино со знанием дела намечала план поэтапного воцерковления. – Я вам очередь займу. Послезавтра утром причаститесь и начнете новую жизнь. Потом скоро пост. Про меню я тебе отдельно объясню. На счет болячек твоих тоже не переживай. Завтра же я тебе литровую банку постного масла с могилы отца Габриэла принесу. У меня целых три. Всё, как рукой снимет.

Медее засомневалась:

- Кети, генацвале, я как-то не верю в эти исцеления от масла. Если бы было все так просто. Я, в конце концов, медик...

- А я, кто, уборщица что ли? – парировала Кетино, продолжая с оптимизмом. – Ты, главное, веруй и все. Вот я тебе одну историю расскажу....

Медее очень хотелось лечь. Аудиенция явно затянулась, а Кетино и не думала уходить, полыхая просветительским огнем. Тут, к счастью, в дверь ввалилась Нинчо. (Один вид кого угодно с ума сведет. До неприличия рванные джинсы, на руках несколько безвкусных резиновых браслетов. Один клочок волос зеленкой вымазан. Это она все готами какими-то бредит). Еле поздоровавшись, она тут же нырнула в холодильник, а потом с шумом бабахнула его дверцей:

- Ма, а где нормальная еда?

Кетино вздохнула и заторпилась к выходу.

Чего Медее стоило уговорить Нинчо сходить на исповедь – один этот подвиг стоил бы педагогического трактата.

В итоге дошли. Но червяк из яблочного огрызка и тут свое «я» показал.

Очередь была приличная. Медее сидела на скамейке, а Нинчо переминалась с ноги на ногу, всем своим видом демонстрируя: «Как вы меня достали!».

Наконец-то их очередь почти подошла. Вдруг женщина впереди них, уже подходя к священнику, заохала, запричитала:

- Ой, что я наделала? Страшный грех совершила! Белье в воскресенье повесила. Нинчо фыркнула и заржала на всю церковь. (Сколько ей Медея выговаривала, не смеяться так, чтоб люди на улице оборачивались – и вот опять то же самое.) Священник грозно сдвинув брови:

- Девочка, отойди от аналая. Ты пока к исповеди не готова.

Нинчо насмешливо накрутила зеленую прядь на палец и гордо вышла из церкви. Медея пошла за ней, спиной чувствуя осуждающие взгляды прихожан. В общем, идею воцерковления пришлось отложить в долгий ящик.

Жизнь вяло текла дальше, не принося ничего обнадеживающего.

И вдруг само собой выплыло основание злополучного айсберга. Пошла как-то Медея мусор выбрасывать и столкнулась с четырехлетней соседкой. Та лениво сосала чупа-чуп, потом ни с того, ни с сего брякнула:

- Тетя Медико, ты когда умрешь, Нинчо в какой мусорный бак выбросят? В тот или в этот?

Медея чуть не села вместе с кульком прямо на асфальт.

- Что ты такое говоришь, Кесо?

Кесо лизнула шарик на палочке и уточнила:

- Это не я, это все так говорят.

Медея, придя в себя от шока, провела целое расследование, и выяснилось. В тот исторический день, когда Эке подарили навороченный мобильник, Нинчо схватила его - посмотреть. И тут же грохнула его на пол. Эка, разозлившись, выкрикнула самое больное:

- Подожди, скоро твоя Медико умрет, и ты снова угодишь в мусорку, откуда тебя и взяли.

Нинчо полезла в драку. А дальше, как пишут в газетах, пошла «эскалация напряженности». К конфликту подключились все девчонки, и получился ремейк фильма «Чучело» в грузинском стиле.

Беднягу буквально затравили. Выясняя подробности, Медея просто не могла понять, откуда у ребят из благополучных семей столько злости. Тогда, в 80-ые годы, посмотрев нашумевший фильм «Чучело», она приписала это русскому менталитету. А теперь, через столько лет, поняла, что ошибалась. Все мы - братья по разуму, независимо от места под солнцем.

Нинчо все это время держалась геройски, ничего не говоря дома. Но в тот памятный день Нинчо заявила из школы в совершенно диком виде.

Швырнула рюкзак на пол и заявила:

- Все! Я больше в эту школу не пойду!

И, не дав матери опомниться, хлопнула входной дверью и исчезла со двора.

Медея лихорадочно соображала: что делать? Звонить в патруль? И что сказать?

Пять минут назад дочка убежала из дома в неизвестном направлении. И слушать не станут. Звонить одноклассникам? Допустим, выяснится сорок первый по счету конфликт. Опять тупик.

И куда побежала эта несносная девчонка? К Куре топиться или бить кого-то?

Медея упала на диван и разрыдалась:

- Господи, за что мне все это? Я больше не могу! Хотя бы эта идиотка с собой ничего не сделала!

Выплакавшись, она решила ждать вечера, а потом звонить в патруль.

К вечеру дверь тихо открылась, и появилась Нинчо. Вид у нее был намного осмысленней, чем днем.

Она, как ни в чем не бывало, начала инспектировать холодильник.

- Ма, что у нас поесть?

- Где ты была? – безучастно спросила Медея.

- В церкви.

- Издеваешься, да?

Нинчо перестала греметь крышками и вдруг сказала:

- Знаешь, ма, я поняла. Их надо простить.

- Кого «их»? – как робот повторила Медея.

- Эку и весь состав.

Медея напряженно вглядывалась в лицо дочери и почему-то шепотом спросила:

- Тебе в церкви видение было?

Новоиспеченая верующая фыркнула:

- Ма, ты тоже, как Экина мать, - пискляво передразнила соседку, - «Видение, знак свыше», В вашем возрасте это что, климакс такой?

- Нино, думай, что говоришь.

- О кей, ма, не обижайся. Это я так, на нервах.

Медея покачала головой: «Нервы у нее, вы ж понимаете».

- Я, короче, зашла туда.... М-м-м, не знаю зачем. Там место было у Распятia. Я сидела и думала о себе, обо всём, что было.

- И дальше?

- А дальше? Я просто смотрела на Христа и понимала, что всех надо простить.

Иначе жить нельзя. – и, стесняясь говорить о сокровенном, спросила нарочито капризно. – Я не поняла: ма, ты сегодня ничего не готовила?

- Мне плохо было, - Медея направилась в спальню.

Нинчо подошла к ней сзади, обняла и потерлась щекой:

- Ма, не бери в голову!

.....

С того дня в классе пошло потепление.

И сегодня, услышав про списанную контрольную, Медея окончательно уверилась: наконец-то мир.

Для кого-то пустяк, а для Медеи нечто, из ряда вон выходящее. Потому и помолилась она о сокровенном:

- Господи, дай мне дожить до совершеннолетия дочки!

Просить Бога о большем она не решалась. Медик не может обмануть себя.

Необратимый процесс в ее организме набирает обороты. Но иногда время растягивается, если очень любишь кого-то.

Примечания.

1. Легкомысленный, несерьезный человек (гр.)

\\Народное средство от депрессии

«Случай – это псевдоним, под которым Бог действует в мире»

Блез Паскаль

У Циури Дзнеладзе умерла мама. Кето, восьмидесятилетняя старушка, везла на себе все домашнее хозяйство, давая тем самым дочери почувствовать себя просто женщиной, а не тягловой единицей. Вырастила внуков. И вдруг неожиданно слегла, и за три дня, не обременив никого, тихо скончалась.

Родные и близкие проводили ее по-людски, соблюли все соответствующие ритуалы. Н апанихиды люди нанесли огромное количество букетов, причем число цветов везде было строго нечетным, как и требовала традиция. Родственники и соседи не пожалели слез, оплакивая ушедшую. Вспомнили все хорошее до мелочей, а именно: как Кето всем помогала при жизни, никогда не брала назад одолженную бутылку постного масла, не шла скандалить, а если ее заливали сверху, и требовать побелить потолок; сама лично мерила всем желающим давление и прочее, прочее...

Священник перед выносом отпел ее благоговейно и без спешки. Все присутствующие остались довольны. После похорон сделали скромный келех

(поминки) на сто человек. И здесь не было допущено каких-либо вольностей и нововведений, а было все строго по неписанным тбилиским законам: периодичность тостов, нечетное количество блюд меню и тарелок. Ах, да, еще вино было двух сортов. Чего же больше? В конце, конечно, подали шилаппав (плов с бараниной), означающий, что **келех** окончен, и гости должны тихо покинуть помещение и дать родственникам наконец отдохнуть от перенесенного стресса.

Несмотря на соблюдение всего вышеизложенного, Циури заклинило. Так бывает иногда, когда близкие что-то сделают не так, не окажут покойнику того внимания, какого он заслуживал. Потом мучает совесть.

Уже и 9 дней прошли, а она все плакала и не могла успокоиться, укоряя себя то за одно, то за другое. Оно и понятно: человек, потерявший мать, сирота на этом свете.

Все 40 дней Циури не выходила на улицу и скорбела. Муж ее – Анзор, входил в положение и терпел, как мог. Но потом он и дети сообразили, что дело плохо.

Как известно, 40 дней – приличный срок, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Циури вопреки такой логике напрочь потеряла интерес ко всем окружающим. Продолжала сидеть нечесанная и, время от времени, вспомнив что-то, начинала по новой слезный водопад.

– Может, маме психолог нужен? – предположил старший сын Лаша. – Я знаю одного раскрученного типа, 40 лари – визит. Он самым модным считается. Потому что теорию «мыльного пузыря» выдумал.

– Это как? – напрягся Анзор. Он очень подозрительно относился к врачам-мужчинам, когда дело касалось его жены.

– Надо представить свою проблему в уме, а потом сказать вслух «Пу-ф-ф!» и воздух из легких выпустить. И параллельно представить, что твоя проблема

лопается, как мыльный пузырь, с треском! – объяснил сын, рисуя в воздухе огромные шары руками.

– А дальше?! «Пуфф» и все? – не понял отец. – И кто за этот бред дает 40 лар?

– Папа, ты отстал от жизни, – обиделся Лаша. – Политики и весь наш парламент только к нему и ходят. Для разгрузки. У него запись на месяц вперед. Но я могу попросить «через-через» и маму на послезавтра назначим.

Анзор покряхтел, покряхтел и решил рискнуть сотней лар – посмотреть, чем это кончится.

Три сеанса индивидуального пуканья реального улучшения не принесли. Циури продолжала слезоточить, как гейзер на Камчатке. А «модный псих», как обозвал его в сердцах Анзор за напрасно потраченные деньги, развел густой туман, мол, случай запущенный, тут работы на несколько месяцев.

Услышав печальный прогноз, Анзор сжал лысеющую голову двумя руками и сам чуть не заплакал.

– Ва-а! Это кто нас проклял так? Вроде, на тещу денег не пожалел, похоронил, как царицу Тамару. Думал, вздохну полной грудью. Так нет. Может, джадо²³ кто в гроб положил?

Тут 16-летний Гуга предложил не по годам здоровое решение.

– Папа, надо священника привести. Пусть он с мамой поговорит и по ходу квартиру освятит. По-любому дешевле станет. Ты только бензин залей, чтоб мне такси не брать.

– Это идея! – обрадовался Анзор, метнув нехороший взгляд в сторону старшего сына. – А то, видишь, пузыри какие-то дурацкие выдумали. Американское поколение.

Сказано – сделано. Приехал всеми уважаемый отец Гурам, побеседовал с Циури на тему того, что «лишняя скорбь не угодна Богу». Говорил долго и хорошо, с

²³ Порча (груз.).

цитатами из святых отцов. Анзор заслушался. Потом и квартиру освятили, как планировали.

Но не помогло и это.

Тогда несчастный муж прибег к последнему средству – позвал соседку Иамзе. Весь квартал знал ее мудрость в любых жизненных вопросах. Она при коммунистах кассиршей 25 лет проработала. На людей у нее чутье. Ей даже кличку придумали «Глаз-алмаз – мастер-класс». В смысле, к любому подход найдет.

Иамзе зашла на цыпочках в спальню затворницы, повела разговор издалека и попыталась надавить на самую больную женскую точку.

– Так тебя, Циури, генацвале, завтра муж бросит. Ты же знаешь, мужчины слез не любят. И внешний вид такой тоже.

Циури заплакала с новым приливом энергии, будто кто резко кран открыл. Пришлось валерианкой отпаивать.

Одним словом, все методы лечения нервного срыва были исчерпаны. И тут троюродный брат Циури, известный прохиндей Сулико, сказал, что у него есть шикарный план под названием «Экстремальная ситуация».

Анзор только безнадежно нервически дернул плечом.

– Делай, что хочешь!

И уставился в окно потухшим взглядом.

Сулико вихрем ворвался к Циури, накинул на нее кое-как одежду и, словно мешок с картошкой, запихнул ее в свой «опель». Потом дал газ, и машина рванулась с места, сжигая и без того лысые покрышки.

– Куда мы едем? – слабо охнула Циури, качаясь из стороны в сторону на крутых виражах.

– На Кукийское кладбище! – буркнул любитель экстрима. – Хочу похоронить тебя рядом с бедной Кето. Все равно живешь, как мертвая.

Не слушая Циурино лепета, Сулико высадил ее у могилы, развернулся и уехал. (Хотя потом он рассказывал, что отъехав на большое расстояние, следил, что будет дальше. Так сказать, для страховки.)

Циури волей-неволей пришлось включить мозги и добираться до дому пешком. К вечеру доплелась до пункта назначения, как говорится, без рук, без ног и, самое главное, без всякой возможности рыдать в три ручья.

На второй день Сулико повторил тот же номер, не обращая внимания на Циурины мольбы и стоны. Но высадил он ее на другом конце города для разнообразия и новых ощущений.

Циури опять пришлось тащиться назад, проклиная Сулико за сердечную заботу. Вдруг у какого-то супермаркета она увидела старушку с протянутой рукой. Поравнявшись с ней, Циури вздрогнула от неожиданности. Те же голубые глаза за толстыми стеклами очков, тот же красиво изогнутый нос, и та же робкая, просящая улыбка. Перед ней стояла Кето – ее мать, живая и невредимая. Только одета была как-то не так.

Циури издала крик и бросилась обнимать старушку, плача и объясняя, как ей тяжело в этом холодном мире без матери.

Старушка прижимала ее к себе и говорила срывающимся голосом:

– Не плачь, милая, не плачь! Я здесь! Я с тобой!

... Потом, конечно, все выяснилось. Не было тут ни фантома, ни двойника, ни воскресения из мертвых.

85-летнюю Лали оставил на улице ее сын. Продал квартиру, а сам уехал в Испанию в поисках лучшей доли. Сказал напоследок: «В Грузии ловить нечего! Тупик на много лет вперед!» Сперва он высылал ей деньги на съемную комнату.

Потом перестал. Дела у него не пошли, как планировал или что-то случилось, Лали сказать точно не могла. Сын больше не звонил, да и звонить было некуда. Так Лали стала ночевать в подвалах, а днем стоять у супермаркета, откуда не гнали.

Этот нехитрый рассказ так потряс Циури, которая видела такие истории только по телевизору, что она вцепилась в руку «обретенной матери» и потащила ее к себе домой. Сама еще удивлялась, откуда только силы взялись.

Вот что значит Его Величество Случай. Мало ли в Тбилиси нищих старух в подземках и на главных улицах. Кто на них всерьез реагирует? Да никто. Кинул мелочь и пошел дальше. А тут все совпало: и Циурина депрессия, и внешность матери, и то, что Лали была действительно бездомная, а не просто «подрабатывала» к пенсии...

Анзор ходил из угла в угол. Нервничал так, что даже кушать не мог. Где, спрашивается, столько времени пропадает эта негодяйка-жена?

В этот напряженный момент раздался звонок. Анзор резко рванул на себя дверную ручку и остолбенел: на пороге стояла его воскресшая теща, а рядом сияющая, прежняя Циури.

– Лали будет жить у нас! – объявила вмиг выздоровевшая жена, стремительно направляясь в сторону кухни.

Старушка, невероятно смущаясь, просеменила за «дочкой». Анзор смотрел на нее во все глаза, не в силах сказать что-то осмысленно-членораздельное.

А Циури уже вовсю громыхла посудой на кухне, свистел закипающий чайник, в мойке бежала вода на скопище грязной посуды.

Анзор наконец-то вспомнил, что ему шептала на ухо Иамзе после своей неудачной попытки вернуть к жизни его жену:

– . Есть такое народное средство от депрессии. Надо найти кого-то, кому хуже, чем тебе и сделать все, чтоб ему стало лучше... Только вот где такого человека для Циури разыскать?

У Анзора поплыли перед глазами его мечты двухмесячной давности. Вот, мол, когда теща умрет, можно будет, наконец-то расслабиться и пожить в свое удовольствие. А именно: класть ноги выше головы, лишний раз цыкнуть на бестолковую Циури за то или за это, не выбирая выражений и так далее. При Кето все же как-то приходилось себя в чем-то ущемлять.

А тут вон как дело повернулось. Вторая теща уже на кухне сидит и чай пьет. И похожа-то как! Будто одна мать их родила.

Потом рассудил, что лучше потерпеть в доме вторую тещу, чем истерики жены на ровном месте. И пошел в кухню со своей дежурной фразой:

– Эй, женщина, что у тебя есть покушать?

Уроки русского и новое мышление

Современный учебник русского языка для грузинской школы на кого хочешь нагонит скуку. Примитивные тексты и диалоги на бытовые темы: магазины, одежда, еда, дорожные ориентиры. Все направлено на то, чтобы ученик смог более или менее связно объясниться с русскоязычным туристом во время случайного знакомства. Литературные тексты изъяты полностью. Объективности ради добавим, что то же самое происходит и с учебниками английского. Имена Марка Твена, Диккенса, Джэка Лондона, поднатужившись, может назвать только отличник, любитель чтения, - ну очень редкая птица в современной грузинской школе.

Родители, у которых материальные возможности совпадают с пониманием того, что язык так не учат, спешат нанять репетитора. В данном случае меня, давая при этом полную свободу действий: «Учи, как хочешь, лишь бы в школе не было проблем». И вот, быстренько выполнив школьную обязательку, я с выражением читаю 10-летнему Левану моего любимого Есенина:

Белая береза под моим окном

Принакрылась снегом, точно серебром...

Чтобы ученик слышал ритм и красоту языка, освоил ударения, необходимо все читать вслух, даже задание к упражнению, а уж стихи и подавно.

Но от чтения отвлекает неожиданный вопрос:

– Мас (1), что такое «береза»?

– Это дерево. Символ России. Белый ствол с черными полосками и зелеными листиками на ветках.

– Как пальма?

– Нет. У нее нет «волос». Как бы тебе объяснить. У нас береза не растет. Даже в ботаническом саду ее нет, – и я рисую на листе нечто, отдаленно напоминающее березу. – Из нее еще сок можно весной добывать.

– Со-ок?! – Леван недоверчиво смотрит на мой набросок и задает другой вопрос по существу.

– А вы, мас, были в России? Видели березу?

– Да, была, – отмахиваюсь я и пытаюсь подвести разговор поближе к Есенину, но Леван упрямо гнет свое:

– А где вы достали визу?

– Тогда не нужны были визы.

– А там хорошо, в России?

– Да, очень.

Нет, он и не думает останавливаться:

– Расскажите, а как там?

Поди Расскажи ему в двух словах, «как там». Потому пытаюсь отделаться от приставалы первой ассоциацией:

– Там нет гор. Зато снег лежит с ноября по апрель.

Полное отсутствие гор воспринимается с трудом, а обилие такой редкости в Тбилиси, как снег, вызывает восторг:

– О! Можно кататься на санках!

Авторы учебника, чтобы избавить учителей от подобных вопросов, вставили 2-3 коротеньких поясняющих текста об истории и географии России. В этом тексте составители по пунктам разъяснили детям, какие подарки можно дарить русскому, мусульманину и японцу, а какие ни в коем случае нельзя. Особое внимание уделено приветствиям - и здесь же предостережение: «Нельзя целовать жителя России при встрече, можно только при расставании!» Дети, читая это, обычно требуют дополнительных пояснений, так как у нас наоборот. В итоге Есенина приходится отложить в сторону. И я обещаю в следующий раз принести Левану «Сказку о царе Салтане» Пушкина. Апробированная вещь, обычно идет на «ура», если опустить устаревшие слова и описания природы.

Оно и понятно: современные дети в первую очередь ценят «экшн» – динамичный нестандартный сюжет.

В итоге, как награда моему охрипшему горлу от чтения и построчного перевода Пушкина, неожиданный вопрос.

– Мас, а Голливуд это будет снимать? Ведь получится не хуже, чем Спандж Боб!

Вот уж действительно Александр Сергеевич «памятник себе воздвиг нерукотворный», раз пресыщенный Интернетом подросток задает такой вопрос. Умение представителей нового поколения проводить параллели – это совершенно отдельная тема. А пока надо ловить момент и просить выучить четверостишие «Ветер по морю гуляет». Хотя бы что-то останется в голове. По ходу уговаривания советую поискать в сети одноименный фильм и мультик, но опять наталкиваюсь на стену технического прогресса между поколениями. Леван разочарованно машет рукой:

– Разве в ваше время умели снимать? Вот американцы сняли бы очень круто, со спецэффектами.

С прозой, конечно, легче. Хорошо воспринимается «Барышня-крестьянка» в сокращенном виде, иначе долго надо рассказывать о времени создания и крепостном праве. Слабое знание мировой истории – это отдельная тема. «Дубровский» на той же волне слушается сначала внимательно, но разочаровывает и даже вызывает возмущение конец произведения:

– Этот Дубровский не мужчина, что ли?! Кого он слушает? Надо было убить этого противного князя!

Попытка подвести собеседника к пониманию морали того времени: «Но я другому отдана и буду век ему верна», - заканчивается обычно фырканьем:

– Кому это надо?! Вот мои соседи венчались и через год церковно развелись. Никто не умер. Какой это век, мас? Девятнадцатый? С ними все ясно.

Напрочь не воспринимается «Муму». Если мы, брежневское поколение, слушали описание ее гибели со слезами на глазах, то, читая именно это место моей любимице Русико, я была огорошена ее вопросом:

– Мас, Герасим что - debil?

– ?

Следует внести ясность, что у меня с учениками отношения самые простые, поэтому в выражениях они не стесняются. Официоз пусть останется для школы и прочих важных заведений.

– Неужели нельзя было придумать какой-то трюк, чтобы не убивать бедную цугу (2)? Подумаешь, слово дал. Кто такой этот дворецкий Гаврила?

Пытаюсь объяснить про рабскую психологию, но все напрасно. Над всем поколением прочно довлеет девиз: безвыходных ситуаций не бывает. А узнав про побег Герасима от барыни, бедный глухонемой и вовсе падает в ее глазах:

– Если сбежал, то взял бы с собой Муму. Где логика?

Аналогичный вердикт девочка вынесла и герою рассказа Чехова «Смерть чиновника».

– У них все такие тупые были в девятнадцатом веке? Если извинился, зачем умирать?.. Мас, знаете умную вещь? – тут же оживляется семиклассница и цитирует мне известную фразу, которая в русском переводе звучит примерно так: «Плюнь, полегчает на сердце!»

Зато очень нравится «Кавказский пленник». Скорее всего, в силу динамичности сюжета. Симпатии, конечно, на стороне Жилина. Тут самые продвинутые могут провести параллели с сегодняшним днем:

– Мас, а кто круче, русские или чеченцы?

Мне никогда не приходило в голову ставить вопрос таким образом, и я, пожимая плечами, отвечаю вопросом на вопрос.

– А ты как думаешь?

– Думаю, русские.

– Но в произведении описана завоевательная война, – напоминаю.

– Не в этом дело, мас. Зато у них есть бомба.

Мои рассуждения о том, что бомба не показатель морального превосходства, а сам вопрос поставлен некорректно, наталкивается на нерушимую логику:

– Если они ее сбросят, от Кавказа мокрое место останется.

И тут же следующий вопрос с нескрываемым опасением:

– Мас, а вдруг, правда, сбросят?

Каждый день мы слушаем по телевизору разговоры о том, что «Россия - наш враг», который «осуществляет ползущую оккупацию», в очередной раз передвигая границу.

– Надо молиться, чтобы до этого не дошло.

Мой ответ воспринимается совершенно серьезно и рождает логическое продолжение:

– А вы молитесь?..

Вот что удивительно: при навешанном современным телевидением искреннем опасении русских, у детей нет негативного отношения к языку, а тем более к его носителям. Желание изучать русский не убывает, как и желание молодежи смотреть русские каналы без переводчика. Может, это с подачи родителей, которые высказываются о войне и прерванных дипломатических отношениях с большим сожалением: «До чего мы дожили?!» Не знаю. Эта тема для более серьезного исследования. Могу сказать, что те, кто в школе проскочил мимо русского, повзрослев, обязательно стараются наверстать упущенное, чтобы владеть языком хотя бы на разговорном уровне.

Стараясь закруглить эту вязкую тему, я переключаюсь на рассказ Толстого «Чем люди живы», предварительно вкратце познакомив ученика с биографией писателя. Рассказ нравится всем. А потом, прослушав концовку, обычно спрашивают:

– Мас, почему Толстого отлучили от Церкви, когда он так хорошо написал о Боге? Нельзя ли что-нибудь изменить? Это отлучение было так давно-о -о!!!

Мое объяснение вызывает понятное сожаление.

– Да... Жалко его... Как это страшно, когда твои потомки о тебе не могут помолиться.

Так или иначе, все мои ученики - дети верующих родителей.

Как противовес предлагаю ознакомиться со «Скоморохом Памфалоном» Лескова. Оценка однозначная.

– Магариа! (3)

– Раз так, пиши короткий пересказ!

Сочинения на любую тему, тем более свободную, – самое болезненное место в обучении. Пересказать с пятого на десятое - еще куда ни шло, а вот писать....

Им всем трудно формулировать свои выводы письменно. Мои попытки выжать хоть что-то примитивное вроде «Мой любимый фильм» обречены на провал.

Новое поколение в 90 % называет «Сумерки», радостно поясняя:

– Мас, это про добрых вампиров!

– Что там хорошего?..

– М- м-. Короче... это...

Возможен и другой вариант. Мальчишки могут назвать «Пилу» и еще пуститься в подробности о распиливании тела на части. Потом, снисходя к моей резко отрицательной реакции, могут переиграть:

– Хорошо, пусть будет «Бригада».

Но от сочинения будут отбиваться руками и ногами.

Вернусь к вопросу о биографиях. Выбирая для учеников список произведений, обнаружила, что мои «доперестроечные» познания тут явно не годятся. Не будешь же пичкать их, сегодняшних, советскими штампами вроде «буревестник революции» или «мастер соцреализма». И я попыталась собрать как можно больше сведений о классиках через призму «Промысел Божий в жизни русских литераторов». Этот сбор информации открыл много интересного и для меня самой. Даже в 90-х годах, когда я еще не имела понятия об Интернете, мои ученики уже очень внимательно слушали о том, как:

Николай I сказал Пушкину: «Умри христианином», и великий поэт, причастившись, умиротворенный перешел в мир иной.

Лермонтов, о котором нам в свое время говорили как об атеисте, во время ареста написал:

*«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием...»*

Исповедальные слова Есенина:

*«Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь».*

И многое другое.

И еще одно небольшое дополнение к вопросу о том, «что нравится».

Неизменный восторг вызывает «новость» о том, что Маяковский родился у нас, в деревне Багдади, и хорошо знал грузинский. Обычно ученики просят рассказать об этом подробнее.

«Коммунизма призрак по Европе рыскал» или «Стихи о советском паспорте» воспринимаются очень туго и обычно вызывают вопросы:

– А какой он был человек?

В двух словах трудно объяснить трагедию поколения безбожников, которые запутались в своих страстях. Опыт поэта хорош, скорее как наглядное пособие: «Так, ребята, жить нельзя».

Я не филолог и не историк, поэтому мои жалкие попытки любому специалисту в этой области, вероятно, покажутся смешными. Но ученикам нравятся наши уроки, и для меня это главное. Просто очень хочется вызвать и у них любовь к тому, что сама я так сильно люблю.

В процессе моих экспериментов стало ясно, что необходимы новые альтернативные учебники по русской литературе для всех классов, а заодно и по истории, составленные духовно просвещенными людьми и адаптированные для нерусскоязычных детей.

Мне бы хотелось бросить клич и в первую очередь обратиться к архимандриту Тихону (Шевкунову) с просьбой взяться за это гигантское дело. Уверена, что книга будет не менее популярной и востребованной, чем легендарные «Несвятые святыя». Во всяком случае в Грузии сейчас резко возрос интерес к русскому языку, к истории России и её культуре. А это, поверьте, добрый знак.

1. Обращение к учителю независимо от пола.
2. Ласковое название собаки (гр.)
3. Сильно (гр.)

В паломничестве

Одной женщине приснился сон, что за прилавком магазина вместо продавца стоял Господь.

– Боже! Это Ты!

– Да, Я, – ответил Бог.

– А что у Тебя можно купить?

– Всё, – был ответ.

– Тогда мне бы хотелось купить здоровья, счастья, любви, успеха и много денег.

Бог улыбнулся и пошёл за заказанным товаром. Вскоре Он вернулся с небольшой картонной коробочкой.

– Это всё?! – воскликнула женщина.

– Да, – ответил спокойно Бог. – Разве ты не знала, что у Меня продаются только семена?

(Из притчи)

* * *

Вечернее чаепитие на двоих почти закончено. Монолог хозяйки над остатками торта и варенья:

– .Что тебе сказать насчёт паломничества? Ты же знаешь, я ни одного сбора не пропускаю. У нас тут что-то вроде бригады подобралось. Часть – прихожане из нашей Богословской церкви, часть – из Александра Невского. Заранее по 10-15 лар скидываемся и едем на автобусе, так чтоб к вечеру вернуться.

Мы уже где только не были: Бодбэ, Вардзия, Сарке, куда бездетные молиться ездят и, если исполнится, колыбели жертвуют. Недавно к форелям исцеляющим ездили в Олианки. Там мы этих форелей хлебушком кормили, как нам заранее посоветовали. Люда – метр с кепкой – даже погладить одну ухитрилась. Для здоровья, говорят, полезно. Но что-то незаметно, чтоб у неё здоровья прибавилось. В общем, врать не буду – не знаю. У меня даже специальная

тетрадка имеется. Я туда интересные факты записываю, а то память уже не та. Погоди, сейчас принесу, чтоб потом от мысли не отвлекаться. (Вынужденная пауза на поиск вышеозначенной тетради.)

.На этот раз наметили мы к Фоке съездить. Это около границы с Арменией. С утра уже искушения начались. Положила я сумку на моё постоянное место и вышла зачем-то из автобуса. Прихожу – и что я вижу? Одна из беженек мою сумку в проход выпихнула и сама на моё любимое местечко плюхнулась. Эти сухумские беженцы все такие. Их почерк. Они, как их из Абхазии попёрли, весь наш базар оккупировали и цены взвинтили. Ой, я уже разнервничалась, надо что-то принять...

(Пауза. Медицинское вмешательство в виде таблетки и через какое-то время – возвращение к прерванной теме).

Так вот. Хотела я этой нахалке высказать всё, что думаю, но сдержалась. В паломничество всё-таки едем, в святое место. А настроение уже испорчено. Вдруг смотрю: мама дорогая! – тайфун на меня идёт. Это я Клавдию длинноносую так называю. Типичный тайфун с цунами и есть. Говорливая ужасно. Всех хочет к Богу привести, причём не спрашивая, хотят того люди или нет. Просто информационно атакует всех. И, как назло, эта Клавдия со мной села.

Автобус поехал. Клавдия тут же открыла рот и всю дорогу не закрывала: с каким батюшкой она чай пила, какой иеромонах её благословил и какой сон ей приснился. В общем, едешь в паломничество за благодатью, а в итоге одни искушения..

В прошлый раз ехали мы в Шуамта. Погоди, я тебе зачитаю конкретно... Дай разобраться... Это сок тут разлился в прошлый раз. Корова эта, Нанули, толкнула меня под руку, когда писала. А, вот нашла... «Монастырь Дзвели Шуамта. Маленькая церковь, датируется V веком, остальные две – большая и

малая церкви – к VII веку»... Большая церковь копия Джвари, что во Мцхета.... Мда... Вот ещё про это... «В церквях сохранились росписи XII века... Обитель была построена кахетинской царицей Тиной. Ещё в детстве ей приснился сон о том, что предстоит ей построить православный храм. Во сне она увидела место его будущей постройки. Место оказалось незнакомым, и, только став женой кахетинского князя Левана, царица Тина узнала увиденное во сне место во время путешествия по Грузии. Там и был основан монастырь, где впоследствии приняла монашеский постриг сама Тина»...

(Рукописание с шумом закрывается, и следует возврат к личным впечатлениям.) Хорошо там, словами не выразишь! А с нами Ирина с ребёнком затесалась. Сын у неё, наверно, с очками родился. Стёкла толстенные, как телескопы. Вот Ирина его и таскает по святым местам, куда надо и не надо. Этого мальчишку кто-то в автобусе персиками угостил. И началось! Всю дорогу только и слышно было: «Мама, я в туалет хочу!» Раз десять из-за него автобус останавливали. А еще передо мной мамаша с двумя детьми-школьниками сидела. Да ты, может, её знаешь. Блузка с цветочками и косынка синяя у неё. Зануда ещё та. Всю дорогу зудела: «Дато, не горбись, сядь прямо! Лика, посмотри направо. Нет, ты не туда смотришь! Дато, ты успел перекреститься на монастырь?» Дети ещё золотые, а мамаша придушила бы. И посоветовала: сиди дома и там всем мозги вынимай. . Наконец приехали мы в Фоку. Её ещё римляне в четвёртом веке описывали. Рядом озеро Параван. Около него святая Нина проходила, когда из Армении в Грузию шла на проповедь. И заночевала прямо тут на берегу.

(Подглядывает в конспект.)

«В память об этом в XI веке грузинский царь Баграт IV выстроил базилику в честь св. равноапостольной Нины». Место очень благодатное. Прямо душа поёт. И от озера таким спокойствием веет. Как раз для моей истерзанной нервной системы. И вот сижу я на бережку, тихий плеск воды слушаю и думаю. Это ж

сколько святой Нине пришлось препятствий преодолеть, чтоб до нас Благоую весть донести! А мы что творим? Вот лично меня взять? Чего злюсь и раздражаюсь в этой короткой, сиюминутной жизни? Я ж в душе не кобра какая. Стараюсь жить, и не осуждая никого. А всё срываюсь.

(Вытирает платком покрасневшие глаза.)

Батюшка говорит: «Господь произволение целует! Ты, главное, старайся. Хоть и падаешь, снова вставай». Эх, да что говорить... Сижу я, значит, у озера, а благодать такая, что даже слёзы на глазах выступили.. Вдруг слышу, сзади кто-то шушукается. Оказывается, мои кости моют. Доносится: «Видишь, как на неё благодать действует. Наверно, о своих абортах плачет». Мне прямо в голову кровь бросилась. Ишь, всех своей меркой меряют! Не было у меня ничего подобного.

Ладно, поели мы, сфотографировались на фоне базилики. Залезли в автобус, а двоих нет. Это с нами двое армянков поехали, из новеньких. Час ждём, нет их. Шофёр уже ругается, не выбирая выражений:

– Ох, уж эти верующие. Всю душу вымотают! Сидите лучше дома и молитесь. Смотрим: появляются две кумушки. Идут с большими тяжелыми сумками. Мы, естественно, на них хором:

– Где вы столько времени лазаєте? Только вас ждём!

А они хоть бы смутились для приличия. Куда там, объясняют неторопливо:

– А что такое? Мы и помолились, и продукты купили. У нас тут родственники живут. Из первых рук рыбу и сыр взяли. Чего пустыми назад ехать?

Я не выдержала, наорала на них:

– Вы в паломничество ехали или рыбный бизнес раскручивать?

Одна из них ещё огрызается:

– Одно другому не мешает. А ваши рецепты для мозгов себе оставьте. Не надо учить нас, как делать купи-продай.

Вот и сохраняй спокойствие после этого. А тут ещё Клавдия шофёру новый маршрут предложила, дескать, срежем крюк и быстрее доедем. Тот и клюнул, чтобы время сэкономить. В общем, заехали по темноте в такую глушь, что и не знаем, как выбраться. Да ещё и колесо прокололи по бездорожью. Тут все почему-то стали смеяться - от избытка впечатлений, что ли? А мне совсем не смешно.

К часу ночи еле-еле доплылись до Тбилиси. Пришла я домой уставшая и злая. Всю благодать по дороге растеряла. Только фотография на память осталась.

Другая дверь

Ни для кого не секрет, что во всем мире растет число инвалидов.

«По данным ООН, каждый десятый человек на планете имеет инвалидность, один из 10 страдает от физических, умственных или сенсорных дефектов, и не менее 25% всего населения страдают расстройствами здоровья. Примерно одна семья из четырех человек имеет в своем составе человека с ограниченными возможностями.

По официальной статистике, в Китае насчитывается более 60 млн. инвалидов, что составляет 5% от численности населения, в США их – 54 млн. (19%), в России сейчас 10 млн. инвалидов (около 7% населения)»^[1].

И наблюдаются тенденции роста числа людей с ограниченными физическими возможностями.

Почему? Ученые назовут вам несколько вполне убедительных версий. Но вероятность того, что в той или иной семье может родиться «проблемный ребенок», от этого всё равно не уменьшится.

Итак, если **такое** случилось именно с вами. Не думайте, что на этом ваша жизнь бесповоротно закончилась и наступила огромная черная полоса, которая

плавно перешла в одноименную дыру космоса: попасть в нее можно, а выйти уже никак.

Если Господь закрывает одну дверь, то обязательно откроет другую.

История Маки Нателаури как раз живая иллюстрация на эту тему.

Маке 25 лет. У нее ДЦП. Живет в Тбилиси, в одном из итальянских двориков, на втором этаже. Причем тут этаж? – спросите вы. Да при том, что спуск во двор для нее невозможен, если отец не снесет ее туда на руках. То есть на улице Маке приходится бывать не часто, хоть и очень хочется. Передвигаться она может только в коляске. Руки и ноги у нее не действуют. Говорить ей очень трудно. Несмотря на всё это, она претворила в жизнь свою мечту. Пишет и пишет рассказы... прикрепив ко лбу специальную палочку для давления на кнопки клавиатуры.

А еще она ведет активный образ жизни. Три года назад фирма «Парса» провела с Макой тренинг по туризму, и теперь она их равноправный сотрудник. С помощью интернета продает туристические пакеты по всему миру.

В свободное время Мака играет в шахматы, общается со множеством друзей в социальных сетях (на ее страничке в фейсбуке вы увидите лозунг: «Мне дает силы то, чего я не имею!») и много читает. В ее арсенале прочитанного почти весь Достоевский, Ремарк, Илья Чавчавадзе. Особенно любит Нодара Думбадзе.

Люди, сталкиваясь с ней виртуально или реально, невольно пересматривают свою жизнь. Что, мол, наши надуманные проблемы по сравнению с тем, что у Маки! А мы еще постоянно жалуемся, психуем и тратим кучу эмоций на всякую ерунду.

Вот выдержки из интервью с Макой, которое взяла журналистка с помощью ее родителей, так как только они понимают ее речь.

«– Кто были твои первые читатели?

– Мои родители. Потом виртуальные друзья. Пишу специально для того, чтобы читали именно они.

– Ты любишь кого-нибудь?

– Я влюблена в эту жизнь. Иначе не смогла бы писать... Я мечтала быть режиссером. Поэтому научилась компьютерному монтажу: вырезаю из фильмов кадры и подбираю к ним музыку. А вот рисование так и останется для меня несбыточной мечтой. Вы подумаете, что самое большое желание, чтобы все люди с ограниченными возможностями вдруг стали здоровыми? Да, это было бы неплохо. Но я верю, что у каждого из нас особая болевая миссия в этом мире: чтобы другие люди научились видеть то, на что обычно не обращают внимания, были бы более чувствительными. Больше всего я хочу, чтобы люди поняли: нельзя не любить другого только потому, что он не похож на тебя...

Очень часто я думаю о тех инвалидах, которые живут в районах, и их семьи почему-то стесняются показывать их обществу. А им – знаю по себе – так хочется к людям!»

Недавно вышла книга ее рассказов «Луч света» – о том, с какими трудностями сталкиваются люди с ограниченными возможностями в мире «здоровых» и что при этом переживают.

Вот один из рассказов.

«...Меня катили по улице в коляске. Я была в прекрасном настроении и постоянно улыбалась всем и вся, что двигалось мне навстречу: солнцу, улице, людям. Я представляла себя такой же здоровой, как и все вокруг. Ну и что, что ты сидишь в коляске? Ты в сто раз лучше тех, кто болен душой. Ведь душа **выше** тела.

Но в этот день я убедилась в обратном.

Мы с мамой заехали в нотариальную контору. Хозяйка кабинета – молодая женщина – что-то печатала на компьютере. Она с улыбкой поздоровалась и спросила, что нам нужно.

Мама объяснила, что нам нужна доверенность. Но так как я руками писать не могу, то нам нужно в этом подтверждение.

Нотариус даже не взглянула на нас.

– Здесь нужна ее подпись. Без этого я ничего не могу оформить.

– Но мы и раньше делали доверенность, – стала доказывать мама. – И никаких проблем не было.

– Я не выдам документ, если он не будет подписан обеими сторонами, – последовал спокойный ответ.

– Но у кого вы требуете подпись?! – у мамы задрожал голос от обиды и возмущения.

Нотариус задумалась, потом предложила другой вариант:

– Если вы принесете справку от психиатра, что все ее действия адекватны, тогда я, так уж и быть, оформлю.

– Зачем вам подтверждение от психиатра?! И так видно, что моя дочь адекватна. Ей трудно говорить, но она наберет вам фразы на компьютере.

– Мне не надо на компьютере, – холодно отрезала хозяйка кабинета. – Мне надо, чтобы ваша дочь сказала слово по-человечески. Закон есть закон.

Мы покатали к другому нотариусу, но там повторилось то же самое.

– ...Слово по-человечески...

– ...Справка от психиатра...

Эти две фразы крутились у меня в голове в такт переката колес.

По улице шли люди. И вдруг передо мной и ними возникла стеклянная стена. Мама осталась по ту сторону вместе со всем окружающим миром. Люди разговаривали друг с другом. Сквозь невидимую преграду слышны были их

веселые голоса и беспечный смех, а я в это время была в стеклянном саркофаге и задыхалась...»

И несмотря на это, Мака оптимист. А оптимисты всегда в цене. Это видно даже по ее страничке в фейсбуке. Месяц назад, когда я к ней зафрендилась, у нее было около 200 друзей. Сегодня уже 450. Значит, самым разным людям хочется ее видеть в своей ежедневной ленте и каждый раз, читая ее посты, говорить себе: «Мака может бороться! И у меня тоже всё получится, несмотря ни на что! Надо просто сильно захотеть!»

Использован материал статьи Торнике Каджришвили в газете «Палитра недели» от 19.05.2014

Это старомодное слово «верность»

Мы все считаем себя очень умными (по крайней мере, до сих пор не встретила никого, кто бы добровольно назвал себя дураком). Мы разбираемся в компьютерной технике и политике, знаем точно «где как надо и не надо», запросто жонглируем евангельскими цитатами и медицинскими терминами. И вообще, мгновенно усваиваем такое количество новой информации, какое наши предки получали за десять лет. Но почему-то все реже и реже употребляем слова «честь», «порядочность», «верность».

...Вот эта маленькая заметка на портале информационного центра Кахетии собрала в грузинском фейсбуке множество «лайков».

В доме престарелых

Этому старику 80 лет. Каждое утро он несет завтрак своей жене, которая живет в доме престарелых и собственноручно ее кормит. Однажды я спросил его:
– Почему ваша жена живет здесь?

- У нее болезнь Альцгеймера. Я не смог ухаживать за ней один дома. И потом, у нас нет столько денег, чтобы я жил вместе с ней здесь, в доме престарелых.
 - Ваша жена будет нервничать, если вы не принесете ей завтрак утром?
 - Она ничего не помнит. Уже пять лет, как она не узнает меня.
 - Как удивительно, – восхитился я. – Несмотря на это, вы каждое утро здесь.
- Старик грустно улыбнулся, посмотрел мне в глаза и сказал:
- Зато я помню, кто она...

А вот заметка из газеты «Палитра недели» от 17.07.2014 года.

Я и сегодня жду его...

Элико Нариндошвили живет в Сигнахском районе в деревне Джугаани. Ей 103 года. Несмотря на свой возраст, чувствует она себя бодро, но без палки передвигаться не может.

– Я родилась в 1912 году в деревне Бодбисхеви. В двадцать один год вышла замуж за Андро. У нас родилось двое детей. Андро призвали на фронт. С войны он не вернулся. Я работала на табачной плантации четыре года, потом еще семь лет дояркой на ферме, не жалея себя. Потом перешла на птицефабрику. Мне очень хотелось, чтобы муж, придя с войны, увидел семью, стоящую на ногах, а не погибающую в нищете.

– Сколько лет вы ждете мужа? Когда пропала надежда на его возвращение?

– Я и не теряла надежды. Кто знает, может он придет сегодня. Все бывает в жизни. Он золотой человек, хороший муж и прекрасный отец... Один наш сын умер от рака недавно. Не уберегла я его. Но что делать

– Вы вышли замуж по любви, Элико-бебо^[1]?

– Нет, сынок, я и не знала, что это такое. Просто он пришел ко мне домой и посватался. Я согласилась. Вот и все. Шесть лет, которые мы прожили вместе, были самыми счастливыми в моей жизни.

– Почему вы не вышли второй раз замуж? Наверняка у вас были поклонники.

– Что ты говоришь, сынок? Мои дети рассердились бы, если бы я привела им отчима. Я бы ни за что не вышла второй раз замуж... Хотя сначала у меня не было чувств к моему мужу, но потом так полюбила его, что все эти годы только и жила мыслью о нем. Клянусь вам моими живыми и мертвыми, за все 75 лет у меня никого не было кроме него. Когда вернется мой муж, я должна встретить его с чистой совестью. Поэтому мне было лучше вот так тяжело зарабатывать, чем второй раз выйти замуж..

Подобные простенькие заметки почему-то вызывают у многих щемящее чувство чего-то невозвратно потерянного. «Редкость», – скажут многие в век перенасыщенности всего и всем.

Интересно, какие слова уйдут из лексикона наших внуков? Неужели для них такие истории будут чем-то из области красивых легенд?

Примечание.

□ Обращение к бабушке (груз.)

Обида

Был солнечный, безоблачный день. На проспекте было много прохожих, в основном студентов и школьников. Им было весело, и они часто смеялись, обсуждая новости.

В толпе прохожих шел Торнике, не ощущавший прелести весеннего дня, и в его воспаленном мозгу пульсировали только две фразы: «За что, Господи?» и «Что я сделал не так?!». Горе Торнике было безмерным и таким чудовищно-необъяснимым, что он снова и снова прокручивал про себя начало и конец этой истории.

* * *

В тот день Торнике в своем зеленом стихаре стоял у Царских Врат, прислуживая отцу Теймуразу. Всего на миг он скосил глаза в сторону и замер. Около Иверской стояла красивая светловолосая девушка и плакала, комкая уже промоший платок.

Это была любовь с первого взгляда, которая посетила Торнике впервые за его сорокалетнюю жизнь. Бедный алтарник замер на месте с застывшей в полуобороте шеей. Хорошо еще, что Саломе с клироса дёрнула его за рукав, и обошлось без конфуза. Но образ заплаканной красавицы не выходил у него из головы.

Торнике пытался бороться с искушением. Он вполне достойно носил стихарь уже пятнадцать лет и перечитал за это время столько духовной литературы, что отец Теймураз даже предложил ему поступать в семинарию. Токо, как звали его все, отказался по недостойнству:

- Какой из меня священник?! Это очень ответственное дело. Я не смогу.

Словом, жил Торнике тихой размеренной жизнью, неплохо зарабатывал на создании сайтов. К роскоши не стремился, зато больше ценил свободный график и возможность ездить по святым местам. И вдруг его молнией пронзила любовь.

На другой день печальная незнакомка снова появилась на службе. Слез уже не было. Но в глазах было такое страдания, что Торнике вдруг почувствовал её боль.

- Я могу вам чем-то помочь? - подошёл он к незнакомке после службы.

- Нет, спасибо, - заплакала она.

- Может, мы вместе выпьем кофе?

Слезы закапали на снятую с головы косынку. И все-таки вскоре они уже сидели за столиком в какой-то крошечной кафешке. Тут Нану, а именно так звали печальницу, прорвало. История её была скорбной и одновременно

банальной. Какой-то слишком энергичный Мито клялся ей в любви, обещал жениться и даже снял жилье, а как узнал, что Нана беременна, тут же испарился.

Нана пыталась его разыскивать, но из этого ничего не вышло. А неумолимое время бежало вперед. В итоге аборт делать уже поздно, за квартиру платить нечем, в трех магазинах у нее набрались долги за продукты. И на днях хозяйка выгонит ее на улицу. А возвращаться домой в маленькую кахетинскую деревню – смерти подобно. Не поймут ни родители, ни окружающие. Вот Нана и пришла в церковь, умоляя Господа о чуде, а иначе не выжить.

Токо, не задумываясь, тут же ответил:

- Не беспокойся ни о чем, я все устрою.

- Как? – обомлела Нана.

Токо молча отдал ей все имевшиеся у него деньги, оставив себе мелочь на дорогу.

Нана пыталась отказаться, но Токо властно сказал:

- Завтра еще принесу и закрою твои магазинные долги.

Дальше всё было просто. И хотя отец Теймураз с сомнением отнёсся к идее Торнике жениться на Нане, но ради будущего ребёнка обвенчал молодых. Мама Токо, давно мечтавшая видеть сына женатым, встретила невестку ласково. И вместе с ней ликовали соседи. Известный скупердяй Тамаз на радостях даже арбуз подарил молодоженам. И курдянка Седа, местная уборщица на три улицы, тоже радовалась от души:

- Вот повезло этой Нане! Из деревни прямо в центр города замуж вышла. И семья хорошая. Всегда мне вперед за подъезд три лара дают, не то, что эти скупердяи на третьем – ходи по десять раз.

Только две соседки-старушки с первого этажа Фира и Галя не разделяли общего ликования.

- Цэ не чисто дило! – вздыхала Галина Васильевна. – Токо простой, как пять копеек. Ой, чует мое сердце: окрутила она его.

- И то правда, - вторила ей Фира Моисеевна из своего окна. – С чего это он так скоропостижно женился?

Обе старушки использовали Токо для хозяйственных нужд в качестве бесплатного электрика и носильщика. И им было небезразлично будущее своей рабсилы.

А Токо тем временем наслаждался семейной идиллией. Ему доставляло огромное удовольствие ухаживать за Наной, покупать ей фрукты, сопровождать к врачу и два-три раза в день разговаривать с ее животом, придумывая малышу все новые и новые ласковые прозвища.

Нана с опаской наблюдала всю эту возню вокруг себя и иногда спрашивала.

- Почему ты так делаешь?

- Я люблю тебя, - отвечал Токо. – И мне хорошо от этого.

Нана почему-то заметно напрягалась от разговоров про любовь, а Торнике хотелось говорить о любви бесконечно. А еще он придумал каждый день включать своему будущему сыну Моцарта, полагая, что это благотворно влияет на ребёнка. Но Нана запротестовала от непривычки к классике. В их деревне никто таких экспериментов над беременными себе не позволял, а про Моцарта она слышала, что его играют на похоронах.

- Умоляю, не надо, - выключала она проигрыватель. - А то мне кажется, что я умерла, и такая музыка у меня над гробом играет.

Словом, Моцарта пришлось отставить. Нану, к слову сказать, многое раздражало в ее новом доме. Особенно ей действовали на нервы стеллажи с книгами. Зачем, спрашивается, столько? И она запланировала сбегать их чохом одному букинисту на базаре.

В положенное время у четы родился сын Отар. Торнике не летал, а порхал от радости, принимая поздравления от родных и соседей. А через три месяца супруга неожиданно заявила:

- Мне позвонил Мито. Он попросил прощения, что так все нехорошо вышло. На днях он заберет меня к себе в деревню.

У Токо мгновенно пересохло горло:

- А как же я? Разве я что-то сделал не так?

- Просто ты отчим для Отико. Ты никогда не сможешь его любить как родной отец.

Через два дня к подъезду Торнике подъехал раздолбанный «москвич». Оттуда вылез Мито. Этаким колобок с начинающейся лысиной и с жутко самодовольной физиономией. Он деловито прошествовал на второй этаж, забирая своего сына и Нану. Токо молча помогал выносить вещи, которых оказалось довольно много. И мечтал только об одном: хоть бы никого из соседей не оказалось рядом. Но, как назло, в этот момент повылазили все, кому не лень.

Фира с Галей почти одновременно распахнули двери. Фира озвучила мысль, мучавшую обоих:

- Это что за новости в нашей волости? И почему Токо имеет такой вид, будто у него никогда не было в жизни счастья?

- Вин же бледный, як мрець (мертвец - укр.), - поддакнула Галя со своего порога.

Мито (нет, чтоб промолчать) объявил, демонстрируя широкой улыбкой недостаток визитов к стоматологу:

– Это я мою жену и сын к себе забираю. Теперь я отвечаю.

Фира выронила совок, присовокупив какой-то возглас на идише. Зато Галя закричала на весь двор:

- Ыых! Ты глянь, Фира, на яку кривоногу каракатицу она сменяла нашего Току!

- Сама ты каракатица! - огрызнулась Нана.

- Токо в отличие от тебя культурный человек! - поддержала Фира Галину.

- Слишком культурный! - подчёркнуто насмешливо провозгласила Нана.

Гвалт стоял на весь двор, и через полчаса уже весь район знал о семейной катастрофе Торнике. Токо теперь стыдился выйти на улицу. Заперся у себя дома, пытаясь ответить на два вопроса, давно уже мучающих человечество: «Кто виноват?» и «Что делать?». Пожар в голове мешал думать, и Торнике решил идти за советом к отцу Теймуразу.

* * *

Отец Теймураз выслушал сбивчивую повесть о страданиях духовного чада и сказал без тени улыбки:

- Не терзай себя. Ты все сделал правильно на том этапе. Обеспечил Нане спокойную беременность и роды. Это великое дело - помочь родиться малышу! И хорошо, что Нана ушла сейчас, а не через десять лет. Было бы больнее.

- Что ж тут хорошего? - вспыхнул Торнике, проглотив подступивший к горлу ком. - Я любил её больше жизни, а она унесла с собой моё сердце!

- А она тебя любила? - спросил батюшка.

И вдруг Токо вспомнил, как просияла Нана при виде Мито. На него она никогда так не смотрела. Выходит не любили, терпела и мучилась?

- Знаешь, Токо, - продолжал отец Теймураз, - иногда приходится слышать: «Я так любил её, дарил подарки и обеспечивал, а она, такая неблагодарная тварь!» Раз не любит, значит, тварь. Да как она смеет не любить благодетеля! Но разве этому нас учит Христос? Апостол Павел писал: «Любовь не ищет своего». А в одной древней молитве есть такие чудесные слова: «Господи,

удостой меня понимать и не искать понимания, утешать и не искать утешения, любить и не искать любви». Трудно так жить, но ты со временем поймёшь. Из сострадания к горяющему алтарнику отец Теймураз загрузил его трудной, но интересной работой – собирать материалы о грузинских новомучениках. Торнике увлёкся историей грузинской Голгофы, и время летело теперь незаметно. А время, как известно, не только лечит, но и позволяет взглянуть на иные обиды уже другими глазами.

Глава третья «Записки Антивируса»

Хатуна

Всем привет! Я – Вахо по кличке Антивирус. Просматривая в Интернете чужие блоги, решил начать свой. Не знаю, что выйдет, но там разберёмся.

Где-то попало мне изречение «Жизнь самого неинтересного человека по-своему интересна». Вот и будет случай это проверить.

Начну для приличия с биографии. 1970 года рождения, тбилисец, отец – грузин, мать русская, школа, институт – полный комплект, как у многих. 16 лет без официальной работы. Несколько лет перебиваюсь сантехникой компов: переустанавливаю винду, вставляю драйверы и антивирусы, чищу кейсы и т.д. Хожу из дома в дом по вызову и, стуча по клавише, наблюдаю жизнь на манер видеокамеры. Прикольные бывают штуки, скажу я вам.

Начать писать меня подтолкнула Хатуна, моя клиентка. Это потом мы с ней скентовались, а сначала попал я к ней по вызову. Выслушал по мобильнику просьбу Хатуны и вскоре сбивал костяшки пальцев о её некрашеную дверь, так как звонка не наблюдалось. (Уже ясно, что клиенты мои – «труждающие и обременённые»).

Открыла мне дверь высокая приятная женщина. Рядом крутились две девочки: одна школьница, другая помладше.

Шагнул я прямо в брошенный на полдороге ремонт, потом под поток извинений Хатуны оказался в единственной жилой комнате. Тут тебе и спальня, и кабинет, и столовая. В углу торчал старый комп с громоздким монитором. Напротив вся стена увешана бумажными иконками. Перед ними горящая лампада. Я сразу смекнул: раз лампада, значит, состав церковный, а не просто свечки жгут «чтобы повезло».

Начал я с компом разбираться. Слышу, как Хатуна шёпотом дочку в магазин посылает:

– Возьми на запись в долг пирожные и кофе. Неудобно, он первый раз у нас в доме.

Через десять минут меня уже угощали кофе с эклерами. Что тут скажешь? Хозяйка малость с приветом - сейчас даже маляров на ремонте квартир не кормят. А про таких, как я, и речи нет.

Возился я долго: машина – старьё, одно мученье. Хатуна сочувственно вздыхала мне в затылок:

– Я понимаю, очень старый, но на новый никак не соберу.

Я молча клацал по кнопкам, злясь на весь свет и чувствуя, что застрял здесь надолго.

– Нам этот компьютер Шеварднадзе подарил.

Я повернулся к ней всем корпусом:

– Сам лично?

– Представьте себе, – подтвердила Хатуна, – молюсь за него, как за благодетеля.

Я невежливо хмыкнул. Вся Грузия при этом имени плюётся, а эта блаженная молится. Что - от нищеты крыша поехала?

Хатуна благодушно продолжала:

– Всё, что нужно, поверьте, даёт Господь. Мне очень нужен был компьютер для моих девочек. На репетиторов у меня денег нет, на книги тоже. Одно спасение – Интернет. У моей старшей в школе была выставка её рисунков. Она и правда прекрасно рисует. В школу пришла какая-то комиссия во главе с Шеварднадзе. Посмотрели её рисунки и дали первое место с призом – компьютером.

– И всё у вас в жизни так ловко выходит? – усмехнулся я.

– Я же говорю: помогает Господь.... Я когда мужа похоронила и осталась одна с двумя дочками, думала, с ума сойду. Как видите, не сошла, даже наоборот. У меня много планов на будущее. Вот хочу в мэрии кредит взять и маленький магазинчик открыть.

– И чем торговать будете? – попытался я скрыть свою иронию.

– Мой духовный отец благословил открыть магазинчик с самым ходовым товаром. Только сказал, чтоб молилась за каждого покупателя.

Нет, эта женщина меня с ума сведёт - при её простодушии заниматься бизнесом да ещё молиться за каждого?! А Хатуна рассказывала о себе.

В начале 90-х годов она увлекалась политикой, бегала по митингам, искала своё место в национальной идее. Потом, как и все, мужественно переживала ледниковый период в Грузии. (Как такое забудешь, сам шишки в парке собирал – на дрова денег не было). Поздно вышла замуж за своего свана. Хатуна и сама сванка. А её Нукри оказался совершенно дремучим типом. Только и знал: сколько настоящий грузин в день литров вина должен выпить и сколько это будет в водочном эквиваленте. Да ещё пару подобных истин. В голодные 90-е годы жили тем, что продавали вещи из дома. Работать Нукри не шёл и жену, разумеется, не пускал. Хатуне только оставалось втихую плакать у

икон. Разводиться она не собиралась, ругаться с двухметровым амбалом – себе дороже.

Вот с такого кислого старта началась та цепочка чудес, когда в её жизни появился духовный отец священник Михаил, потом нужные духовные книги. А после смерти мужа и квартиранты на одну комнату нашлись.

Меня поставь в такую ситуацию: муж из 17-го века, безденежье, – я бы до поножовщины дошёл, а Хатуна, простите за штамп, духовно воскресла. Слушал я её и грустью понимал: ведь и я был когда-то человеком. Имел духовного отца, ходил на службы. Первое время на крыльях летал и даже усердно изучал догматику, чтобы всегда поступать правильно. А потом, такой «правильный», стал осуждать всех и постепенно охладел к вере.

Расставались мы на такой ноте:

– Вахо, вы повнимательней посмотрите на жизнь – удивительные вещи увидите в себе самом и вокруг..

Свои 20 лари я не взял, хотя Хатуна и настаивала. Теперь, поди, в благодетели меня зачислит. Хотя не известно, кто кому помог. Словом, уходил я от Хатуны, и хотелось снова вернуться в ту комнату, где хуже меня, возможно, знают догматику, но есть живая вера во Христа.

Радость одна на всех

Кажется, это было так...

– Эй, Вахо, постой!

Я уже заходил в подъезд, но оглянулся на крик. Смотрю, у скамейки дядя Вася, сосед мой, маячит и рукой меня подзывает.

Я подошёл. Видок у него был ещё тот: рубашка непонятного цвета, седые волосы с одной стороны дыбом стоят, а с другой будто корова лизнула. . Как тётя Шура умерла – всё, покати́лся старик.

– Просьба у меня к тебе, – начал дядя Вася. – Завтра Пасха. Покрась мне три яичка луком, чтоб коричневые были. Соседи у нас в корпусе почти все новые. Не хочу их дёргать. А ты свой, на моих глазах вырос, знаю, не откажешь.

– Зачем коричневые? – не понял я. – Война, что ли? Мама в красный цвет красит. Выходят ярко-красные, как в рекламе.

Руки у старика затряслись, Паркинсон у него уже лет десять.

– «Рекла-ама», – передразнил он меня. – Я же тебе говорю русским языком: мне коричневые яйца надо. Для меня цвет – главное. Я Нино помянуть хочу.

«Ясно, – соображаю, – откуда ветер дует».

– Что, дядь Вась, – говорю, – не терялись вы в своё время на женском фронте?

– Тьфу ты, – разозлился старик. – Я ему про Ивана, а он про болвана.

– Всё, всё, молчу, – я тормознул. – Будут вам коричневые яйца. Нет проблем. А что за Нино, если не секрет?

Дядя Вася смягчился:

– Это ещё на фронте было. В 44-м воевала моя часть на Украине. И вот как-то весной смотрю: наша связистка Нино три яичка в котелке в луковой шелухе варит. Удивился я. «Чего, – говорю, – ты тут делаешь?» «Сегодня Пасха, – отвечает, а сама вся сияет. – Вчера хотела покрасить, да не вышло».

Она тем временем выудила одно яичко, подала мне ещё горячее в тряпке и говорит: «Кристе ахсдга!» «Чего-чего?» – не понял я. Тогда я эти слова впервые услышал. Вот уж не думал, не гадал, что после войны в Грузии осяду и буду слышать их каждый год.

А Нино мне со смехом переводит: «Христос воскрес!» «Тише, – струхнул я за неё. – Вот политрук покажет тебе, кто воскрес». Она лишь рукой махнула: «Пускай, – говорит, – слышит. Сегодня день такой!»

– Красивая была? – поинтересовался я.

Дядя Вася помедлил, пожевал губами, оценивая:

– Обыкновенная. Невысокая, глаза задумчивые.

– Ну, а дальше что было? – поторопил я его, ожидая развития «лав стори».

Старик поднял на меня подслеповатые глаза в красных прожилках и глухо закончил:

– В тот день её немецкий снайпер застрелил.

Я закашлялся. Что называется, «не ждали».

Дядя Вася помолчал немного, потом сказал:

– Этой ночью видел её во сне, как тебя сейчас. Будто стоит передо мной и коричневое яйцо мне протягивает: «Христос воскрес!». И я ей точно такое же даю и в ответ: «Воистину воскрес!»

Он исподлобья глянул на меня и заключил:

– Умру я в этом году, Вахо, вот помяни моё слово. И так уж зажился.

– Да что вы, дядя Вася, – стал я его успокаивать. – Живите сто лет.

– Что я, ворона, что ли? – он только криво усмехнулся.

– Вы мир от фашизма спасли.

– Спас, ну да, конечно, – иронично отозвался дядя Вася. – Вон на днях Лаша, Нугзара сын, болтал во дворе с пацанами по-английски. Я ему сказал: «Ты хоть знаешь, кто Вторую Мировую войну выиграл?» Он эти... проволоки из ушей вынул, сначала не понял. Потом лоб наморщил и говорит: «Американцы, кажется, а что?»

– Ну, каково, а? – дядя Вася хлопнул себя кулаком по колену. – Это чему же их в школе учат, Вахо?

– Да нормально их учат, – говорю. – Просто этот лоботряс и на уроках в наушниках сидит, понятия не имеет, что там учительница говорит. Что с них взять? Американское поколение. Дальше фейсбука у них мозги не включаются..

Дядя Вася искоса взглянул на меня и глубоко вздохнул, как конь на водопое:

– В общем, нет у меня слов, нет слов! – и зашаркал к подъезду.

«Нет слов» – это потому что на нынешнее время у дяди Васи зуб. По политическим убеждениям он стоит за Путина, руководствуясь своей железной логикой: « 9 мая Путин на Красной площади парад сделал, а у нас что? Подача в 100 лари (приблизительно 5 долларов - М. С.) и чахлый венок на могилу солдата?»

А то, что на эту самую Красную площадь его, русского, без визы не пускают, – это вообще кровоточащая рана, но боль эту он носит в себе, не афиширует.

И вот смотрел я на эту сгорбленную удаляющуюся спину, и такое зло меня взяло, что просто слов нет.

Побежал я к себе и сходу набил сообщение на личный сайт Саакашвили: «Миша, будь человеком, верни ветеранам льготы на свет и газ! История не простит!» И подписался полным ФИО.

Отправил и задумался: что этим изменишь? Да в принципе, ничего. Самому Васе эти льготы уже до лампочки, он как лунатик ходит. Ему другое нужно.

Но я должен был что-то сделать. Душа горела...

* * *

Сегодня бежал я по лестнице на вызов, Нугзар меня тормознул:

– Знаешь новость? Фронтовик-то наш, дядя Вася... всё, вошёл в историю.

И видя, как я туго соображаю, дополнил:

– Скончался сегодня утром.

Я чуть не поскользнулся на крутой лестнице, только и сказал:

– Царство Небесное.

Понёсся дальше, а по дороге прикинул даты: ровно 40 дней прошло, как ему связистка Нино знак подала.

Наверняка теперь дядя Вася в светлом месте, там, где визовый режим и льготы на коммуналку без надобности, и только одна радость на всех. Потому что «Христос воскрес».

Кому хуже

В то утро я проснулся с нетерпеливым желанием начать новую жизнь. Но как заметил о таких порывах Игорь Губерман, «к завтраку это проходит». Все-таки в 8 утра я устремился в парк бегать и качать бицепсы.

У входа наткнулся на опухшего бомжа. Борода лопатой, костыль, так как нет руки и ноги. Одет неопрятно и запах соответствующий.

- Закурить есть? - окликнул он меня.

- Нет.

- А что есть?

Я молча выгреб ему **лар** с мелочью. За что и был удостоен косого взгляда с ухмылкой:

- Чего уставился? Брезгуешь, понятно. И я раньше не подошел бы к такому клиенту. Я до абхазской войны тоже был, как ты: руки-ноги в полном комплекте. Только «Кэмел» курил. Жизнь – лестница, а скатиться вниз легко.

Ему нельзя было отказать в логике.

- Так что, садись, покажу тебе что-то.

Уйти в этот момент было неловко, и я присел рядом.

Ветеран извлек из глубин своих тряпок засаленный бумажник, а оттуда мятую цветную фотку парня в комфляже:

- Вот какой я был джигар - Вахтанг Нижарадзе! - сказал он, любовно разглаживая свою реликвию.- А тебя как зовут?

- Вахо.

- Тезки, значит. Ты воевал тогда?

- Нет. Меня не было в Грузии.

(Я тогда прятался от мобилизации, чувствуя чудовищную неправду этой войны. Сейчас многие называют ту войну бессмысленным кровопролитием. Хотя есть и такие, что будут с пеной у рта доказывать: мужчина должен воевать с сепаратистами).

Мой тезка, настроенный на волну воспоминаний, продолжал:

- Я в «Мхедриони» (1) был, - тут он оттянул ворот и показал личный жетон. – Зверствовали мы тогда сильно. Я столько мирных людей убил, и такие грехи себе на шею повесил, что не случайно, думаю, на mine подорвался. Чуть живого привезли меня в Тбилиси на ампутацию. Пришла ко мне жена и заявила: «Я с инвалидом жить не буду». Послал я ее и попросил только: «Купи мне в уличном киоске пачку сигарет». Она повернулась и ушла. Больше я ни её, ни сына не видел.

Потом полгода я такой бухой был, что ничего не помню. Квартиру пропил. В себя пришел, когда на улице оказался. Все мои друзья как на луну улетели. С тех пор так и живу, часто в лесу ночью.

- А не страшно?

- Таких, как я, Бог до конца срока хранит и как специально показывает: то, что я отнял у других, отнято и у меня. Хочу, не хочу, а надо через это пройти. Другой на моем месте давно бы откинулся от одной только жрачки с помойки, а я живучий, как таракан.

Иногда думаю, хорошо, что мой сын меня не знает. Кому хочется иметь отца-убийцу? Я тебе удивляюсь, как ты меня терпишь. Ладно, иди своей дорогой. Прощай, брат!

Бегать и накачивать мускулы мне резко расхотелось. Вышел я на проспект, прохожу мимо церкви, а там у входа бабка в черном стоит. Глаза полубезумные, седые лохмы из-под платкат торчат. Твердит, как заведенная:

- Помогите, чем можете. «Мхедриони» всю семью вырезал.

Дал я ей 10 тетри и поразился совпадению. Столько лет прошло, а эхо той войны - вот оно, в пятистах метрах друг от друга. Если свести их вместе, старушка может броситься с кулаками на убийцу из «Мхедриони». Так что еще вопрос, кому хуже, хотя оба стоят и просят. Этой бабушке вся Грузия подаст, а Вахтангу – вряд ли.

Потом мне еще долго вспоминались слова калеки, что Господь может отнять то, что ты отнял у других. К сожалению, и я не безгрешен.

Примечание.

1. «Мхедриони» - грузинская националистическая военная организация. Во время грузино-абхазской войны зверски расправлялись с мирным населением. Позже организация была

объявлена вне закона за многочисленные преступления и за попытку создания в Грузии мафиозной структуры власти.

Шалва и слепой

Парламентское большинство все-таки пропихнуло амнистию, и мой сосед Шалва из дома напротив вышел на свободу. Его мать по этому поводу накрыла хороший стол, а Шалва назвал кучу народа, в том числе и меня.

Бывший узник встречал гостей в сиянии новых одежд. Героя дня поздравляли, обнимали и поднимали за Шалву бесконечные тосты. Когда же все устали от выпитого и съеденного, любитель детективов Темо попросил:

– Шалва, дорогой, расскажи нам какую-нибудь крутую историю. Не зря же ты три года сидел.

Шалва задумался и начал рассказывать:..

– Со мной сидел один парень, Кока. Его мать рано умерла, а отец, – Шалва сделал красноречивый жест, – одним словом, ему было не до сына. Кока слонялся целыми днями по друзьям, потом прилепился к своему дальнему родственнику. Он называл его дядя Сулико.

– Что за дядя? – перебил его любитель крутых историй.

– Слепой дядя. Был раньше электриком, а из-за травмы ослеп. Его бросила жена. И он доживал один в какой-то дыре. А тут еще Кока к нему прибилсь.. Пенсии Сулико на двоих не хватало, и Кока на голодный желудок решил ограбить своего одноклассника. Пробрался он в дом, нашел две тысячи долларов и уже собрался уходить, смотрит – дело плохо. Прямо у ворот полиция кого-то допрашивает. Всмотрелся: да это же Сулико в черных очках. Стоит и время тянет: «Я, мол, мимо шел, дом перепутал». Пока патруль с ним разбирался, Кока через балкон с другой стороны вылез – и бежать.

– Не понял, – напрягся Темо, – этот слепой как там оказался?

– Кока сам не понял и клялся, что ничего ему заранее не говорил. Слепой, видно, нюх какой-то имел. . Короче, попетляв по городу, Кока вернулся с долларами к Сулико. А тот ему: «Иди, положи, что взял, на место. За тобой вот-вот придут».

– И что - пришли? – не утерпел Темо.

– А то. Кока пацан ещё и наивный, как щенок. Таких быстро вычисляют и берут. А когда Коку посадили, Сулико стал ходить к нему на свидания, как на работу. Приходил всегда с книгами и просил почитать ему вслух. Кока краснел, бледнел под взглядами охраны, но все же читал из вежливости. Два года Сулико ходил к Коке с книгами, и охрана потешалась над слепым.

– Маразм какой-то, – буркнул Темо.

А Шалва невозмутимо продолжал:

– Когда Сулико пропустил одно свидание, потом другое, Кока запаниковал. А когда узнал, что Сулико умер, то рыдал, как дитя. Мы пытались его успокоить, а он орал на нас: «Вы считали его идиотом! А он любил меня, понимаете, любил! Мой отец пришел сюда только раз, а Сулико два года ездил ко мне через весь город. Он не читал мне морали. Он просто хотел, чтоб я вышел отсюда человеком, и делал это, как мог».

Гости замолчали, перестав клацать вилками о тарелки. А Шалва поднял тост:– Давайте выпьем в лице Сулико за всех, любящих нас. За всех, чья любовь, как спасательный круг, держит каждого из нас на плаву в этой жизни.

Все вставали, поднимая стаканы. А Темо сказал восхищённо:

– Джигар*! Тюрьма точно пошла тебе на пользу. Раньше ты никогда не говорил таких проникновенных тостов!

Примечание.

* Непереводимое слово, высшая похвала.

Робик приехал!

- Робик приехал! – вопила в трубку Бела вне себя от радости.

Робик Б. – это наш однокурсник. Двадцать лет назад он уехал в Европу. В настоящее время живет в Германии. За эти годы пробил себе гражданство, в совершенстве освоил немецкий и занял чистую высокооплачиваемую работу с медстраховкой в купе. Словом, выбился человек в люди.

Не буду долго описывать, какой Робик классный тип. Вспомню лишь один эпизод из нашего общего с Белой прошлого.

Несколько лет назад Робик позвонил из Мюнхена Беле и сказал телеграфным текстом, экономя марки по всем правилам скупердяйства:

- Бел, по-братски, досмотри мою тетку Аревик. Турбинная 17. Она на меня свою берлогу записала. По сто евро буду высылать каждый месяц. Больше не смогу. Кризис. Подключи Вахо. За мной не заржавеет. Все. Целую.

Бела в то время погибала от депресняка, глотала пачками всякую дрянь и три раза в день звонила вашему покорному слуге, чтобы утопить его в своих слезах.

Несмотря на это, Бела взяла себя в руки, и в десять утра на другой день мы с ней стали барабанить в указанную дверь. На шум вышли соседи, открыли апартаменты Аревик, а дальше - картина маслом.

На грязной кровати в тряпье лежала высохшая старуха. Рядом на расстоянии вытянутой руки тарелка с объедками, телефон и сковородка, сами знаете для чего.

Для нас с Белой настали веселые деньки. Подготовка еды, борьба с пролежнями, стирка загаженных простынь и т.д. Все это под командные окрики Аревик. Она прошла всю Отечественную и была какой-то шишкой на республиканском уровне среди ветеранов.

Депресняк у Белы исчез сам собой, « как сон, как утренний туман».

Бывали моменты, когда мы с ней доходили до ручки, и Бела, стиснув зубы, шептала:

- Ради Робика!

Я пытался говорить ей о воздаянии за добрые дела после смерти, но был обруган:

- Отвали, Вахо. Это вы с понтом верующие все «дашь на дашь» делаете. А я делаю просто ради нашего Робика. И все.

Робик и, правда, в свое время посеял столько хорошего, что ради этого стоило терпеть вонь и капризы умирающей Аревик. Потом была еще целая хатабала с ее похоронами и оформлением кладбища. Но это отдельная история.

И вот, услышав про приезд Робика, я побежал на место встречи. Оно было назначено у Белы, чтобы спокойно поговорить без чужих ушей.

Я пришел, когда Бела ставила на стол последние заготовки для особо важных случаев, а Робик ждал только меня, чтоб начать уничтожать эту вкуснятину.

Первые полчаса прошли во взаимных эмоциях, тостах и прочей чепухе. Я во все глаза смотрел на старого друга. Он улыбался и располнел. А в основном этот был тот самый хохмач Робик, которого мы так любили.

В то же время было в нем что-то неуловимо чужое. Сначала я списал это на «налет европейской жизни». Безукоризненные ногти, странный запах одеколона, ухоженное лицо, мягкие жесты. И самое главное, у него изменился голос. Верзила Робик говорил явно женским голосом. В то время как у Белы для сравнения был мужской прокуренный баритон.

Робик, хитрая морда, сразу просёк, что я его сканирую, и подмигнул мне:

- Что, Вахо, не понял до сих пор? – А потом сказал просто, как сообщают о редкой профессии. – Да, я голубой.

Мы замолчали на полуслове. Бела фыркнула в стакан с вином, который собиралась выпить «За всех, любящих нас!».

- Чего мне скрывать от вас, - продолжал Робик без тени смущения. – Ближе тебя и Бела у меня нет никого на всем свете. Мои родители лежат здесь, на Кукийском кладбище. Ереванские родственники давно забыли про меня. Жены и детей у меня не будет.

Мы в шоке переваривали услышанное. Робик, пользуясь паузой, достал пачку фото и начал комментировать:

- Это мы с Мартином на нашей свадьбе. Этот, этот и вон тот тоже наш состав. А вот еще наши ребята.

Я сидел без движения. Бела минут десять машинально скользила взглядом по незнакомым рожам. Потом рывком встала, пошла к серванту и достала бутылку водки. Водку она давно не пьет. Давление подскакивает. А тут она с шумом поставила бутылку на стол и бросила мне.

- Наливай, Вахо. Не могу больше. Душа горит.

Я налил. Робик прикрыл рюмку рукой.

- Берегу здоровье.

Бела одним залпом осушила дозу и заголосила:

- Это что ж делается?! А? Нормальные мужики скоро совсем на ноль сойдут. Один голубой. Другой, - кивок в мою сторону, - как монах живет. На фейсбуке городит что-то. А я? Мне что делать? Весь интренет перелопатила, одни шизоиды попадают. Это куда мы катимся? А?

Тут Робик взял на себя партию первой скрипки:

- Да вы загнили тут в своей Грузии! За нами весь мир идет!

И давай перечислять, кто у них в Германии самые знаменитые голубые. Я так понял, у них там это что-то типа гриппа.

Через три минуты Бела заткнула уши и треснула ладонью по столу:

- Перестань! Достал уже! Вас лечить надо!

Робик разошелся не на шутку. Видно, больная тема.

- Это вас, отсталых гоблинов, лечить надо! Видел я по Интернету, как 17 мая (1) ваши монахи НАШИХ– он выделил это слово, – палками разгоняли. Стыд и позор двадцать первого века!

- Ты монахов не тронь! – сказал я нехорошим голосом.

- А то что? Это они извращенцы! – кипятился Робик.

- Ты своей меркой других не меряй! – озверел я, вставая из-за стола, хотя сам недавно возмущался, увидев по телику, как при разгоне кучки митингующих геев на них двинулась негодующая десятитысячная толпа, и в ход пошли кулаки. Но тут меня, как заклинило:

– Если этот мир еще как-то держится, то только потому, что монахи молятся за нас!

- Да с тобой невозможно цивилизованно разговаривать! – орал Робик, по-бабьи размахивая пухлыми руками. – Ты посмотри на себя!

В тот момент я готов был его придушить. Тут Бела встала между нами. Короче говоря, я расплевался с Робиком и ушел домой злой на весь мир.

Потом, через две недели позвонила Бела и попросила:

- Робик сегодня улетает. Пойдем проводим, а? Не будь свиньей. Прошу тебя ради нашей дружбы.

Я засунул свою гордость в карман и поехал в аэропорт.

Мы стояли у перил перед входом в таможню. Я спросил у Робика:

- Скажи, о чем ты мечтаешь?

Он задумался. Потом ответил с грустью:

- Я хотел бы усыновить мальчика.

- Чтобы он стал твоим повторением? – докончил я с нескрываемым отвращением.

Робик не среагировал на мою издевку:

- Мартин не хочет. Говорит, что лучше завести собаку. Меньше возни.

Бела только вяло покрутила пальцем у виска. За две недели общения с Робиком у нее, видимо, притупилась реакция. Только вздохнула:

- Сколько больных на свете.

Робик чмокнул Белу и кисло пошутил:

- Не бойся, у меня СПИДа нет, – потом еще тише добавил. – Пока.

Кивнул мне и пошел к вертушке с приготовленным паспортом.

Бела зарыдала и уткнулась мне в плечо:

- Вахо-о, что они с ним сделали!

Я обнимал Белу и думал - первое, что я сделаю, придя домой, это разошлю на фейсбуке статьи против голубых. Разъясню популярно на всех языках, что это грех и однозначный тупик. Это будет моя война за Робика.

Бела всё это время мочила слезами мне куртку и несла что-то бессвязное:

- Совсем мужиков не осталось. Вымерли, как мамонты. А-ва-ва!

Под боком нарисовалась какая-то старая перечница и, слушая завывания Белы, посочувствовала:

- Брата, наверное, проводили.

Я, помедлив, ответил:

- Да, брата.

И вдруг почувствовал острую боль от потери - ведь был у меня когда-то близкий друг и брат.

* * *

«Мы добиваемся не победы, а возвращения наших братьев, разлука с которыми терзает нас», - писал святитель Григорий Богослов. И сказано это, думается, не только о сектантах.

.....

Примечание. 17 мая 2013 года на проспекте Руставели должен был пройти гей-парад. В этот день на главной магистрали города

встретились два лагеря: 10000 православных и 20 представителей сексуальных меньшинств. Межу ними был кордон полиции. Сначала шел диспут поверх барьеров. Затем возмущенная толпа прорвалась через кордон, и началась свалка. Полиция успела вывезти нетрадиционалов на автобусе за пределы города. В догонку автобусу понеслась лавина молодежи с палками, круша все на своем пути. Пострадали 28 человек, в том числе журналисты, которые вели репортажи.

На разгоне гей-парада больше всех отличились архимандрит Антимоз Бичинашвили и игумен Иофан Басилая. Евросоюз резко осудил действия нападавших, требуя ареста особо активных священников. В ответ на это епископ Якоб сказал с амвона: «Мать-церковь никого не звала на разгон гей-парада. Десять тысяч пришли сами. Надо будет, выйдет миллион на защиту наших нравственных ценностей и традиций».

Священников оправдал суд. Но Синод на некоторое время запретил их в служении.

В мае 2014 года Парламентом Грузии, несмотря на протесты Церкви и народа, был принят так называемый «антидискриминационный закон» в защиту сексуальных меньшинств.

Спаси Господи и помилуй многострадальную Грузию!

«Американец угощает!»

В эту субботу я исполнял роль вьючного осла: мать дала список и отправила меня на Навтлугский базар отовариваться. Загрузился я пакетами по самое некуда, остановился передохнуть и вдруг услышал, как рядом кто-то зычно ругается:

– Я на эти арбузы смотреть не могу! Из-за них виноградник своими руками вырубил. Какие теперь цены на вино? Смех да и только. Эх, Шах-Аббас¹ не смог наши виноградники уничтожить, а тут я сам! Тьфу, кто я после этого?

Взглянул я на этого самобичевателя. Вполоборота ко мне стоял типичный кахетинец в кепке-аэродроме: увесистый носяра, усы, как обувная щетка, необъятный живот и обвислые штаны – вот его портрет. Наверно, в жизни ни одной газеты не прочитал. И перед этим субъектом – гора арбузов на прилавке.

Тут к арбузнику подскочил коричневый от загара цыганенок:

– Дядя, дай 20 тетри.

В ответ кахетинец разразился такой тирадой из сплошных согласных, что мальчишку как ветром сдуло.

Я уже собрался уходить, но вижу, прямо к нам идет группа американцев с переводчиком. Один из них ткнул пальцем на арбуз. Переводчик тут же среагировал:

– Сколько стоит арбуз?

Кахетинец насупился и брякнул несусветное:

– 100 долларов.

Переводчик вытаращил глаза:

– Ты что с ума сошел?! Так и перевести?

– Так и переведи. От тебя что - убудет? Не видишь, он на меня, как на обезьяну, смотрит! – развоевался хозяин арбузов. – 100 долларов и точка! Меньше нельзя.

Переводчик, заикаясь, сказал, что было велено.

Американец невозмутимо дал сто долларов продавцу, забрал покупку, и двинулся дальше. Все, кто наблюдали за этой сценой, медленно приходили в себя. Первым очунулся сосед по прилавку и с плохо скрываемой завистью бросился поздравлять конкурента:

– Ва-а, молодец, Мито! Бывает же такое счастье! Такие деньги люди за весь урожай еле-еле собирают.

Тут Мито и отмочил номер, – он сорвал с себя кепку-аэродром и заорал крутившимся неподалеку цыганятам:

– Эгей! Виришвилебо!² Американец вас угощает! Аба, быстро, забирай все!

Местных гаврошей не пришлось дважды звать. Они за секунду очистили прилавок от арбузов. А сосед крикнул вслед кахетинцу:

– Мито, зачем мне эти арбузы не дал? Кто тебе эти грязные мальчишки?

Мито лишь оглянулся и через плечо бросил:

– Эх, Васо! Человек живёт для радости.

А на базаре вдруг, действительно, стало радостно. Люди веселились, глядя на мальчишек, по-детски радостно поглощавших арбузы. И с улыбкой смотрели вслед кахетинцу – человеку широкой души. Таких, как Шалва, на земле немного. Нынче век прагматизма и практичных людей.

Примечания.

1 *Шах-Аббас – шах Ирана (с мая 1587) из династии Сефевидов. Отличался особой жестокостью. Предпринял несколько разорительных походов на Грузию. По его приказу были разрушены церкви и монастыри, вырублены сады и виноградники, и 200000 грузин было угнано в рабство в Иран. По приказу шаха была замучена царица Кетеван, отказавшаяся принять мусульманство, и были обезглавлены 600 монахов в Гареджи на Пасху 1616 года.*

2 *Сыны осла (гр.)*

Как Николай Чудотворец помог

Пришел я вчера домой, а мать говорит язвительно:

- Вахо, поздравляю, твоя вампириха из Италии вернулась. Позвонила и просила зайти.

Не любит она Белу - мою однокурсницу, просто на дух не переносит. Вампирихой её прозвала за то, что Бела по часу на телефоне висит и душу мне изливает.

Бела - своя в доску, доброты в ней - как полноты, с избытком: килограммов сто или больше будет. И от того и от другого она в вечном томлении. Лишний вес мобильность снижает, а доброта - все вокруг за счёт Белы проехаться норовят. При таком раскладе причин для жалоб на жизнь хватает. Бела, по её словам, убежденная атеистка и в то же время постоянно требует от Господа Бога отчета, почему, мол, этот мир так плохо устроен. Словом, нервы у подруги моей частенько сдают, и в такие моменты Бела хватается за телефон телефон и звонит мне.

Со стороны наша дружба выглядит, конечно, странно, но что есть, то есть. А поводов для депрессии у моей подруги действительно немало. Судите сами. Бела из интеллигентной интернациональной семьи. С бабушкой гаммы разучивала, английский зубрила, школу окончила с золотой медалью, а пединститут - с красным дипломом. Но всё это в жизни не пригодилось, ибо после развала Советского Союза и в пору массовой безработицы пришлось нашей Беле заняться уличной

торговлей. С тех порь она так прочто выросла в образ мадам Стороженко, что «базарит» только на жаргоне. Как говорится, «бытие определяет сознание».

Начну с депрессии Белы, случившейся два года назад.

- .Это куда твой Бог смотрит, Вахо? - обрушился на меня по телефону слёзный водопад. - Нет, ты ответь мне! Эта тварь, Линка, меня на 700 долларов кинула и в Италию смылась.

(Лина - это ее подруга по двору, вместе росли. Бела ее в крестные матери своей дочке взяла. Причем обе неверующие, дымят, как паровозы, а туда же - живут в духе времени - решили породниться с помощью крестин. А теперь от крёстной такой вот сюрприз!)

- .Это у кого она деньги решила списать? У меня?! Я годами во всем себе отказывала. В рваных резиновых тапках зимой хожу, одной спичкой три конфорки зажигаю. Руки все изрезаны - моторы от выброшенных холодильников разбираю и на базаре медь сдаю.

(Дальше следовал длинный перечень хозяйственных подвигов в стиле Плюшкина. Вы, наверное, решили, что моя Бела - самая социально незащищенная из всего Тбилиси. А вот и нет. У Белы две квартиры сдаются, две тысячи долларов у верных людей на проценты крутятся да еще столько же в надежном месте припрятано. А ещё моя подруга любит шикавать и, накрыв столы , гудеть на всю катушку).

А Бела тем временем строчит, как пулемет:

- Ух, доберусь я до этой Линки! Утоплю своими руками в Средиземном море!..

Я представил себе эту картину и фыркнул. Обе подружки в супервесе. Средиземное море точно выйдет из берегов.

А Бела продолжает:

- .И везет же этой негодяйке! Как везет! Такого мужа-лоха отхватила! Видный, смотрит на нее, как солдат на генерала, и деньги зашибает! А эта ему еще и рога строит. Я б такому мужу ноги мыла и воду с них пила.

Мужики у Белы - больная тема. Сколько экспериментов было, а толку - ноль. Все альфонсы попадают.

Из трубки тем временем доносятся хлюпающие звуки:

- Вахо-о, я тебя как брата прошу, найди мне кого-нибудь. Ты же в церковь ходишь, может, там какой-нибудь тип подвернется.

Я мысленно перебрал «типов» и представил рядом Белу. Мозаика однозначно не складывалась.

- Глухой номер. Во-первых, мужиков мало, да и все нормальные давно разобраны.

- Вахо, ну, придумай что-нибудь. - гнула свое Бела. - Когда там у вас общий сбор?

Я понял, что от нее так просто не отвяжешься, и сказал нехотя:

- Соборование в этот четверг. Будет куча народа.

Хлюпанье тут же прекратилось.

- А это что? - заинтересовалась Бела.

- Прощаются невольные и забытые грехи, - бормотнул я скороговоркой.

- Подходит, - загорелась Бела - Иду!
 - Ты ж неверующая, - говорю.
 - Да иди ты! Когда надо, очень даже верующая. Лишь бы толк был. Ты на себя посмотри. То ходишь в церковь, то сачкуешь.
- Я молчал. Крыть было нечем.
- Лучше скажи, кто там из святых помогает замуж выйти хорошо.
 - Вроде, Николай Чудотворец, - сказал я первое, что пришло на ум.
 - Я буду работать в этом направлении!

Тогда ни я, ни она не представляли, во что выльется это ее «направление». А пока мы договорились сходить на соборование.

В церковь Бела явилась без опоздания, покрытая каким-то бедуинским покрывалом с верблюдами, и сразу же взяла быка за рога:

- - Так, где тут клиенты?

Народу уже собралось порядочно, в основном новые лица. Пустил кто-то слух, будто соборование для здоровья хорошо. Вот и повалил народ семьями, с грудными детьми. Благо платить не обязательно - сколько дашь.

Бела оглядела критически поле деятельности:

- Да, негусто. На сто баб один прораб, - но тут же наметила объект. - Вахо, тот лысый справа, чем дышит?

- Оставь его, пьет часто. Теперь тихо. Уже Евангелие читают.

Бела зажгла метровую свечу, поправила на голове покрывало с верблюдами, а после недолгого молчания прошептала::

- А тот, впереди, борода как у неандертальца?

- Его не тронь, - зашипел я. - В монахи готовится.

- Серьезно, что ли? Нет, мне с поехавшей крышей не надо.

Тут к ней поворачивается впереди стоящая Ольга и шамкает, грозно вращая глазами:

- У-у, блудница вавилонская! Совсем стыд потеряли... Уже в церкви клеются. Давай убирайся отсюда!

Я от греха подальше спешно вывел Белу из церкви. Знаю, если она разозлится и начнет ругаться, её не остановить - совсем без тормозов.

Какое-то время мы не общались. Потом Бела позвонила и восторг бил фонтаном

из трубки:

- Вахо, поздравь меня, я к лютеранам втерлась!

Я будто лимоном подавился.

- Зачем тебе это? - говорю. - Опять варианты ищешь?

- Ты совсем от жизни отстал! - Бела прямо соловьем заливалась. - Я гигантское дело пробила. Теперь мою дочку, если в их воскресную школу будет ходить, в Германию бесплатно пошлют. Я там еще в дьяконисы пролезла.

- Куда?! - оторопел я.

- Уши прочисть! В дьяконисы. У меня теперь три бабки - немки. Хожу, слушаю их бредни раз в неделю. Обо мне в их церковном вестнике уже написали. Известная личность я теперь. Усек?

- А с дьяконис ты что будешь иметь?

- Всё просчитано, дорогой.. Для особо почетных прихожан у них богодельня имеется и пайки дают приличные. Я уже все продумала. Дочку в Германию пошлю задарма, за это время она как раз немецкий подучит в этой воскресной школе. Она там запросто замуж выскочит. У меня тут на худой конец будет своя теплая гавань на старости лет в их богодельне. Так, на всякий случай. Ну что? Все гениальное просто!

- торжествующе заключила Бела свой бизнес-план с лютеранским уклоном. А потом подвела неожиданный итог. - Это мне Николай Чудотворец помогает.

Я невольно возмутился:

- Тебе? Николай Чудотворец? Ну, знаешь, всему есть предел!

А в ответ взрыв возмущения:

- Уж не вы ли, ортодоксы, везде свои рамки устанавливаете?

(Ого, лютеране уже потрудились, отметил я про себя. Раньше она православных ортодоксами не называла).

- Оборзели вконец, - продолжала возмущаться Бела, уже на святых монополию объявили А кто мне говорил, что Николаю Чудотворцу даже мусульмане молятся, и ничего, помогает. А я, что рыжая, что ли?

Возразить было нечего, поскольку я действительно говорил такое. А Бела вдруг сказала:

- Вот ты не веришь, а мне Николай Чудотворец помог! .я попросила его, чтоб мне за иностранца замуж выйти, и вот как чудесно, всё само собой устраивается. Цель у меня, понимаешь, Вахо, из долбаного

Тбилиси вырваться а то я здесь совсем загнила. Ты пойми, у меня мечта. Жить в Германии или Италии, иметь свою ферму с розовым забором и свинушек разводить. Свои цветы сажать.

- Заведи все это здесь. Подумаешь, мечта.

- О, что ты понимаешь? То Европа, а это Грузия. Одно слово чего стоит. Ломают мне все здесь, понял? Потому и тащусь я к этим лютеранам каждое воскресенье в девять утра и у-укаю.

- Чего делаешь? - не понял я.

- У-укаю. Там поют какие-то гимны, а я подвываю - фон создаю. Там активность надо проявлять, а то попрут.

На том мы распрощались, а вскоре произошло такое, что и я в заступничество Николая Чудотворца поверил и я. Звонит Бела и говорит:

- Вахо, ты там стоишь? Ты сядь, сядь. А то рухнешь. Мне Линка из Италии звонила.

- Чего хотела?

- Извинялась и в трубку редела. Чуть, говорит, в Италии в ящик не сыграла. И от страха Богу клятву дала, что мне деньги вернет. Это еще что! Она ведь знает мою головную боль. Обещала мне в Италии жениха найти. На наших баб там большой спрос», говорит. Ну, как Вахо, не зря я свечки Николаю Чудотворцу ставлю?

- Жениха найдет? - усомнился я.

Но уже через месяц Бела гордо выложила передо мною на стол на стол итальянскую визу с приглашением от жениха, пенсионера Джованни.

- А где живет твой суженый? - поинтересовался я, листая формуляр.

- На «Б» городишко какой-то, - безразлично дернула могучим плечом Бела. - Да мне плевать. Главное, он деньги на дорогу уже выслал.

Тем временем я нашел точный адрес и не поверил глазам. Там значилось Бари.

- Э-э, ты что замер? - встревожилась без пяти минут невеста. - Жуткая дыра, да?

- Там рака с мощами святого Николая.

Бела восприняла это как само собой разумеющееся:

- Ну что, утерся, монополист православный?

Я в шеломлении пытался осознать такое фантастическое совпадение.

Потом спохватился и напрягал свое серое вещество, пытаясь осознать такие фантастические совпадения. Потом спохватился:

- Марику ты куда денешь?

Марика - это дочка Беды двенадцати лет.

- Все схвачено, Вахо! Ее Гоча везет в Хони к своей третьей жене.

Гоча - это бывший гражданский муж Белы.

- А ему эта обуза зачем?

- Я ему отцовский парашют обещала. Лет двадцать назад он его из аэроклуба принес. С тех пор в подвале гниёт.

- Зачем ему парашют?

- . Для понта. Я ему сказала: «Ни у кого в Грузии личного парашюта нет, даже у президента, а у тебя есть.» Вот он и клюнул. Обещал: «Марику в Хони как царицу Тамар будут смотреть».

Весть о том, что Бела выходит замуж за итальянца и едет в знаменитый город Бари, мигом облетела знакомых и соседей. Люди удивлялись, завидовали, судачили, а одна лютая врагиня Белы ораторствовала во дворе:

- На ней печати негде ставить, а такое счастье. Тут люди, как монахи живут, во Мцхета помолиться не могут съездить - денег нет, а этой (нелестный отзыв) всё как на заказ!

Свечи Беле ей несли охапками. И у всех одна просьба.

- Поставь там за нас Николаю Чудотворцу!

Короче, Бела за месяц вызубрила итальянский разговорник от корки до корки и отбыла в Италию устраивать свою личную жизнь. И вот теперь, узнав от матери, что Бела вернулась, я бросил все дела и помчался кней.

Бела встретила меня в своей крошечной кухне, устроенной на застеклённом балконе. На подоконнике по ту сторону окна виднелся ее «огород» в старых кастрюлях - лук, укроп и желтая роза. Покорительница Италии явно сбросила килограммов двадцать.

- Классно выглядишь, - успел я вставить, пока она осыпался градом поцелуев вперемежку со слезами. - Когда свадьба?

Бела тут же отпихнула меня на колченогую табуретку.

- Не будет никакой свадьбы. Я вернулась домой, Вахо. Понимаешь, домой! Хочешь верь, хочешь нет, я, когда из аэропорта нашего вышла, бухнулась на колени и наш заплеванный асфальт поцеловала.

- Неужели тебе там было так плохо?

- Как тебе сказать, - Бела задумалась, пытаюсь поточнее сформулировать свои мысли. - Джованни ничего мужик. Конечно, бывают ии хуже. И понравилась я ему, и замуж меня звал. Официально, все честь по чести. Я там изощрялась, грузинские блюда ему готовила. Сациви, чахохбили, хачапури пекла. Он чуть тарелку не проглотил, так ему понравилось Короче, все тип-топ. Сам, правда, жмот редкий. Меня кактусами кормил, на постном масле поджаренными. К спагетти, говорит, очень подходит. А сам бекон наворачивал. Но не в этом дело. После Гочи -афериста меня вообще ничем не удивишь. Смогла бы я и с Джованни поладить.

- Что, итальянцы в целом не понравились?

- Не, - вздохнула Бела, - макаронники вроде наших грузин. Такие же шумные и шикануть любят. На всю Италия только Джованни экстра-жмот. Его же братья мне кучу подарков надарили. Нормально все. Пожила я там и поняла, хоть и хорошо там у них, а не мое это. Не буду я там счастлива. Кстати, была я у Николая Чудотворца, поклонилась ему. Свечки наши грузинские в той церкви оставила. У католиков их перед иконами не жгут, наверное, пожарная безопасность или еще чего. Не принято, короче. Постояла я там, у

мощей и говорю: «Спасибо тебе, Николай Чудотворец, что открыл, где моё счастье».

- И где же оно, Бел? Колись!

- Вот оно, - она повела рукой, указывая на маленький дворик за окном с бельем на веревках, с краном 19 века, уже заросшим мхом.

- Всё, что мне в жизни надо - это дочка Марика, мой садик с луком, пыльный воздух Тбилиси, наши православные храмы с огоньками свечей, мои друзья и, конечно, ты, Вахо!

- Бела, - тут меня прошибло, - я всегда знал, что у тебя золотое сердце.

- Да иди ты! - она пихнула меня округлым локтем в бок и, заливаясь слезами от избытка счастья, спросила: « А кто это тут не верил, что мне Николай Чудотворец помог?»

От автора:

История Вахо не закончена, но главное, он вернулся в церковь, и оживает его душа от живой веры во Христа. Как и многим в Грузии, ему дано было пройти через те скорби, когда нет работы по специальности, нет простого человеческого счастья, ибо случайные мизерные заработки не позволяют создать семью. Личные скорби в таких случаях разрастаются до размеров всемирной катастрофы, застят взор и мешают трезво взглянуть на жизнь. Возможно, именно "Записки Антивируса" были началом того пробуждения, когда, наблюдая за людьми, Вахо не раз убеждался: многим живётся хуже, чем ему, но они как Хатуна умеют радоваться жизни и ободрять других. Как менялась душа Вахо знает только Бог. Но о таких

переменах известный сербский старец архимандрит Фаддей (Витовицкий + 2003 год): писал: "Часто случаются с нами беды и несчастья здесь, на земле. Это потому, что мы ещё не смирились. Когда душа смирится и покорится воле Божьей, тогда кончаются наши мучения и страдания, потому что тогда страдания становятся как-то милы нашему сердцу и душе. Тогда мы обретаем совсем иное понимание жизни. Не мудруем больше по-мирски, так как сей мир мудрует. Мы всё понимаем по-другому, куда ни посмотрим – всё нам как-то умирительно, всё светится. Всё нам хорошо, потому что Богу угодно".

Глава четвертая. Мемуары дипломированной уборщицы

После развала Советского Союза осталась я с новеньким институтским дипломом инженера-энергетика, но без работы и каких-либо сбережений. Таких, как я, в Грузии много, и нам приходилось не жить, а выживать. Кто-то с дипломом кандидата наук шел торговать на рынок, кто-то, отчаиваясь, впадал в депрессию. А мне подвернулось место уборщицы в доме у «новых грузин». С тех пор я в этой ипостаси уже 15 лет и, по всей видимости, буду пожизненно, пока сил хватит. И всё-таки главными в эти годы были не чужие кастрюли и начищенные до блеска унитазы. В эту трудную пору я, как и многие, пришла в церковь, а это меняло отношение к людям, и неистово яростное осуждение вся и всех исподволь сменялось покаянием. Сегодня о многом вспоминается с улыбкой. Но сколько же искушений было на первых порах! Вот и начну с рассказа об этих искушениях.

Жужа из Парижа

«Если увидишь убийцу, или блудницу, или пьяницу, валяющегося на земле, не осуждай никого, потому что Бог отпустил его повод, а твой повод держит в руках. Если твой тоже отпустит, ты окажешься в худшем положении: можешь впасть в тот грех, в котором осуждаешь другого и погибнуть.»

Преподобный Гавриил (Ургебадзе).

Свою первую клиентку я помню так же явственно как первую любовь. Звали её Кетино, но я называла ее про себя Жужа из Парижа за привычку блефовать, прикидываясь парижанкой, и говорить с пафосом:

- Когда я была в Париже!

Познакомились мы так. Соседка решила меня осчастливить:

- Кетино, конечно, баба с приветом, но при деньгах. Хочешь, устрою тебя к ней?

Жить было не на что, и я согласилась.

Через день состоялись смотрины.. Кетино, знойная дама 45 лет, была похожа на упитанного кота в сапогах. В любую погоду она носила черную мушкетерскую шляпу с пером (интересно, где выкопала такой антиквар), черные ботфорты выше колен и вдобавок темное пончо. На фоне этого ночного мрака в глаза бросались ярко рыжие волосы и светофорная помада. На улице не хочешь, да заметишь.

Первый рабочий день до сих пор не теряет своей неповторимости.

- Так, - скомандовала она, как только я переступила порог, - ты мне сделаешь ручную стирку.

И, тут же схватив меня за руку, потащила в ванную, как лодку на буксире. Быстро вывалила кучу нижнего белья в раковину-тюльпан, сыпанула туда пол пачки стирального порошка и басовито скомандовала, как судья на ринге:

- Аба, начали!

Я начала.

- Кто так стирает?! – завопила она через секунду. – Надо вот так! – и, выхватив у меня бельё, стала яростно тереть его об раковину.

Через пять минут мы обе были в мыльной пене, а по полу бежали ручьи и выливались в коридор. Громоподобные приказы следовали один за другим:

- Быстро собирай воду! Внизу совсем свежий ремонт! Выжимай тряпку! Тряпку надо выжимать в другую сторону! Беги на балкон! Найди запасное ведро. Если его там нет, беги к соседям справа! Те, что слева – редкие жмоты. Я с ними не разговариваю.

Потом, порядком утомившись от такого галопа, Кетино дала отбой.

- Быстро беги на улицу за красным «Мальборо»! Деньги на столике. И не задавай глупых вопросов!

Я принесла просимое, и остановилась у двери в ожидании дальнейших распоряжений.

Кетино возлежала в своих неизменных ботфортах на белоснежной кровати и стряхивала пепел на пододеяльник. Увидев меня, она дала новый залп:

- Что ты встала там, как швейцар? Быстро подай пепельницу и сядь сюда! Я буду читать свои стихи о Боге.

Я села, а Кетино стала громко декламировать на грузинском свои вирши. Смысл был такой: «Вот я, вот икона. Мы смотрим друг на друга, и мне хорошо». Через полчаса, устав надирать горло, она поручила мне уборку

шкафа. Опять приказы в диком темпе и один другого исключают. А потом под истошный вопль она запустила в меня пепельницей.

Короче это был сумасшедший день. Расплачиваясь за работу, Кетино дала мне сверх положенного ещё одну купюру - как моральную компенсацию за полет пепельницы. На прощание мне было сказано.

- Я тебя беру, хотя ты редкая бестолочь. У меня уборщицы долго не держатся. Я немного сумасшедшая, даже в психушке лечилась. Но прошу тебя, потерпи мои бзики, я в деньгах тебя не обижу, - и вдруг пожаловалась как-то по-детски. - Меня мало кто может вытерпеть, а так одиноко порой!

Я продержалась у нее год с превеликим трудом. Каждый день - как на линии фронта, но тяжелее всего было тогда, когда у Жужи начинались загулы, и она приводила к себе с улицы мужчин. Это было вызывающее, напоказ, бесстыдство. Мне предписывалось обслуживать гостей и подавать им кофе под насмешливый комментарий Жужи:

- Мне прислуга с институтским дипломом кофе в постель подаёт!

В такие дни Эка, шестнадцатилетняя дочка Кетино, тихо плакала у меня на плече:

- Что она себе позволяет? Меня замуж потом никто не возьмет, и будут считать, что я тоже «такая». Как мне страшно и стыдно!

С Экой мы были подружками. Она была младше меня на пять лет и всегда вступалась за меня в моменты гнева Кетино. Это была тихая домашняя девочка с той простодушно чистой душой, какая свойственна юности., И Эка так болезненно переживала загулы матери, что при виде её страданий мне хотелось запустить в Жужу чем-то тяжёлым.

Помню, рассказала о своём искушении батюшке, а он посоветовал прочитать житие преподобного Виталия Александрийского, молившегося за блудниц Александрии. Старец нёс тайный подвиг - приходил к блуднице на ночь,

отдавал ей заработанные за день деньги и говорил: «Умоляю тебя, за эти деньги соблюди себя в чистоте эту ночь, не греши ни с кем». Старца осуждали, не догадываясь о его тайном подвиге, но по его молитвам многие из падших женщин начинали честную жизнь или уходили в монастырь.

Пример вдохновлял. Мы с Зкой усиленно молились за Кетино, но чудо не произошло. Правда, после загулов у Кетино наступало некоторое просветление. Она плакала перед иконами, просила прощения у Бога, у дочери и даже у меня. Помню её красное, распухшее от слёз лицо, когда она, рыдая, говорила:

- Думаешь, мне самой не стыдно? Я не хочу, ужасаюсь, сопротивляюсь, но какая-то сила тащит меня в грязь и будто приказывает. Одна монахиня сказала, что это у меня из-за аборт. Неужели из-за этого, а?

Наплакавшись, Кетино выбегала на улицу и по наитию пыталась «творить плоды, достойные покаяния». Она могла отдать первому встречному нищему все свои деньги или забежать в ближайшую церковь, купить охалку свечей и со слезами ставить их к иконам.

В периоды просветления Кетино обрушивала на дочь весь пыл своей любви и пекла для неё наивкуснейшие торты или готовила сациви по всем правилам. Всё, за что бралась эта женщина, она делала на пять с плюсом. А ещё она неплохо играла на рояле, а Эка сидела, заслушавшись, и с нежностью смотрела на маму.

К сожалению, эта идиллия быстро заканчивалась, и Жужа снова вела себя как бесноватая, не щадя никого, даже дочь. Приступы беснования повторялись всё чаще. А потом случилось неожиданное: Эка отравилась грибами и умерла. Кетино обезумела от горя, и отец-олигарх увёз её к себе.

Самое странное, что Кетино, поносившая меня последними словами, перед отъездом так тепло и сердечно говорила обо мне своим знакомым, что они сразу же пригласили меня к себе на работу.

* * *

Мои новые хозяева хорошие люди. Работы много, но без нервотрёпки. Словом, живётся мне теперь гораздо лучше, чем прежде. Но почему с такой нежностью я вспоминаю мою бедную Жужу? Может быть, потому, что через неё мне открылась та тайна духовной свободы, когда начинаешь не осуждать, а сострадать.

Вспоминаю я Жужу часто. Готовлюсь к исповеди и вдруг понимаю, что я лишь перечисляю свои грехи, но не плачу о них. И мне на дано такого слёзного покаяния, какое было у Кетино.

А недавно мне приснилась Эка, смеющаяся и радостная.

- Тебя ж нет, - удивилась я.

- Как нет? Вот же я, — ответила Эка и пояснила. — У Бога все ЖИВЫ.

Блаженная кончина

Уборщица Мариам — человек от Церкви далёкий, но одна история её так потрясла, что ей не терпится рассказать её нам:

— Время настало, люди мрут, как мухи. У клиентки моей на прошлой неделе муж умер. Так умер — просто слов нет! И ведь нестарый был мужик, лет пятидесяти. Неплохие деньги, кстати, зарабатывал. Технолог по этим спрайтам, кока-колам. Я у них не раз убирала, и скажу: дом — полная чаша, и хозяин ничем не болел. Вдруг ему резко плохо стало. Решил, грипп. На работу не пошёл. А ему всё хуже и хуже. Через неделю вообще встать не мог. Его скорей

в больницу на рентген повезли. А этот врач очкастый (я у него месяц назад убирала), глянул на снимок и говорит: «Рак в четвёртой стадии. Позвоночник в трёх местах метастазами поражён». Метастазы, дескать, нерв поразили, вот он ничего и не чувствует.

Жена, понятное дело, наплела ему с три короба, мол, с лёгкими что-то типа простуды. А он догадался и говорит: «Нет, я скоро умру». Привезли его домой. А он спокойный-спокойный и давай молитвы читать. Да все наизусть, сама видела — без книжки. И не лень ведь было учить?

— А что, верующий был? — спрашиваю.

— Верующий. В церковь надо, не надо, ходил. Ни одного праздника в церкви не пропускал, исповедовался и причащался. Дома мебель у них такая приличная, а он в одной из комнат святой угол устроил — иконы развешаны, лампы горят. Я сколько по богатым квартирам хожу, убираю. У прокурора Грузии марафет навожу, а такого не видела. Не квартиры, а дворцы — ванны мраморные, мебель импортная, а лампадок и икон не видела, нет. А этот каждый день в своём уголке крестится, молится.

Так вот. Я окна мою, а он, смотрю, умирать собрался. Жену позвал.

— И жена верующая?

— Ну, прям, верующая! Деловая такая, по-английски стрекочет по телефону и во всю сигареткой дымит..

Так вот, позвал он жену и говорит: «Ты знаешь, умирать совсем не страшно. Даже как-то легко». Начал снова молитвы читать во весь голос и сказал жене напоследок:

— Я так рад, что, когда меня не будет, ты хоть раз в церковь зайдёшь, панихиду мне заказать. Я тебя всегда туда звал, но ты отказывалась. Теперь моё желание исполнится.

Она его разубеждает, мол, ты выздоровеешь. А он ей какие-то поручения даёт. Да так спокойно говорит, будто в командировку собирается. Потом ещё помолился немного.

— Прости меня, если чем обидел, — говорит жене. — Я скоро умру.

Руки на груди сложил, последнюю молитву прошептал и умер. Я такого сроду не видела!

А мужик-то прав оказался. Жена, хочешь, не хочешь, священника отпевать позвала и свечки в церкви, как положено, ставила, а то перед соседями неудобно.

А я с тех пор все время думаю: и как это он ухитрился так умереть? Вдохнул и, будто облачко, улетел куда-то. И не страшно ему было, будто смерти нет.

* * *

Отец Александр Ельчанинов пишет: «Надо понять, что Бог творит Свою волю о нас через людей, которых Он посылает нам. Нет случайных встреч: или Бог посылает нам нужного человека, или мы посылаемся кому-то Богом, неведомо для нас». Для меня и для иных

людей простодушный рассказ уборщицы Мариам о блаженной кончине праведника был именно таким посланием, что заставляет задуматься о вечном в кружении каждодневной суеты.

А почему Господь посылает иным людям блаженную кончину, это мы узнаем лишь в Царствии Небесном, где всё тайное становится явным.

Жертвы имиджа

Сегодня в гости к моей хозяйке Ирме пришла Марика, её подруга с телевидения. Из их прежних разговоров я знала: Марика долго отказывалась выйти замуж за своего Валерия, поскольку о нём говорили, что он известный «ходок». Но 35 лет - возраст критический. Тут незамужняя дама, думала Марика, уже как уценённый товар. Короче, в итоге сыграли свадьбу, и Марика сейчас в положении.

Подала я подругам кофе. Ирма привычным жестом пододвинула поближе к Марике пепельницу, зная её привычку дымить, как паровоз. (Сама Ирма не выносит табачного дыма, и мы с ней обе страдаем от гостей курильщиков. Но нынче в моде - игра в свободу, а тут нельзя ничего запрещать). А Марика помялась и ошеломила новостью:

- Я больше не курю.
- Ва-а, неужели бросила? Как? – изумилась Ирма.
- Лучше не спрашивай, - занервничала Марика. – Я перенесла жуткий стресс. Вай, как курить хочется, с ума можно сойти!
- Да расскажи ты толком, - потребовала Ирма.

Я тоже превратилась в слух и, протирая батареи от пыли, старалась потише выжимать тряпку. Впрочем, на меня никто не обращал внимания, ибо уборщица в доме - это что-то вроде неодушевленного предмета.

- Вчера была я у гинеколога, - начала рассказывать Марика. – Надо было выяснить, какие у меня анализы. Эта тупица-доктор нацепила очки, нашла мои бумаги и говорит с улыбкой: « У вас все в порядке. Ой! У вас СПИД!»

Брах. Ирма уронила ложку на пол.

- Вот-вот. Я тоже вчера чуть со стула не рухнула!

- Как же ты теперь? – прошептала Ирма, инстинктивно отодвигаясь подальше.

- Нет, ты подожди! Я по порядку. Не помню, как пришла домой, а внутри всё кипит. Какая дрянь этот бабник Валерий! Что он сделал со мной и с нашим ребенком? Да у меня кроме него никого не было!

(Вот так номер! Всегда была уверена, что Марика – дама с «богатым прошлым». А это была, оказывается, игра на публику, поскольку в их светской тусовке девственность не котируется, и её приходится скрывать).

- Когда Валерий явился домой, - продолжала Марика, - я бросилась на него, как тигрица, вцепилась в его жирную шею, сама трясусь и его трясу:

- Ты, животное, заразил меня СПИДом!

Тут Валера медленно сполз на пол. Ему с сердцем стало плохо. Только лепечет:

- Это ты меня заразила, развратная женщина. У меня кроме тебя никого не было.

- А кто хвастался победами над женщинами? Кто уверял самодовольно: «Хороший левак укрепляет брак»?

- Я просто так говорил, чтобы лохом не считали, - прошептал Валера и потерял сознание.

- Господи, что делать? У меня СПИД и муж умирает! И тогда в отчаянии я дала обет: « Господи, избавь меня от СПИДа, и я брошу курить!»

В общем, бегаю я вокруг Валеры, брызгаю на него водой, щиплю его хомячьи щеки. Всё, думаю, надо вызывать «скорую». Вдруг по мобильному звонит та самая докторша из гинекологии:

- Марика, я очень извинюсь. Мы перепутали ваши анализы. У вас нет СПИДа!

- Поздравляю! – Ирма бросилась обнимать Марику.

- С чем поздравлять, - кисло заметила та, - что дурацкий обет дала? Я тут у одного священника спрашивала, может, мой обет не считается. Я его дала в состоянии аффекта. А он, садист какой-то попался, еще на меня такого страха нагнал: «Скажите спасибо, что отделались легким испугом. Все это промысл....» Слово какое-то сказал.

- Промыслительно. – подсказала Ирма. И хотя она, как и Марика, слывёт крутой светской львицей, но посты держит строго и причащается. Это я вам говорю. От уборщицы такое не скроешь..

- Вот-вот, промыслительно, - подтвердила Марика и заплакала. - А я теперь лезу на стенку без сигарет! Слушай, может найти священника подороже, чтобы снял обет?

Тут Ирма отослала меня на кухню варить кофе, и чем закончился разговор, не знаю.

* * *

История Марики и Валерия реальна, хоть и похожа на анекдот. И в какие только наряды не рядится человек, чтобы соответствовать «духу времени»! Иногда смотришь на этот парад масок, и грустно становится, ибо дух времени таков, что чем уродливей, тем «современней». Не в чести целомудрие, верность, порядочность и даже просто нормальная жизнь.

Конечно, кто-нибудь наверняка скажет, что у православных обстоит всё иначе. Но священник Александр Ельчанинов пишет: «Мнение о нас других людей - вот то зеркало, перед которым позируют почти все без исключения. Человек делает

себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует некая выдуманная и приукрашенная фигура».

Как бы мне хотелось сказать, что в отличие от многих я независима от мнения людей, и мне безразлично, ругают меня или хвалят. О, если бы это было так!

Игблиани дарткма (1). Удачный удар

По телевизору крутилась надоевшая реклама. Бодрый голос за кадром внушал: «Покупайте лотерейные билеты «Игблиани дарткма», потому что самое главное в жизни сделать удачный удар!» При последнем слове футбольный мяч на экране точно влетал в ворота под оглушительные крики болельщиков.

В реальной жизни иногда неплохо быть в роли воротной сетки.

.....

Иду по улице, а мне навстречу вышагивает вразвалочку моя одноклассница, а ныне коллега по цеху уборщиц Тамрико Татарашвили. Не виделись мы, наверно, лет двадцать. Хотелось бы и дальше не видеться, но уклониться от встречи уже невозможно.

- Как дела? – Тамрико, осыпала меня градом поцелуев.

- Да так, - говорю, - ничего особенного. А ты как?

- О, у меня всё шикарно! – сама всё семечки щелкает и веселится. – У меня муж умер!

Не успела я выразить ей соболезнование, как Тамрико опять засмеялась:

- Представляешь, я теперь вдов, гы!...

...В школе эта бедолага была записной дурочкой. По устным предметам ее не спрашивали, зная, что кроме бессвязного эканья от нее ничего не дождешься. В точных науках Тамри прочно застряла между вторым и третьим классом, не

осилив таблицу умножения. Ее просто переводили из класса в класс, чтобы сбагрить потом в ПТУ.

Наша заводила Эка время от времени давала Тамри звучный щелбан и потешалась:

- Какая акустика! До чего же пустая тыква!

Все смеялись, а Тамрико громче всех.

- Вот дебильная! – ставила Эка диагноз и переключалась на что-то более значимое. Как дразнить человека, если он не обижается? Неинтересно.

,И всё же Эка от скуки иногда терзала свою постоянную жертву:

- Тамрико, кто на тебе женится? Ты даже ходить нормально не умеешь.

- Как могу, так и хожу, - отвечала Тамри, а на лице всё та же «улыбка до ушей, хоть завязочку пришей»

Ей даже в голову не приходило менять свою косолапую шаркающую походку или хоть как-то позаботиться о своей внешности. Чего стоили эти неизменные колготки гармошкой и мешковатая куртка.

Тем не менее, в 15 лет Тамри влюбилась в соседа уголовника Коку, а в 18 лет вышла за него замуж.

- Мой Кока такой же дебильный, как я, - начала она излагать свою семейную сагу. - То пил, то бил меня. Вот, посмотри, два зуба мне выбил, - подняв губу, показывает пустоты в зубном ряду.

- Таким негодяям надо руки отрубить! – возмутилась я.

- Тогда пол Грузии безрукими останутся. Кто же детей будет кормить? А у меня их двое. Потом Кока колоться начал. Я ему говорила: не надо. Кто меня слушал? Хорошо, меня мама к себе с детьми взяла.

Я выразительно посмотрела на часы, но Тамри, не понимая намека, продолжает:

- Через год звонит мне золовка и говорит: « У Коки цирроз от пьянки. Приходи ухаживать за ним».

- Надеюсь, ты не пошла?.

Тамрико удивлённо вскинула на меня свои голубые круглые глазищи:

- Почему? Я пошла. Муж все-таки. Не собака. Жалко. Тем более умирает.

- И что было дальше? – спрашиваю.

- Да ничего. Умер Кока. Я поплакала на похоронах. А через три дня меня золовка выгнала из нашей квартиры, чтоб жилплощадь не делить.

- Но ведь квартира твоя. Ты к юристу ходила?

- Да прямо – а! Что я знаю, чтоб по юристам ходить? Потом мама заболела. Денег совсем не было. Я на уборки пошла.

Дальше слушать было неинтересно, а точнее досадно. Стало жалко себя. Учить столько формул в свое время, до сих пор помнить все физические постоянные, необходимые для инженера, и – быть уборщицей. И теперь мы с Тамрико «коллеги», хотя она даже не догадывается о существовании дробей.

- Прости, я тороплюсь, - пытаюсь я отделаться от навязчивой собеседницы.

В ответ опять хихиканье:

- .Погоди, ты же главного не знаешь. Я под машину попала. . На меня на улице джип наехал – бабах! Я упала и лежу. Нога – тклац! Смотрю, кость торчит. А из джипа такой солидный мужик вышел. Галстук, костюм – все при нем. Я сразу подумала – депутат. А он, представляешь, и, правда, депутат оказался. Гы! Меня на руки схватил и в больницу повез. Говорит: «Я вам квартиру куплю, только никому ничего не говорите! У меня это, как его... на «и» начинается..

- Имидж, - подсказываю я.

-Точно! – и Тамрико на радостях треснула меня по плечу. – Ты у нас всегда умная была. Гы! И сейчас умной осталась.

- И чем все кончилось? – тороплю я её.

- Он мне по правде квартиру купил. Я ее теперь сдаю, и на эти деньги живем. Даже на уборки ходить не надо. Мой сынишка Дато говорит: «Мам, этот депутат - наш «игблиани дарткма». Как будто мы в лотерею выиграли!». Вот я и говорю, что у меня все шикарно, – завершила, наконец, Тамрико свою балладу о счастье и, распрощавшись, ушла.

Я смотрела вслед счастливой Тамрико и понимала: мне никогда не достичь ее простоты, даже если я прочту всех святых отцов. Такой как Тамрико надо родиться. У моего любимого отца Александра Ельчанинова про таких людей сказано: *«Блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники – они не имеют в себе главного врага – гордости, так как им нечем гордиться»*.

Гордость вечно ищет себе жертву, чтобы тщеславиться своими достоинствами, унижая таких как Тамрико. Хотя чем тут тщеславиться? И разве можно гордиться отсутствием благородства, сострадания и доброты? Помню, я прочла у кого-то из Оптинских старцев: «Я среди Красной площади любому человеку в ноги поклонюсь». Таков дух христианства и его отношение к людям. Стыдно признаться, но мне до этого идеала пока не дотянуться, гордость заедает.

.

Примечание.

1. Удачный удар. (груз.)

2.

Заменитель эхоскопии

В это лето я так вымоталась на уборках квартир, что от усталости уже начиналась депрессия.

- Ты без отдыха ноги протянешь, - вынесла свой вердикт моя соседка Цира и стала уговаривать меня съездить на недельку в Кахетию и отдохнуть в деревенской тиши у бабушки Нуцы:

– Условия у Нуцы хорошие, своя корова есть. Правда, азиатский туалет во дворе, но это не смертельно. Зато сыр, мацони – вот ты, вот ее корова. А вода! А воздух!.

Увидев, что я не прыгаю от восторга, Цира выложила свой главный аргумент:

– Нуца-бебо^[1], третий глаз имеет!

Я подумала, что ослышалась. По описанию – типичная кахетинская бабка с коровой, и надо же – «контактёр с внеземными цивилизациями».

Цира восприняла мой скептицизм как личное оскорбление и начала сыпать фактами:

– Она эхоскопию заменяет. Всем в деревне пол ребенка при месячной беременности предсказывает. Сказала моей двоюродной тете, что родится сын. И правда, Зура родился. Сказала рыжей Элисо (от нас пятый дом через дорогу), что будет девочка. Пожалуйста, девочка. И еще...

– Всё, хватит, – прервала я этот поток красноречия. – Я еду просто отдохнуть. Цена устраивает.

Так я оказалась во дворе бабушки Нуцы. Старый дом среди фруктовых деревьев, за домом огород, во дворе колодец – всё это понравилось мне с первого взгляда.

Сама Нуца-бебо – бодрая старушка восьмидесяти лет с натруженными крестьянскими руками. По здешнему обычаю вся в черном, лоб перевязан платком по самые брови, но ничего мистического в её облике я не обнаружила.

Дни здесь были похожи один на другой как початки молодой кукурузы.

Полдень. На повозке, называемой здесь «тачкой», привезли арбузы. Ишак, потряхивая ушами, остановился прямо у моего окна, а его хозяин прокричал:

– Эй, кому арбузы?.

В ответ тишина. Почти у каждого из соседей точно такие же арбузы. Зачем покупать?

Гужевой транспорт покатился дальше. Через какое-то время по улице прошло стадо коров. Нуца вышла за ворота, завела свою корову в хлев, и вскоре оттуда послышалось, как струи молока звонко ударяют о подойник.

Вот и все события. Так прошел день или два. Не помню, да и не важно.

Бабулька вела себя очень корректно. Утром предлагала свежие молочные продукты. Выясняла, не нужно ли чего дополнительно. С разговорами не приставала.

Я наслаждалась тишиной, лечила побитые городской жизнью нервы, и жизнь была похожа на идиллию.

На третий день этой идиллии во дворе появилась молодая пара в сопровождении представителей старшего поколения. Нуца-бебо тут же напустила на себя сверхделовой вид и семенящей походкой заспешила к колодцу мыть руки. Обтерла их о неизменный фартук и повела молодоженов в дом, велев остальным ждать во дворе. Через какое-то время молодые вернулись. А. Нуца величественно стояла на крыльце, как маршал на параде. Она молчала и, лишь дождавшись напряженной тишины аудитории, вынесла вердикт:

– Девочка будет!

.

Будущий отец, недавно, вернувшийся из армии, убито вздохнул и отвернулся, чтобы скрыть досаду. Ведь любому кавказцу только мальчиков подавай, а девочки – так, холостой выстрел в будущее.

Нуца-бебо, прицкнула на него со своего постамента:

– Эй, чего скис? На меня смотри и запоминай - второй мальчик будет. Так Богу угодно!

Тут все облегчённо вздохнули и, рассыпаясь в благодарностях, отбыли восвояси.

Так вот он, «третий глаз» в действии, а Нуца говорила как «власть имущий».

Через два дня всё повторилось до мелочей. Снова визит молодожёнов, (на этот раз из другой деревни, так как у ворот их ждал облезлый «запорожец»), потом диагноз контактёра и проводы гостей до ворот.

«Да у них тут массовый психоз районного масштаба?», – с раздражением думала я, и хотелось разоблачить это средневековое мракобесие.

Вечером, когда зной спал и Нуца-бебо устроилась с большим тазом под грушевым деревом лущить стручки фасоли, я улучила момент и завела разговор на сельскохозяйственную тематику, в которой ничего не смыслила. Моя хозяйка словоохотливо отвечала. Потом я набралась смелости и спросила::

– Как вы, Нуца-бебо, определяете пол месячного зародыша?

Старушка внимательно посмотрела на меня и улыбнулась:

– Ты первая, кто осмелился меня об этом спросить. Наши деревенские побаиваются меня, и, наверно, поэтому никогда и не спрашивают. Думают, что я какая-то особенная

Она замолчала, собираясь с мыслями, и призналась откровенно:

– Поверь, я и сама не знаю, как это у меня получается... В первый раз я предсказала своей невестке: «У тебя родится мальчик!» И она мальчика родила. Потом еще нескольким соседкам сказала, и всё совпало. Пришли как-то ко мне с другого конца деревни. Говорят: «Вот, три девочки уже есть, хотим узнать, кто там. Если и четвертая будет девочка, на аборт надо. Куда столько?» Я посмотрела и говорю: «Мальчик родится!» Ушли они, а я молюсь про себя: «Умоляю тебя, Господи, пусть родится у Бадри сын!» Наверно, я больше них обрадовалась, когда этот мальчик родился. Потом слава обо мне по всей деревне пошла. Стали ко мне пары приходить, кто ждал ребенка: мол, делать

аборт или нет. Сперва мне стыдно было деньги брать. Я отказываюсь, а гости сами суют в карман, кто сколько может. Ты же знаешь, люди так устроены, – тут она тихонько засмеялась, – то, что бесплатно, оно и не ценится. А когда деньги берешь, отношение уже другое. Уважительное.

Не бабуля, а бакалавр психологии!

– ...А по мне – лишь бы люди своих детей не убивали. У меня мать от подпольного аборта умерла. Осталась я сиротой в 12 лет. С тех пор ненавижу я это дело.

Она замолчала, задумавшись о чём-то, а я спросила:

– И вы никогда не ошибались в своих предсказаниях?

– Как нет? Ошибалась. Но я дело с умом повела. Придут, скажем, ко мне очередные гости. Я прошу их подождать, а сама с беременной захожу в другую комнату. Какое-то время держу руку на ее животе, потом говорю, кто будет. Если муж хотел только мальчика, а с девочкой послал бы жену на аборт, я говорила: ждите сына. А в блокнот к себе записывала фамилию матери и рядом пол ребёнка – иногда противоположный. Когда же приходили ко мне потом ругаться, я им показывала свои записи:– «Вай, что вы говорите? Девочка вместо мальчика? Но у меня тут как раз так и записано! Это я вас расстраивать не хотела». Грех обманывать, но я хитрила, лишь бы жизнь ребёнку сохранить.

Старенькая Нуца ловко лущила стручки, таз постепенно наполнялся фасолью. А рассказчица продолжала:

– Вот ты городская, в институте училась Ты умней меня и ответь: ну какая людям разница, кто родится? Бог лучше нашего знает, кто самый долгожданный и будет нужней всего на земле.. Главное, чтоб человек пришел в этот мир. И тут чаще радость большая. Потому и магарычи мне несут, и претензии редко предъявляют... Только это всё недолго длилось. Лет десять, что ли. А потом учёные придумали эхоскопию, и я стала не нужна.

Какое же огромное количество абортс было сделано в Грузии по причине «не того пола». Впрочем, рождаемость резко снизилась не только в Грузии Вот тебе и технический прогресс.

– И всё же люди помнят обо мне и иногда приходят. Мне местные больше верят, чем эхоскопии, – сказал Нуца-бебо, закончив чистить фасоль. - Хотя выходит, что я большая грешница. Полжизни обманом жила и еще деньги на этом делала... Возраст, он ответа требует. И всё же надеюсь: милостив Господь. Если каждый человек, кому я обманом родиться помогла, после моей смерти у зажжет свечу на помин моей души,, то там, – Нуца-бебо указала на небо, – светло будет, как днем. Людей-то таких много, почитай, половина нашего района. Слава Богу, что они пришли в этот мир, живут и здравствуют.

Я смотрела, как она привычными движениями завязала узел на мешке с фасолью, и мне захотелось поцеловать эти шершавые, натруженные руки. Но в деревне такой жест сочли бы чудачеством, и я воздержалась..

[1] Обращение к бабушке (груз.)

Батумский плацкарт

Это было во времена гонений на христиан. В одном селении жила христианская семья. Отцу трудно было прокормить жену и маленьких ребятишек, хоть он и работал не покладая рук. Но всю свою печаль он возложил на Господа и верил, что когда-нибудь всё изменится к лучшему. Как-то, чтобы и себя, и семью свою подбодрить, выгравировал отец на дощечке слова: «ТАК БУДЕТ НЕ ВСЕГДА». И повесил надпись на видном месте в доме.

Прошли годы гонений, и наступило время достатка и свободы. Выросли дети, появились внуки. Собрались они за богато накрытым столом в

родительском доме. Помолились, возблагодарив Господа за посланные дары.

Старший сын вдруг заметил старую табличку.

– Давай снимем, – говорит отцу, – так не хочется вспоминать о тех тяжелых временах. Ведь теперь всё позади.

– Нет, дети мои, пусть висит. Помните, что и **так** тоже будет **не всегда**. И учите этому своих детей. Нужно уметь за все благодарить Господа. Тяжкое время – спасибо за испытания. Легко тебе живется – спасибо за достаток. Только тот умеет быть благодарным, кто всегда помнит о вечности.

Притча «Так будет не всегда»

Недавно я попыталась проникнуть без билета в плацкартный вагон батумского поезда. Подвиг меня на это мой жизненный опыт тех давних времен, когда в очереди за билетами стояли сутками, зато мы ездили в Россию без визы. «Дам проводнику 10 лар, – рассуждала я, – и дело в шляпе».

Седоусый дядечка в белом кителе презрительно взглянул на мои купюры и, поглядывая в сторону видеокамер на перроне, задал встречный вопрос:

– Ты хочешь, чтобы я из-за паршивой десятки работу потерял? Касса прямо, потом вниз и направо.

– Мы что, уже в Европе живём? – поинтересовалась я.

– Мы давно в Европе, но одной ногой! – усмехнулся проводник.

Привычных очередей у кассы не было, на вокзале малоллюдно. И кассирша, выдавая билет, заметила: «У людей теперь денег нет, чтобы ездить куда-то». В общем, мы уже в Европе, но одной ногой.

В последний раз я ехала поездом на защиту диплома в 1992 году, уже после развала Советского Союза. Газеты гордо писали о независимой Грузии, но жизнь «одной ногой в Европе» давала о себе знать. В вагонах была ничем не выводимая грязь, матрасы напрочь отсутствовали, а пассажиры в разношерстной одежде напоминали массовку из фильма «Махно».

А разговоры в вагоне! О, это стоит воспеть для потомков.

—...В плацкарте лучше ехать, чем в купейном. Народу больше. На той неделе, говорят, прямо на подходе к Тбилиси четверо уголовников одну девушку в купе изнасиловали.

— А воровство какое! Думают, что в купе больше денег можно сорвать.

—...Что везешь?

— Мешок цицака^[1] на базар.

— Хорошо идет?

— Главное — реклама! — и хозяин мешка достает из кармана картонку. Свет тусклой, засиженной мухами лампы под потолком освещает корявую надпись фломастером: «Цицак — острый, как первая любовь!»

— Эй! Эгей! Проводник, где ты, дорогой?! — кричит кто-то, сложив руки рупором.

Через какое-то время появляется небритый проводник в фуражке еще советского образца.

— Чего орешь, как голодный осел?

— Почему воды в кране нет?

— Может тебе еще чай с сахаром принести?! Скажи спасибо, что в поезде едешь, а не пешком стоишь!

Публика светлеет улыбками. Действительно, что за наглость? Сахар и хлеб выдают по талонам, а этот губу раскатал на хорошую жизнь.

В конце вагона пьяный гвардеец из «Мхедриони» (националистическая организация, сформированная в основном из уголовников и объявленная позже вне закона - М. С.) заигрывает с девушкой. Для поддержания разговора кавалер достаёт из кармана гранату и шутит:

– Хочешь, взорву и посмотрим, что здесь будет?

Девушка испуганно жметя к стене. Пожилая женщина в трауре, напротив, пытается разрядить ситуацию:

– Сынок, положи эту гадость, откуда взял. Глаза б мои ее не видели!

Мимо идет проводник, бросая равнодушный взгляд на гранату. Зато просит убрать сумку из прохода. Расчет правильный: пьяный обладатель бомбочки может споткнуться о ручную кладь, и тогда все взлетят на воздух.

Доехали мы почти благополучно. Если, конечно, не считать, что кто-то взорвал туннель уже у самого вокзала. Вот и пришлось топать с вещами по рельсам до города. Но это мелочи, потому что все живы и всё-таки добрались до цели.

Тогда казалось, что всё замерло в каком-то маразме и нормальной жизни уже не будет.

Теперь в том же плацкарте была иная картина: новенькие матрасы, пачки отутюженного белья, кожаные покрытия без всякого намека на народный фольклор и вырезанные ножом формулы любви.

Рядом оказалась милая, интеллигентного вида попутчица с четырехлетней девочкой.

От нечего делать я стала придумывать ей возможную биографию. Так, кольца на руке нет. Значит не замужем и, возможно, родила долгожданного ребенка, не утруждая себя штампами ЗАГСа. Опять же слишком заиклена на своей спокойной беспроblemной девочке, как это бывает у мам-интеллектуалок.

Из любопытства я завязала разговор с попутчицей, сказав для начала о переменах, особенно заметных на фоне недавнего жуткого убожества путей сообщения.

- Даже не сравнить с прежним! - с жаром поддержала разговор моя соседка. - Помню, в 2002 году, еще при Шеварднадзе, ехала я в Поти. И вот сижу, жду отправления. Смотрю: десять минут задержка, полчаса. Спрашиваю у проводника: почему стоим? А он мне: «Машинист по телевизору футбол смотрит. Просил передать: “Подождете полчаса – что случится?”». В итоге в Поти приехали с пятичасовым опозданием. А тут всё по расписанию, минута в минуту.

Девочку вскоре укачало под стук колес, и тут выяснилось, что придуманная мною биография никуда не годится. «Интеллектуалка» оказалась обыкновенной домохозяйкой Лали, а ее «долгожданный ребенок», – дочерью бывшего мужа. Дорога располагает к беседе, и Лали рассказывала о себе:

- Развелись мы с мужем.

- Почему?

- Говорят, у мужчин после сорока лет появляется желание красиво и заново переделать свою жизнь. И моего мужа Зазу в 42 года посетила «великая и страстная» любовь. Сначала он думал, что справится с искушением, но так и не смог преодолеть себя. Я узнала о его романе через год, и Заза честно признался: «Прости меня. Я не могу жить без этой женщины. Она скоро родит мне ребенка, и я уйду к ней». У меня встали перед глазами наши счастливые годы, и я только смогла вымолвить: «Как ты можешь после стольких лет бросить нас?» Но Заза всё равно ушел. Мне казалось тогда, что жизнь кончена и всё хорошее осталось в прошлом, когда у меня была нормальная семья. Потом был официальный развод. Заза не стал делить имущество, сказав: «Не буду же я отсуживать квартиру у собственных детей!» Чтобы заработать на две семьи,

Заза уезжал на заработки из Грузии. Раз в месяц приезжал проводить наших детей Дато и Сали, оставлял деньги и прощался до следующего визита. Через какое-то время он познакомил наших детей с их новой сестрой. Меня на это свидание он не пригласил, не желая причинять мне боль. Дато и Сали мне и так все уши прожужжали, какая у них красивая и весёлая сестричка. Потом стали просить: «Можно, мы приведем ее сюда и покажем тебе?» Я молчала. Как мне было объяснить, что этот ребенок своим появлением на свет разрушил мою семью? Что скрывать, я хотела какого-то возмездия для «этой женщины».

Через какое-то время я узнала, что «эта женщина» умерла от рака в 35 лет. Хотите верьте, хотите нет, но я была в шоке от её смерти. Я не желала ей такого конца, а для Зазы ее уход был страшным ударом.

Вначале он отвел дочку к своим родителям. Но старики по немощи не смогли за ней смотреть. Да ещё Тинико (так звали девочку) замучила всех вопросами: «Куда ушла моя мама? Когда она вернется?» Заза разрывался между ребенком и работой. Тогда мои дети стали просить: «Давай возьмем нашу сестричку к себе. Папе очень трудно и надо уехать на заработки». Я не нашлась, что ответить.

Тинико, как только меня увидела, обняла мои колени и пролепетала: «Ты такая же красивая, как моя мама!» Я с трудом сдержалась, чтобы не заплакать. Очень скоро привязалась к ней как к родной и уже не могу без нее жить. Вот, едем к морю. Решили взять ее, так как ей нужнее, чем старшим. На всех денег не хватило.

Заза уехал из Грузии. Работает и посылает нам деньги. Уже не переживает о Тинико, как раньше. Он знает, что с ребенком все хорошо.

За разговорами незаметно наступила ночь, и мы легли спать. В 7 утра, точно по расписанию, поезд затормозил у вокзала. Проводник лично оповестил всех пассажиров о прибытии и, элегантно раскланиваясь, пожелал нам всех благ.

Кто бы мог подумать, что прежние отношение к пассажирам сменит эта вышколенная вежливость? Кто верил в перемены в те годы, когда вся Грузия сидела без света и ледниковый период, казалось, не кончится? Нам стало весело - всё-таки жизнь не беспросветный тупик. И, может быть, я снова поеду к друзьям в Россию - без всякой визы, как ездили прежде. И поеду уже не в качестве дипломированной уборщицы, потому что, надеюсь, переменится жизнь. Все же хочется верить в лучшее. Очень хочется.

□ Острый зеленый перец.